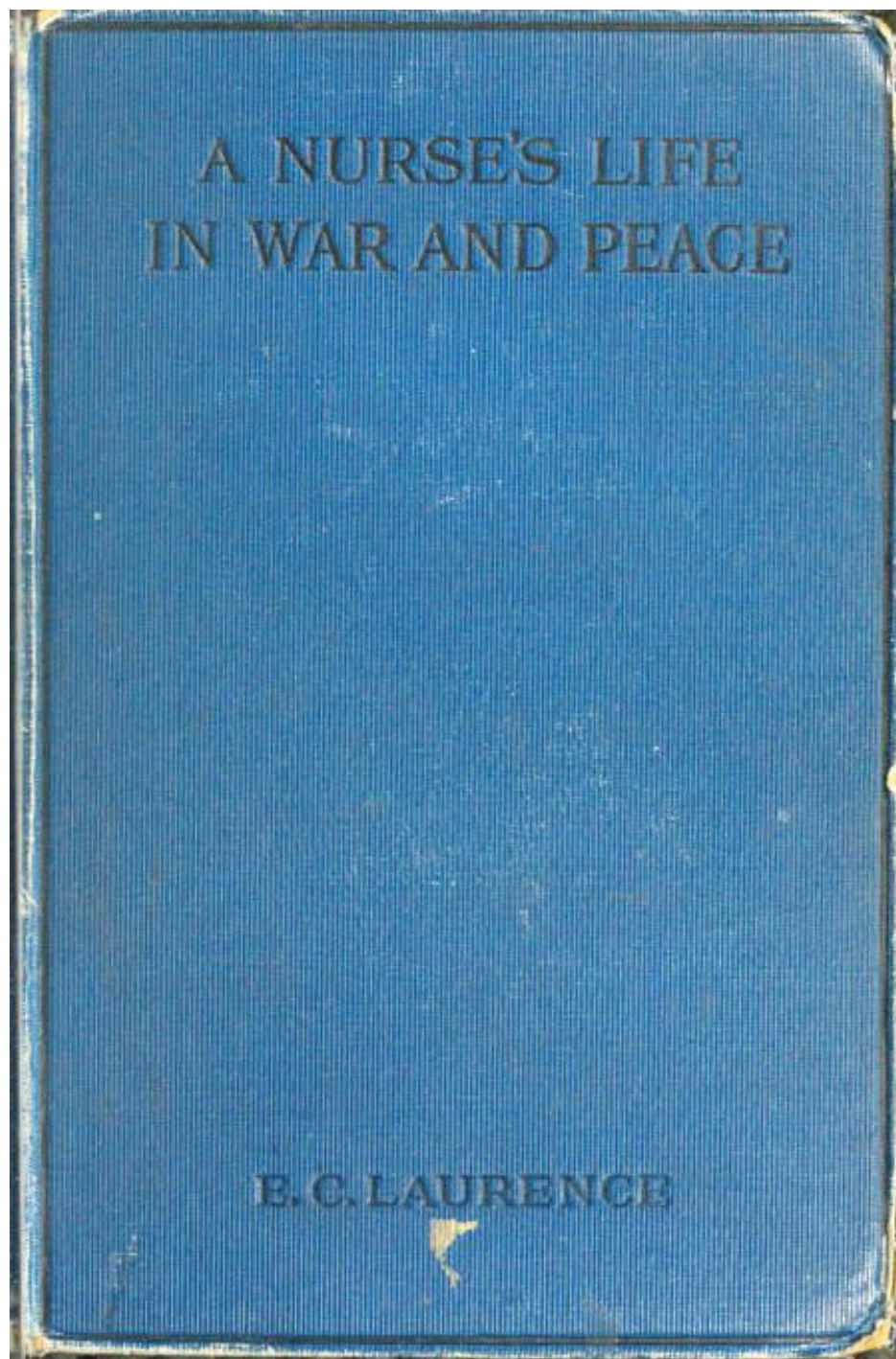

Жизнь медсестры на войне и в мирное время

Э. К. Лоуренс

Электронная книга проекта "Гутенберг" о жизни медсестры на войне и в мирное время

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь медсестры на войне и в мирное время

Автор: Э. К. Лоуренс

Автор введения и др.: Фредерик Тревес

Дата выхода: 6 июня 2016 г. [Электронная книга № 52250]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Подготовлено MWS, Мартином Петтитом и командой корректоров, распространяющей тексты онлайн на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ЖИЗНЬ МЕДСЕСТРЫ В ВОЙНЕ И МИРЕ" ***

ЖИЗНЬ МЕДСЕСТРЫ В ВОЙНУ И МИР

Жизнь медсестры на войне и в мирное время

АВТОР: Э. К. ЛОУРЕНС, R.R.C.

АВТОР КНИГИ "СОВРЕМЕННОЕ СЕСТРИНСКОЕ ДЕЛО В БОЛЬНИЦЕ И НА ДОМУ"

С ПРЕДИСЛОВИЕМ

СЭР ФРЕДЕРИК ТРЕВИС, барт.

Г.К.В.О., К.Б.Н., доктор права

ЛОНДОН

SMITH, ELDER & CO., ВАТЕРЛОО-ПЛЕЙС, 15,
1912

[Все права защищены]

Напечатано Ballantyne, Hanson & Co.

В издательстве Ballantyne Press, Эдинбург

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сразу же обнаружится, что очарование этих писем зависит от их простоты, безыскусственности, очевидной прямоты. Они представляют собой простой, незамысловатый рассказ о карьере медсестры, о трудностях, с которыми ей приходится сталкиваться, и о проблемах, которые ей приходится решать. Те, кто хочет узнать что-нибудь о жизни медсестры и ее временах, найдут в этом тексте убедительный рассказ, лишенный эмоций и основанный на фактах.

Это немалая заслуга, поскольку сведения об опыте ухода за больными могут быть размыты преувеличением или вызывать тошноту из-за болезненной романтики. В комнате больного и в присутствии смерти достаточно пафоса, но тем, кто соприкасается с этим, лучше было бы заткнуть это знание в своих сердцах, а не провозглашать его на крышах домов. Помимо этого, мир, должно быть, немного устал от пронизательного больного ребенка, который шепчет мелодраму на ухо "доброй медсестре", а также от причудливых афоризмов умирающего бродяги.

Ошибки руководства и упущения в дисциплине, которые случайно всплывают в этой истории, теперь остались в прошлом, и их больше нельзя найти ни в "Детской больнице", ни в "Общей".

Новичок, вступающий в профессию Медсестры, найдет в этих письмах разумный и точный взгляд на открывающуюся перед ней перспективу. Она может также получить некоторое представление о квалификации хорошей медсестры. Эта квалификация не должна выражаться ни сертификатами, ни значками, ни накрахмаленной униформой, ни результатами экзаменов. К счастью, они находятся за пределами механических возможностей любого эксперта и выше банальностей официального заключения.

Об идеальной сиделке можно сказать, что "ее цена намного выше рубинов" и что ее место высоко в обществе восхитительных женщин. Она сведуща в сложном ритуале своего искусства, у нее есть такт и здравое суждение, она может придать силу слабым и уверенность малодушным, она обладает тем редчайшим зрением, которое позволяет видеть мир глазами

пациента, и она обладает теми изысканными, неуловимыми, самыми человеческими чувствами, которые в полной степени присущи только ее полу.

ФРЕДЕРИК ТРЕВЕС.

Декабрь 1911 года.

Содержание

Я	страницу
в школе решил стать медсестрой—Королевский Красный Крест учредил—предварительное обучение	1
второй	
визит в Тенерифе—Буря в заливе—остров	3
III В	
до Каньядас—Путешествие домой с грузом лодка—звоните по Мадейре	8
ИЖ	
первые опыты в больнице—еда—некоторые медицинские случаи—мой первый "особый" случай	14
В	
переехал в хирургическом отделении—В карантине—отравленная рука"Кэтлин"	19
В.	
в поликлиническое отделение—улучшилось питание, и тяжелые работы—действовать как Ночной сестрой на две ночи—утра предложили должность медицинская сестра—мой первый сертификат на	25
VII в	
в ЮАР в течение года—плавание на <i>шотландца</i> —на поезде из Кейптауна в Кимберли	31
VIII вида	
жизни на алмазные поля,—отвечает Мистер Сесил Родс—Кимберлийский	37

выставочный

IX	
визит в Кейптаун—до столовой горы—Вернуться к Кимберли	42
X	
на цепи в Капской колонии—визит в Натале—доктор плата	48
XI	
Ист-Лондон и Порт-Элизабет—вниз алмазный рудник (Кимберли)—Вернуться в Англию	54
XII	
, принятые на обучение в больнице—я начинаю в Медицинской Палаты—внезапная смерть	60
XIII	
на хирургическое стороны—тяжелый "взять-в" неделю—лекции по физиологии	66
XIV	
мой первый тифа случай—дифтерия Tracheotomies—спасение кота—на ночном дежурстве	71
XV	
Рождество в больнице—дозирующей экспертизы—исполняющий обязанности помощника Матрона—Три недели дежурит в лазарете	77
XVI	
первая сестра в передней операция—несчастный случай—собака со сломанной ногой	83
XVII	
изолятор временного сестра—назначен Ночные сестры—интересную работу—стать Королевский национальный Пенсионный фонд для медсестер—я провожу Рождество отразил как пациент	89
XVIII	
хлороформа кота—я добровольно чума долга (отказался)—Назначен палатная	95

сестра—пожарная сигнализация—праздник в Швейцарии—бомба в Париже

XIX

я ехать в Египет—уход на море в плохую погоду—в Helouan—съездить к пирамидам—
Каср-эль-Айни 102

XX

вверх по Нилу на туристическом пароходе—в Луксор—"Заяц и Гончие" на ослах 109

XXI

Война в Судане—день и ночь престарелых 115

XXII

отправлены до Assouan—Вниз по течению Нила на посту лодки—пешком домой
через весь континент 120

XXIII

вернулась в свою старую больницу—в отделение для женщин и детей—Рождество в
мужском отделении несчастных случаев 126

XXIV

скарлатиной—в Мальборо-хаус с Р. Н. П. Ф. медсестры 132

XXV

время англо-бурской войны—счастливая встреча в военное ведомство,—
присоединился к армии престарелых службы заповедника—выбирая фитинги, и т. д.
для больницы 100 коек 137

XXVI

путешествие на *Танталлон-Касл*—в некоторых военных госпиталей близ
Кейптауна—мы приземлимся в Натале 143

XXVII

прививки против брюшного тифа—мы начинаем строить нашу больницу—увеличено
со 100 до 200 коек—распаковка—госпитальное судно в Дурбане 149

XXVIII

наши запасы еды, стиральная мероприятий—змеи и прочие твари— 156

железнодорожная авария—Наши первые пациенты

XXIX

Принцесса, христианская больница поезд приносит нам плохие случаи—люди из Elandslaagte—какой-то офицер пациентов—епископ Претория 162

XXX

лихорадки Денге среди сотрудников—первая смерть среди больных офицер—Мафекинг с облегчением,—у нас в больнице официально "открыт"—полковник Нгома—траппистского монастыря 169

XXXI

на Спидон Коп герой—санитары сбивая с кишечно—производство прочих текстильных работы, и т. д. чтобы развлечь выздоравливающих—смерть санитара из кишечно—стихотворение офицера больных 175

XXXII

некоторых почетных гостей—мы становимся военный госпиталь—новый санитары приедут—"Императорский предъявителя компании" люди—наша главная 183

XXXIII

изменениями на наш персонал—это приезд больного конвои—наши слуги—больницы комиссии—трудности транспорт 189

XXXIV

я посетить поля битв—в Colenso—Ледисмит—до Спидон Коп—жесть городская больница—На Красный Крест скорой помощи 196

XXXV

на Водопад Тугела—Питер Хилл—Харт Холм—Чивли—МООИ реки—Марицбург—обратно в Пайнтаун 203

XXXVI

заключенных из Претория—наши сады—мы начинаем птицеводство 209

стр.

натальной добровольцы возвращаются домой—"Джон"—летающих муравьев и других вредителей 215

XXXVIII

нашего интернет—превосходство англо-бурской пони—в приюте для брошенных собак! 221

XXXIX

внезапно заказы на домашние путешествие с Лордом Робертсом в *Канаде*—
позвоните в Кейптауне—похороны в море 228

XL

Лорд и Леди Робертс посещать больницу—Рождество в море—якорь Каус—Лорд Робертс визитов королевы Виктории в Осборн—шестнадцать дней отпуска—
вернуться в *Канаду* , чтобы вернуться к мысу 235

хы

смерти королевы Виктории—квартирантам на Винберг—чума в Кейптауне—До
побережья с англо-бурской заключенных 242

XLII

страна—под холста—сестер лошадей 249

XLIII

наши палатки затопило—корова разделяет мою палатку—ночное дежурство в сезон
дождей—день обязанности 256

XLIV

в обязанности медицинской палатки—подарок от королевы—в звук пушки—"Кит
осмотр"—ужасы транспорта в скорую помощь фурам 263

четырнадцатый

внезапный развал—зиму начинает—Устали от войны 270

XLVI

ночное дежурство опять—больной прибытия конвоя в ночь—плохой пневмонии
случае—почти замороженные 277

XLVII

упоминается в депешами—переболел дизентерией—на ночь в Пайнтаун—с моим
братом в иные 283

XLVIII

в Порт—Элизабет-вниз по побережью до Моссел-Бей—мы едем, *через Джордж, в* 290
Аудсхорн—Военное положение—Под конвоем до Принс—Альберт—роуд—Поездом
в Кимберли

XLIX

Рассказы об осаде—"Длинный Сесил"—Лагеря беженцев—Пикник с оружием в 298
руках

Л.

Поездом до Кейптауна—Ночная сестра на военном корабле-Несколько печальных 305
случаев-Снова домой

ЖИЗНЬ МЕДСЕСТРЫ НА ВОЙНЕ И В МИРНОЕ ВРЕМЯ

Я

Школа, Линкольн,
1888 год.

Это мой обычный день для написания писем, и мне не о чем писать вам, кроме обычных вещей. Каждый день мы встаем в одно и то же время, делаем одни и те же уроки (не очень сложные), едим одну и ту же пищу (не очень интересную) и совершаем одни и те же скучные прогулки, изредка играя в теннис на неухоженной лужайке; но я думал, и в конце концов, я собираюсь убедить своих людей позволить мне бросить школу.

Я думаю, вы знаете, что несколько лет назад я решила, что буду медсестрой. Если быть точным, именно в 1883 году королева Виктория учредила Королевский Красный Крест, и в том же году я горевал из-за того, что ни одна из профессий, в которых отличились мои братья, не была открыта для меня, поскольку я был "всего лишь девочкой"; поэтому я сразу решил, что попытаюсь завоевать Королевский Красный Крест.

Ну, сейчас я не так много думаю об украшении, поскольку войны, кажется, случаются редко; но все же я думаю, что профессия медсестры - единственная, к которой я немного подхожу, и в последнее время я читаю все, что могу достать по этому предмету.

Видите ли, я ни капельки не умен и не силен ни в музыке, ни в языках, так что я никогда не смог бы преподавать. И из-за того, что я была такой хрупкой, когда была маленькой, я отстаю от большинства девочек своего возраста по многим предметам; но за два семестра, что я здесь, я

получила два приза, и я думаю, что могу проработать любой предмет, который захочу, так же хорошо, как и большинство людей.

Я знаю, что я еще недостаточно взрослая, чтобы начать ухаживать за больными, но когда я стану взрослой, возможно, потребуется оплатить мой первый год обучения, поэтому я очень хочу, чтобы они сэкономили деньги, которые они сейчас платят за мое образование, чтобы оплатить это, поскольку мне кажется, что меня пичкают многими предметами, которые после окончания школы мне больше не понадобятся.

Я еще не совсем решил, в какую больницу мне лечь. Ясно, что если я хочу поступить на военную сестринскую службу, то сначала должна пройти трехлетнее обучение в крупном госпитале общего профиля; но лучшие из этих больниц не принимают кандидатов, пока им не исполнится двадцать три, а это кажется таким далеким сроком. Так что, возможно, сначала я проведу год в Детской больнице или какой-нибудь другой специальной больнице, но я еще недостаточно взрослый даже для этого; и поскольку я думаю, что Ф. собирается весной на Канарские острова, я думаю, что, скорее всего, я поеду с ним, поскольку вы знаете, я люблю путешествовать.

Мне очень нравится это место, и у меня здесь много друзей; но одно совершенно определено, а именно то, что я собираюсь стать медсестрой, и с учетом этого я думаю, что могла бы использовать свое время с большей пользой, чем я делаю здесь.

II

Порт Ортава, Тенерифе,
апрель 1889 г..

И вот мы здесь, в удобных апартаментах, под ослепительным солнцем, величественный старый пик Тенерифе (с его снежной шапкой) смотрит на нас сверху вниз.

Я бы хотел, чтобы вы перенеслись в это тепло и яркость; но вам бы не понравились наши впечатления по дороге сюда.

Вы знаете, как холодно было, когда мы покидали Лондон на *Руапеху*; и на всем протяжении Ла-Манша было очень холодно, но хорошо и безветренно. Мы зашли в Плимут (такая красивая гавань); затем, после того как мы покинули его, начались наши неприятности. На следующий день была сильная зыбь, и на палубе появилось очень мало людей. Они сказали, что с нашей стюардессой "произошел несчастный случай", но нас хорошо обслуживал милый маленький стюард. М. было плохо, и она осталась в своей каюте; но с помощью стюарда я с трудом выбрался на верхнюю палубу и ни за что не пропустил бы этого. Ближе к вечеру дул по-настоящему сильный ветер, и волны были грандиозными. Мы совершали такие погружения во впадину, и тогда огромный корабль дрожал и, казалось, собирался с силами, чтобы подняться на гребень следующей волны, а затем совершить еще одно погружение.

Мужчины весь день были на рысях, делая все быстро. Было воскресенье, но службы не было — вся команда была слишком усердна на работе, а пассажиры в основном находились в своих каютах. Ближе к вечеру я размышлял, как мне "обустроить" свою каюту, когда подошел

казначей и спросил, не может ли он помочь мне спуститься вниз, поскольку ветер все еще усиливался, и капитан назначил его "заместителем", который сказал, что нам всем лучше быть внизу.

Та ночь и следующий день были действительно очень плохими. Нас задраили, и мертвые огни были вкручены около 4.30 пополудни, а электрическое освещение включили только после шести; так что все это время мы были в темноте, и некоторые пассажиры действительно были очень напуганы.

Тонны воды вылились на главную палубу и в кают-компанию, и мужчины всю ночь вычерпывали ее возле наших кают. Я продолжал ощупывать в темноте, чтобы увидеть, есть ли вода в нашей каюте, когда она с громким "шуршанием" пронеслась мимо двери; но ступенька была высокой, и она не перелилась.

В ту ночь никто не мог уснуть; это было все, что мы могли сделать, чтобы нас не выкинуло из наших коек.

Мужчины вели себя очень забавно, вычерпывая воду и вытираясь. "Напоминает день стирки на нашем заднем дворе — жаль, что моей старухи здесь нет", "Иногда мы видим корабль, иногда мы плывем по морю" — и еще куча всего в том же духе. Наш стюард сказал, что ему никогда раньше не приходилось вычерпывать столько воды, а он проработал на корабле шесть лет. Один из парусов был унесен, и когда мы добрались до Санта-Круса, инженеры обнаружили, что часть руля исчезла.

Два повара и один из матросов были сбиты с ног и ранены, но, я думаю, не очень серьезно. Две шлюпки были смыты со шлюпбалок, а одно из тяжелых палубных сидений (рядом с тем, на котором я провел день) было разбито вдребезги.

Спать было совершенно невозможно, так как труднее всего было удержаться на своей койке, и время от времени раздавался сильный грохот, поскольку в каютах и камбузах ломались вещи. Мы все еще в синяках и одеревенели от стука.

Я всегда хотел увидеть шторм на море; но теперь я вполне удовлетворен и никогда больше не захочу его видеть. Очень неприятно быть задраенным, а двигатели так устрашающе гудят от напряжения и дрожат, что вы чувствуете, что должны прислушаться к следующему вращению винта, зная, что, если двигатели откажут, ваши шансы пережить шторм будут действительно очень малы.

После этого погода улучшилась, стало теплее, и пассажиры один за другим выползли на палубу; но большинство из них выглядели так, словно перенесли продолжительную болезнь и не могли говорить ни о чем, кроме своей тревоги из-за шторма; и капитан признался, что у него было очень тревожное время.

Однажды рано утром мы приземлились в Санта—Крус - очень непривлекательном городке, где грязные попрошайки страдают различными отвратительными болезнями и повсюду следуют за вами.

Немного помедлив, мы наняли экипаж и тройку лошадей, чтобы проехать через остров в Оротаву, расположенную в двадцати шести милях отсюда, — по красивой извилистой дороге, прохладной среди холмов, но становящейся жаркой по мере того, как мы спускались к Пуэрто-Ортава. Отель был переполнен, но мы сняли номера на иждивении; а когда мы отдохнули и переоделись, то нашлик~~аррос~~а, готового отвезти нас на ужин. Каррос - это разновидность саней на широких полозьях, запряженных двумя волами. Ими часто пользуются в городе, так как дороги вымощены мелким булыжником, из-за которого колеса сильно буксуют.

Это хороший отель, прохладный и просторный, а сад прекрасный — столько роз, бугенвиллий и ярких деревьев гибискуса. Мы можем воспользоваться хорошей бильярдной, и она открыта полностью с одной стороны (только матовые жалюзи). Это показывает, насколько сухой климат в стране, поскольку таблица совершенно "верна".

Официанты - испанцы, которые немного знают английский и любят им пользоваться. "Это джарм, очень вкусно" и т. Д. Мы ходим повсюду со своей маленькой красной книжечкой фраз и иногда получаем то, что хотим, но чаще всего нам не удается добиться того, чтобы нас поняли. Туземцы самые интересные, дети - такие хорошенькие малыши с очень яркими глазами. Там, в горах, они все еще считают, что сейчас зима, и мужчины ходят с одеялами, повязанными вокруг шеи; а когда они садятся на корточки, одеяло распускается и образует вокруг них маленькую палатку. Здесь, внизу, действительно жарко, и на маленьких детях нет ничего, кроме маленьких сорочек. Женщины хорошенькие, и на головах у них повязаны яркие носовые платки.

Мы находимся недалеко от моря, и оно такого великолепного синего цвета; я никогда раньше не видел ничего подобного. Я полагаю, что здесь очень глубоко, и Пик возвышается на 12 000 футов прямо из моря.

Английской церкви пока нет, но капеллан проводит службы в большом помещении, оборудованном под церковь. Здесь каждый куда-нибудь едет верхом, даже когда идет в церковь; поэтому во время службы снаружи собирается большая компания пони и ослов в сопровождении сопровождающих мужчин и мальчиков (все в белых костюмах, с яркими поясами), и время от времени ослы повышают голос.

Я нашел хорошего гнедого пони ("Лиана"), который хорошо ездит. Здесь они - маленькие зверьки с уверенными ногами; и им необходимо быть такими, поскольку есть только одна "проложенная" дорога, а по остальным мы карабкаемся по горным тропам. Но когда мы выезжаем на дорогу, они просто убегают прочь.

М. нечасто занималась верховой ездой; и иногда, когда мы карабкаемся вверх по крутому склону, я оглядываюсь назад и вижу, что она держится изо всех сил с самым безропотным выражением лица. Но я думаю, что ей все это безмерно нравится.

На днях мы ходили в Ботанический сад, и он просто прекрасен — лилии арум и многие из наших отборных оранжерейных цветов растут как сорняки, и папоротники здесь тоже такие красивые. В клоф (здесь называется *барранкос*) мы находим девичий волос, растущий в диком виде, и с такими огромными листьями. Я измерил один, и он был двух футов высотой. В саду очень красивый молодой садовник—испанец - подарил нам огромные букеты роз, чтобы мы унесли их с собой. Все туземцы, с которыми мы сталкиваемся, настолько вежливы и дружелюбны (каждый мужчина, мимо которого вы проходите, приподнимает шляпу), что нам жаль, что мы не можем говорить с ними по-испански; но пока, если мы можем попросить то, что хотим, это все, на что

мы способны. Люди из высшего общества часто говорят по-французски, и я ужасно смешиваюсь. Как-то вечером один серьезный сеньор спросил меня, говорю ли я по-французски, и я ответил: "*Un très mui poco*"!

Слово, которое они, кажется, используют чаще всего, - это *mañana* (завтра); как объяснил наш милый официант, когда джентльмен сказал: "Антонио, кофе остыл", "О, завтра он будет горячим". У англичан это всегда происходит сейчас, сегодня; у нас это *маньяна*".

Мы слышим, что Лагуна становится модным курортом, как только здесь становится слишком жарко, но Икод - это фруктовая деревня на острове; поэтому мы подумываем о том, чтобы съездить туда и переночевать.

III

СС. "Фес", Ла-Манш,
июнь 1889 г..

Со времени моего последнего письма мы, похоже, были заняты главным образом борьбой с пароходными компаниями в тщетной попытке убедить их вывезти нас с острова. Отпуск Ф. закончился в начале июня, и поскольку у нас была очередь на обратные билеты, мы заблаговременно написали им, чтобы забронировать места. Сначала они давали нам разные обещания, но вскоре мы узнали правду, а именно, что все их лодки были переполнены у всех причалов задолго до того, как они приблизились к острову.

Затем мы начали использовать другие линии; но, видите ли, почти все лодки прибывают из Новой Зеландии или Кейптауна, и это любимое время для возвращения домой; кроме того, нас привлекает Парижская выставка. Поэтому я не могу сказать вам, на скольких судах мы подавали заявки на места и всегда в конце получали известие: "Все места заняты".

Лично я не возражал, так как наслаждался каждым днем на острове; но это было неудобно из-за некоторых вещей, и в конце концов нам пришлось принять решение плыть на борту небольшого грузового парохода, который заходит в Оротаву, а не в Санта-Крус, и неторопливо везет домой нескольких пассажиров. Но прежде чем я расскажу вам о нашем путешествии, я должен немного рассказать о наших последних днях на острове.

Однажды мы поехали в Икод, симпатичную маленькую деревушку, примерно в двух часах езды от Оротавы. В Icod выращивают много кофе, а также много фруктов — апельсинов, лимонов, инжира и других. Оттуда мы поехали в Джерачико (приятная поездка вдоль берега), где во время последнего извержения была охвачена целая деревня; но сейчас она снова застроена, и мы не смогли увидеть ничего интересного.

Сеньора Каролина правит небольшим отелем Icod и сделала так, чтобы нам было очень комфортно. Но ни она, ни кто-либо другой, кого мы встретили в этом заведении, не говорили по-английски; так что для нас это была хорошая практика, и наш испанский оказался лучше, чем я ожидал.

Мы решили не подниматься на вершину, так как вы не можете сделать это из Оротавы, не проведя ночь где-нибудь в горах; но однажды М. и я присоединились к группе, которая провела день на Каньядасе — хребте, из которого возвышается Пик. Мы сели на наших пони в 7 часов утра при ярком солнечном свете и в разных местах забирали наших друзей, пока не превратились в компанию из десяти человек с толпой мальчишек-слуг, которые разносили нам обед, и так далее. Первая часть поездки была легкой и приятной; затем, когда мы поднялись выше, это стало больше похоже на карабканье по рыхлым камням, о которых любой английский пони сказал бы, что они годятся только для того, чтобы попросить переступить козу. Как раз в тот момент, когда тропинка стала по-настоящему крутой, мы покинули солнечный свет и оказались в плотной гряде облаков, холодных и сырых, и нам пришлось идти очень осторожно, гуськом. Болтающие мальчики-пони были очень молчаливы (их настроение легко испортить) и сказали, что это "*муха фрио*". Вскоре мы вынырнули из-за облаков под палящее солнце, и, найдя участок довольно ровной местности, некоторые из нас пустились легким галопом, пытаясь согреться; но мы добрались до песчаного места, и там Лене взбрело в голову лечь и покататься. Я увидел, что она задумала, и сумел откатиться с ее пути; так что мое седло пострадало больше, чем я сам. Но поскольку моя одежда была очень мокрой от тумана, к ней прилипал песок!

Мы приятно пообедали на высоте 8000 футов, пока пони были оседланы и накормлены; и некоторые из нас подумали, что нам хотелось бы разбить лагерь на ночь, а утром подняться на вершину. Но когда мы закончили обед, у нас на двоих осталось всего два бутерброда с ветчиной, так что мы решили, что нам лучше вернуться до наступления ночи.

Вид был прекрасным, *поверх* гряды белоснежных облаков на очень синее море с другими островами вдалеке, а позади нас возвышался величественный старый пик.

Спуск (другим способом) был довольно опасным, пони совершенно чудесным образом перепрыгивали с камня на камень, часто прямо на краю пропасти. Но это было слишком для некоторых из нашего отряда, и они настояли на том, чтобы спуститься пешком; и это несколько задержало нас, так как они и близко не могли идти так быстро, да и ноги у них были не такие уверенные, как у пони.

Мы приехали в 8 часов вечера, очень уставшие и сильно загорелые, но безмерно насладившиеся днем; а наши пони были совсем свежими и хотели проскакать весь путь галопом, как только они окажутся на дороге.

Кажется, я еще не рассказывал вам о древесных лягушках; после захода солнца они издают такой шум, что можно подумать, будто это кричат тысячи уток. Один джентльмен захотел взять несколько штук с собой в Англию; так что однажды мы поймали для него полдюжины, и все они сбежали в наших комнатах! Такая охота на них была! И я не смог закончить рассказ об Оротаве, не сказав ни слова об *облохах*. Это действительно великое испытание, и, кажется, их повсюду предостаточно, особенно в вагонах.

После нескольких ложных тревог прибыл наш маленький пароход "*Фес*" (560 тонн) и начал принимать груз пемзы. Почтенные старые вола привезли тележки для нашего багажа, и наши многочисленные друзья сопровождали нас к пристани, где, казалось, собралась большая часть испанского населения, чтобы проводить нас.

В Оротаве всегда трудно причалить, и маленькая корабельная шлюпка хорошенько подбросила нас, прежде чем нас втащили по трапу. Это было довольно ужасно до того, как мы отчалили, и я была единственной леди, у которой не было морской болезни до того, как был поднят якорь!

Такая перемена по сравнению с *Руапеху*! Только один очень маленький салон, а наши каюты совсем крошечные; нет верхней палубы и очень мало места на главной палубе; конечно, на борту нет ни врача, ни стюардессы. Но мы думали, что это ненадолго, и были полны решимости извлечь максимум пользы, и вскоре обнаружили, что есть и плюсы, а именно: очаровательный капитан, приятная команда и самые внимательные стюарды. И очень скоро мой маленький шезлонг был установлен на мостике, и я узнал о навигации больше, чем следовало бы узнать за годы службы на лайнере. Нас было двенадцать пассажиров (все люди, которых мы знали), двадцать два офицера и команда; также большая собака и овца, которая время от времени забредала в наши каюты, почти до конца путешествия, когда мясо, развешанное на корме (на борту не было холодильника), закончилось, и вот однажды я увидел, как за борт смыло овечью шкуру! Там также было много шумных петухов и кур, несколько уток; и, последнее, но не менее важное, стаи крыс! У меня в каюте было немного сахарного тростника, и крысам это очень понравилось; и когда я бросал в них чем попало, чтобы прогнать, они садились на порог каюты, умывались и облизывались!

До Мадейры у нас была прекрасная погода. Когда мы добрались туда, то обнаружили, что это государственный праздник, и нам придется задержаться здесь на три дня, так как на борту нужно было взять 300 бутылок вина, а туземцы не хотели работать в праздничный день. Это дало нам хорошую возможность осмотреть остров, и это было очень приятно. Здесь гораздо больше зелени, чем на Тенерифе, но я должен сказать, что климат, хотя и очень мягкий, далеко не такой сухой.

Капитан организовал для нас очень приятную поездку в ту часть острова, которую не часто посещают люди, заходящие только в Фуншал.

Нам пришлось встать посреди ночи и подняться на борт небольшого катера (который развозит почту вокруг острова) в 2.30 ночи. Был прекрасный лунный свет, и Фуншал выглядел очень красиво, когда мы плыли вокруг большой скалы Лоо. Мы добрались до Калиетты в 5 утра, и нам пришлось некоторое время свистеть, прежде чем люди проснулись и пригнали для нас маленькую лодку.

Они сварили нам кофе, и мы позавтракали, а затем забрались в гамаки, подвешенные к длинным шестам; и двое мужчин понесли нас все выше и выше по холмам, пока мы не пришли к странному туннелю, по которому прошли при свете сосновых факелов, и оказались перед самым величественным пейзажем — скалистыми холмами и прекрасными водопадами, повсюду такая яркая зелень. И среди всей этой полутропической растительности мы наткнулись на клумбу английских незабудок, которая была самой освежающей.

Мы пообедали и некоторое время отдыхали у прекрасного водопада, который, кажется, называется "Рабакал"; а когда спускались, было очень жарко, и, несмотря на крутизну тропинок, некоторые из нас спали в гамаках во время пробежки трусцой. Мужчины пронесли нас около двадцати пяти миль в течение дня и, казалось, совсем не устали. Но было небольшое соревнование по переноске меня, поскольку я был самым легким из группы! Мы вернулись в Фуншал около 9 часов вечера и были вполне готовы лечь спать.

Из-за этой задержки на Мадейре (из-за общего праздника) путешествие занимает гораздо больше времени, чем обычно, и к тому времени, когда мы прибудем — или надеемся прибуду — мы будем в четырнадцать дней пути от Оротавы, вместо пяти дней, которые нам потребовались от Лондона до Санта-Круса. Вследствие этого провизия на исходе, и кое-какие вещи совсем закончились; но я получил огромное удовольствие от путешествия.

Прежде чем я вернусь домой, я надеюсь посетить две или три детские больницы в Лондоне, пройти собеседование с медсестрами, чтобы решить, куда я поеду, чтобы начать обучение. Я еще недостаточно взрослый для госпитализации в больницу общего профиля.

IV

Детская больница, Лондон,
июнь 1891 г..

Я подумал, что подожду, пока пробуду здесь три месяца, прежде чем писать вам о своих тяжелых днях испытательного срока. Сначала все это было настолько ново для меня, что казалось очень, очень трудным; и я действительно думаю, что, если бы не тот факт, что один из моих братьев поспорил со мной, что я брошу это через две недели, я бы сделал это в первую же неделю. Но я редко делаю ставки, а когда я это делаю, мне нравится выигрывать! И поскольку мне пришлось ждать столько лет, прежде чем я смогла убедить надзирательницу в том, что я достаточно взрослая и сильная, я действительно не могла так легко отказаться от этого.

К концу месяца моего испытательного срока я начал нащупывать свой путь и был совершенно уверен, что хочу остаться, если они оставят меня; и хотя они без энтузиазма говорили мне, что мои услуги неоценимы, их единственной причиной недовольства, по-видимому, было то, что я медлил. Поэтому они были любезно рады принять мои пятьдесят две гинеи (в рассрочку) и за эту сумму предоставить мне привилегию усердно и быстро работать в среднем по одиннадцать часов в день (оплачивать собственную стирку и покупать себе форму) в течение одного года.

Не думаю, что я медлил с уходом за детьми, но поначалу очень большую часть времени отнимают уборка и прислуга по дому — подметание, вытирание пыли, драка, полировка латунных кранов и ручек кроватей, стирка детских передничков и нагрудников и т.д.

Когда я начинал, я едва ли понимал разницу между метлой и половой щеткой. Я ничего не знал о трудосберегающих свойствах соды и мыла Hudson's, и не думаю, что когда-либо вытирал пыль в комнате; поэтому я не знал, как любит собираться пыль на ширмах, картинах и подоконниках, и мне потребовалось время, чтобы обнаружить эти вещи.

Дома мы всегда завтракали в 9 утра, и, за исключением дневной охоты, очень немногие вещи вызывали у меня интерес до этого часа; поэтому я ожидал, что мне будет трудно позавтракать и быть готовым заступить на дежурство в 7 утра, но, оглядываясь назад на мою первую неделю в больнице, я понимаю, что больше, чем проблемы с ранним вставанием, меня поразили тот факт, что в течение того первого месяца я всегда был голоден! Теперь я справился с этой трудностью, поскольку еженедельно из дома приходит посылка "тука"; и когда она подходит к концу, я

покупаю немного тушенки или (если средств мало) простого шоколада, чтобы продержаться до следующей посылки. Почти всем медсестрам либо присылают продукты, либо они покупают много чего. Конечно, я не знала, что это будет необходимо, и сначала у меня не было денег. И есть несколько медсестер, которые не могут позволить себе покупать, но, конечно, мы делимся с ними.

Ужин подается в 6 часов вечера, и это лучшее блюдо дня, поскольку на него иногда приходит Старшая сестра; поэтому мясо, как правило, хорошо прожарено. Пообедать где—нибудь между десятью и двенадцатью часами дня всегда непросто, и это неинтересно - просто куски холодного мяса и (через день) хлеб с патокой. Наше сливочное масло выдается нам два раза в неделю по ¼ фунта. в маленькой жестяной кружке — и мы должны носить эту кружку с собой, когда едим в столовой и на кухне прихода, до тех пор, пока ее хватает. Но если вы не будете внимательно следить за своей кружкой, она часто опустеет в первый день или два, и у вас будет большая вероятность того, что вам придется есть сухой хлеб в течение нескольких дней до того, как будет выпущено новое масло. Я очень не люблю кофе, но на завтрак больше ничего не подают, кроме кофе, буханки черствого хлеба и нашего собственного масла (если оно у нас осталось), так что, похоже, мы начинаем день не очень удачно. В остальном мы готовим чай два раза в день на кухне прихода и можем использовать приходский хлеб. Если средств мало, а обед невкусный, мы иногда балуемся ломтиками бекона; иногда по воскресеньям у нас бывает одна-две сосиски; но чаще всего мы заполняем щели чаем с пирожным.

До сих пор я работал в медицинском отделении на двадцать одну койку. Сестра также заведует хирургическим отделением, и я думаю, что она предпочитает хирургическую работу; поэтому мы не очень часто ее видим, за исключением тех случаев, когда к нам приходят врачи или когда у нас очень тяжелые случаи. Она мне очень нравится, но она довольно скованна; и большую часть информации я получаю от медсестры и домашнего врача, который очень любезно объясняет причины различных симптомов, которые мы замечаем в этих случаях, и на какие результаты он надеется при лечении, которое он назначает.

На днях у нас был очень печальный случай. Рабочий привел двухлетнего мальчика по имени Стэнли, очень больного пневмонией и рахитом. Он сказал, что его жена была в другой больнице (на операции), а ему пришлось пойти на работу и оставить всех своих детей на попечение старшего, десятилетнего мальчика; а его жена была так тяжело больна, что ему приходилось навещать ее по вечерам, и поэтому он не заметил, насколько болен Стэнли. Сначала он продолжал протягивать ко мне руки и звать таким жалобным голосом: "Леди, леди"; но вскоре он совсем успокоился, только с каждым днем становился все слабее и слабее. Его тихий, терпеливый отец приходил каждый вечер и сидел рядом с ним, и его мать должна была навестить его, как только ей станет достаточно хорошо; но бедная женщина опоздала, и когда однажды рано утром она приехала на такси с медсестрой из больницы, его только что отвезли в морг, и мы могли отвезти ее только посмотреть, как он лежит там, такой милый, с белыми лилиями в руке.

Тогда у нас в гостях дорогой Филип. Он болен туберкулезом и *такой* симпатичный мальчик; но я думаю, что он слишком хорош, чтобы жить. Боюсь, что его мать пьет, и дома ему приходится несладко, но его отец - очень хороший человек. Здесь мы все его балуем, потому что он действительно очень болен, но всегда такой терпеливый и светлый. У него копна каштановых кудрей и ангельская улыбка. Он один из немногих детей трущоб, который всегда настаивает на

том, чтобы встать на колени, чтобы помолиться; и хотя иногда у него так мало дыхания, что мне приходится произносить слова за него, он просто опускается на колени и улыбается, когда я слышу слова, которыми он хочет помочь ему.

Для сравнения, другим моим пациентом был Сэмюэл Абрахам, самый уродливый кусочек кожи и костей, который вы когда-либо видели. Когда он поступил, ему было семь месяцев, и весил он всего восемь фунтов. Он находился в больнице шесть недель и категорически отказывался прибавлять в весе ни на унцию. Потом все устали от Сэмюэля, и, поскольку у меня не было возможности покормить его, его передали мне; и, скорее по счастливой случайности, чем благодаря хорошему управлению, он начал поправляться, и к концу моей первой недели он прибавил в весе шесть унций, и с тех пор он неуклонно прибавлял в весе и стал больше похож на детеныша, чем на обезьянку. На днях он уехал домой, и я очень сомневаюсь, сможет ли его бедная мать воспитать его, поскольку я уверен, что ему будет не хватать того ежечасного внимания, которое ему оказывали здесь. Нам следовало оставить его подольше; но у нас было три случая скарлатины, и их пришлось отправить в Лихорадочную больницу, и всех детей, которых можно было перевезти, пришлось отправить домой, а палата будет пропитана серой. Но я пишу это письмо, сидя в пустой палате рядом с бедным маленьким мальчиком по имени Джеки, который так безнадежно болен менингитом, что его не любят перевозить. Это любопытный случай. Джеки принадлежит к состоятельным людям, и его болезнь была вызвана выпадением из почтовой тележки. Его голова так втянута, что действительно почти касается ягодиц, и он лежит, согнувшись назад. Он совершенно без сознания, и мне приходится кормить его через носовой зонд; у него поднимается температура до 104 и 105.

Сначала я немного нервничала из-за того, что была с ним "особенной", так как я здесь всего три месяца и никогда раньше не видела подобного случая; и сестра может не прийти навестить меня, так как ей нужно идти в хирургическое отделение, и мы все еще можем быть заразными. Но, конечно, я могу спросить у нее совета по любому поводу, и домашний врач приходит дважды в день и очень добр. Он уверяет меня, что никто не смог бы сделать для Джеки больше, чем делаю я. Я думаю, что завтра его переведут в маленькую палату (если он проживет так долго), а затем, я полагаю, мне придется провести дезинфекцию и, скорее всего, отправиться в хирургическое отделение.

V

Детская больница, Лондон,
ноябрь 1891 г..

Я знаю, что прошло много времени с момента моего последнего письма к тебе, но на самом деле дни так заполнены работой, что, кажется, нет покоя для писем; а по ночам человек так устает, что после борьбы за то, чтобы принять ванну, чувствует себя ни на что не годным, кроме постели. И когда я ложусь спать, я чувствую себя обязанным взять свои учебники по анатомии и физиологии и немного позаниматься, так как ординаторы очень хорошо читают нам лекции, и мне бы очень не хотелось не сдать экзамены достойно.

Кажется, когда я писал в последний раз, мы только что закрыли медицинское отделение (сестра которого имела честь начать мое обучение в больнице), и через несколько часов после дежурства меня отправили в хирургическое отделение на верхнем этаже, по соседству с театром.

Я поднялся наверх скорее в страхе и дрожи, так как это была самая тяжелая палата в больнице — поскольку медсестры отвечали также и за театр, — и я не видел, как я мог бы втиснуть в эти дни больше работы, чем я делал по медицинской части. Но я получил приятный прием от сестры и вскоре обнаружил, что она была одной из лучших. Она не ждала, пока мы сделаем что-то не так, а потом ругала нас; но она приложила все усилия, чтобы показать нам *лучший* способ сделать это, и тогда горе тем, кто не старался изо всех сил!

Я всегда буду помнить свое второе утро наверху, когда она сказала: "Сестра, ваша ванная выглядит очень нарядно и мило". Это был первый раз, когда Сестра похвалила меня, и с того дня я не возражал против того, как усердно я работал, чтобы угодить ей. В этой палате царила другая атмосфера, и вскоре я почувствовал себя в ней лучше. Дети тоже были более жизнерадостными. Некоторые из них были очень больны; но у нас не было бедных маленьких "истощенных" младенцев, и очень редко у нас был ребенок, который не любил шуметь, так что мальчикам (в определенные часы дня) можно было позволить петь все популярные песни того времени; и они были очень веселой командой. Многие люди думают, что, должно быть, очень удручающе видеть так много больных детей; но, на самом деле, дети очень мало болеют — или, во всяком случае, очень недолго, — и многие из них проводят время лучше, чем когда-либо в их жизни прежде. Их содержат в чистоте и тепле, у них много вкусной еды и игрушек для игр, а также люди, которые понимают их, когда им больно, даже когда они не могут объяснить, где это.

С тех пор, как я приехала сюда, произошло много изменений. Несколько медсестер, которые пришли после меня, уже ушли, а одна заболела. Я пробыл в хирургическом отделении всего две недели, когда мне не повезло подхватить грипп, и меня отправили спать с другой медсестрой в маленькую карантинную комнату над коревым отделением. Они с подозрением относились к тому, нет ли у нас скарлатины, поскольку в больнице все еще были случаи; поэтому никто не должен был навещать нас, кроме старшей сестры. Ее визиты были редкими. Бедняжка, она была толстой, а ступенек было много! Мы оба чувствовали себя довольно плохо из-за высокой температуры, и нам пришлось бы плохо из-за внимания, если бы не "медсестра по борьбе с корью", у которой было всего двое выздоравливающих детей, и она часто нарушала правила и приходила ухаживать за нами. Однажды она подбежала к нам с тостом, намазанным маслом, когда мы услышали, как внизу открылась дверь, и *почувствовали*, что идет надзирательница. Медсестра исчезла в нашей маленькой кухне-кладовке; но оттуда нельзя было сбежать, не пройдя мимо нашей широко распахнутой двери, и, кроме того, старшая сестра наверняка зайдет в отделение против кори по пути вниз. Намазанный маслом тост был спрятан под простынями, и мы пытались сохранять спокойствие и отвечать на расспросы медсестры о нашем здоровье, когда услышали скрежет ручного подъемника, на котором доставляли нашу еду наверх из кухни, и поняли, что медсестра решила забраться в него и таким образом спуститься на свой пост. С большой тревогой мы услышали, как лифт поехал вниз, и задрожали, опасаясь, что непривычный вес заставит его с разбегу опуститься. Старшая сестра, должно быть, сочла нас очень рассеянными, но мы сослались на сильные головные боли — и это было достаточно правдиво, — и вскоре она ушла, "надеясь, что вскоре мы снова будем в состоянии выполнять свои обязанности". Мы были очень благодарны, когда появилась медсестра, чтобы

сообщить о ее безопасности, не имея ничего хуже, чем помятый чепец и мятый фартук, что вызвало суровые замечания со стороны надзирательницы.

Им не хватало медсестер, поэтому, как только я смог передвигаться, я снова заступил на дежурство, и меня приятно встретили в моей палате. Но как раз тогда было очень тяжело с несколькими маленькими младенцами, и у двоих из них были прооперированы заячьи губы, и было очень важно, чтобы им вообще не разрешали плакать. Итак, однажды вечером я сидел в палате и очистил некоторые инструменты, которые использовались в операционной при тяжелом случае сосцевидного абсцесса, и один из этих младенцев начал хныкать. Я вскочил, чтобы умирить его, и при этом имел несчастье уколоть большой палец. Вскоре ребенок снова успокоился, и тогда пришла сестра, промыла и перевязала мой большой палец; но через несколько дней у меня была сильно отравлена рука, и домашнему хирургу пришлось вскрыть ее в нескольких местах. Он хотел, чтобы я была свободна от дежурств и как можно больше бывала на свежем воздухе; поэтому сестра договорилась выделить мне дополнительное свободное от дежурств время и была ужасно добра, сделав часть моей работы за меня. Но когда она рассказала об этом старшей сестре, та сказала: "Медсестра больше недели не дежурила из-за гриппа. Если ей снова придется уйти, ей лучше вернуться домой и остановиться там, так как она недостаточно сильна для такой работы". Но сестра не хотела, чтобы я уходила, и, к счастью, в палате становилось светлее, и я могла успокоить младенцев даже с моей рукой на перевязи; поэтому я сделала все, что могла, и была отправлена на кухню, когда приходил хирург, чтобы он не приказал мне уйти. Домашний хирург был в ярости из-за этого на Старшую сестру, но он хорошо за мной ухаживал, и хотя моя рука очень болела в течение двух недель и я очень мало спал, вскоре состояние улучшилось. Но мой большой палец все еще негнувшийся, и домашний хирург боится, что так будет всегда, потому что ему пришлось так глубоко врезаться в него.

Я должен рассказать вам об одном странном ребенке, который родился у нас примерно в то время. Это была маленькая ирландская девочка по имени Кэтлин, с копной рыжих волос и хорошеньким личиком, но с очень косыми глазами. Кэтлин было пять лет, но она никогда не ходила, так как ее ноги были сильно деформированы; но она очень быстро передвигалась по полу в стиле своего собственного изобретения. Ты никогда не понимал, где ты находишься с Кэтлин. У нее был очень резкий характер, но она была предана сестре и слушалась меня. Но любые указания, данные ей относительно ее поведения другими медсестрами, воспринимались с презрением и полностью игнорировались; и если нам с сестрой случалось вместе отлучаться с дежурства, по возвращении нам обычно приходилось отчитывать девочку за какую-нибудь шалость, и тогда она вскоре начинала рыдать и каяться.

Однажды днем я был свободен, и когда пришло время пить чай, Кэтлин пропала. Они искали ее повсюду; и матрона, случайно проходившая мимо, присоединилась к поискам. В конце концов ее нашли запертой в сестринской столовой, которая была очень увлечена поиском еды в буфете. Все масло исчезло, как и большая часть сахара, немного печенья, и, когда это обнаружилось, она просто с наслаждением допивала уксус. - Хорошая смесь для ирисок, - заметила матрона. А потом она потратила полчаса, пытаясь заставить девочку извиниться, но безуспешно; поэтому она отшлепала ее и отправила спать! По возвращении, конечно, я получил отчет о проступках Кэтлин и решил, что лучше не обращать на нее внимания. Весь вечер, пока я делал свою работу, маленькое бледнолицее создание сидело на своей койке, наблюдая, как я хожу взад и вперед по палате, и ее бедные прищуренные глазки были совершенно сухими; но когда все дети улеглись спать и свет погасили, я подошел к ней, и она

обвила руками мою шею и зарыдала: "Мне *ат* жаль, и я больше никогда этого не сделаю. Но мне не было жаль эту женщину, и мне все равно, даже если она меня ударит; но я расскажу своей матери, когда вернусь домой ". Затем я поднял ее с кровати, чтобы она погрела пальцы ног у огня, и после долгого разговора добился от нее обещания, что на следующий день она извинится перед старшей сестрой; и через несколько минут она крепко спала.

Я ожидаю, что меня очень скоро переведут из этой палаты, и мне будет очень жаль. Работа тяжелая и быстрая, но Сестра работает так же усердно, как и мы; так что мы очень счастливы вместе, и я чувствую, что у меня все получается.

Я тоже привык к театральной работе и (после долгого труда) выучил названия всех инструментов, которыми обычно пользуются, так что могу подавать их по мере необходимости; и иногда мне доверяют достать то, что, по моему мнению, потребуется для операции, и когда сестра просматривает их, она не часто обнаруживает, что чего-то не хватает.

VI

Детская больница, Лондон,
март 1892 г..

Вскоре после того, как я в последний раз писал, меня перевели в амбулаторное отделение - совсем другая работа, и она не должна была бы мне долго нравиться, но какое—то время это было интересно.

Цифры сильно различаются. За один день можно вырастить от пятидесяти до ста детей, и многим из них требуются небольшие перевязки. Затем, два раза в неделю во второй половине дня, хирурги проводят небольшие операции; и иногда полдюжины детей выздоравливают после наркоза одновременно, и за всеми требуется тщательное наблюдение.

За это отвечает моя дорогая старенькая сестра, и раз в неделю мы вместе ходим навестить особых пациентов с тазобедренным суставом, которые проходят лечение дома после пребывания здесь в стационаре. *В такие* трущобы нам иногда приходится ходить; и все же удивительно, как бережно бедные матери относятся к этим детям, когда им просто показывают правильный путь. У нас есть один веселый малыш, который уже два месяца находится в удлинителе, установленном на большой детской коляске, с грузом, висящим на ручке. Ему настолько стало лучше, что скоро его увезут в коляске-каталке, и я думаю, тогда врач подпишет его освобождение от продления.

На днях у некоторых медсестер была забавная шутка— шутка, которая имела хорошие результаты для остальных из нас. Неподалеку есть кондитерская, которую мы в основном посещаем, и эти девушки, которые были на ночном дежурстве, как обычно, проголодались и зашли в эту лавку выпить чаю с булочками перед сном. Пока они были там, вошел наш секретарь-суперинтендант; а потом миссис ... (которая является нашим близким другом) рассказала медсестрам, что, увидев их там, он спросил ее, много ли медсестер являются ее клиентами; и она, притворившись, что не знает его, сказала: "О да, сэр; но у нас в Детской

больнице больше медсестер, чем в любой другой больнице в округе. Видите ли, там их *так* плохо кормят!" Я думаю, он сразу же вернулся в больницу и навел справки о нашей еде, потому что вскоре после этого у нас на завтрак был бекон; и теперь на столе всегда есть *что-то* помимо хлеба, и мы находим, что это значительно улучшило ситуацию.

Произошло еще одно событие, которое нам значительно помогло. К нам присоединилась новая медсестра, двоюродная сестра старшего хирурга. Она ужасно милая девушка, но выглядит не очень сильной, и через неделю или две она легла спать с растянутой спиной (не очень сильно). Потом ее навестил двоюродный брат, а потом он посетил комитет; и, похоже, они понятия не имели, что нам пришлось таскать все большие бутылки с лосьоном из аптеки и тяжелые куски льда из подвала, и что нам пришлось тащить огромные мешки с грязным бельем в подвал, а затем по длинному коридору — не шутка в день врача, когда на всех двадцати кроватях чистые простыни и покрывала и т. Д. Так что теперь носильщики делают все это за нас, и мы горько сожалеем, что у нас не хватило ума устроить так, чтобы одна из нас напрягла ей спину в начале нашего обучения, а не почти в конце; но без старшего хирурга в лице двоюродной сестры это могло бы не окупиться! Медсестра уже почти поправилась, и она попросила меня провести часть моего следующего свободного воскресенья с ней в доме того же старшего хирурга. Я буду ужасно стеснительной, но не смогу отказаться.

Мой брат Х. теперь переехал жить в город, и мне там очень хорошо. Он готовится к экзамену., и у него есть комнаты в Барнардс Инн — таком забавном старом лежбище недалеко от Холборна и недалеко отсюда. Он угощает меня хорошим обедом примерно раз в неделю, когда я вечером свободен; а взамен я штопаю ему носки, стараюсь водить его в церковь по воскресеньям и сообщаю о его поступках в своих письмах домой, так что ему остается только время от времени посылать им открытки!

Пока я был в амбулаторном отделении, предполагалось, что по воскресеньям я буду свободен, если только где-нибудь не возникнет особой потребности в "дополнительном" пациенте; и однажды субботним вечером я готовился уйти на ночь, когда пришло сообщение, что ночной сестре нездоровится, и старшая сестра (которая уезжала до понедельника) хочет, чтобы я дежурил вместо нее в течение двух ночей. Это было около 6 часов вечера; поэтому я пошел немного прилечь, а в 10 часов вечера дежурная сестра вручила мне отчет и ключи от больницы, и я взял на себя ответственность, чувствуя себя довольно важным человеком, но в то же время и мошенником, поскольку несколько дежуривших тогда по ночам медсестер проработали здесь много лет и знали гораздо больше, чем я. Тем не менее, мы очень хорошо ладили друг с другом, и мне скорее нравилось бегать по разным отделениям и помогать с тяжелыми случаями.

Был один особенно печальный случай — десятилетняя девочка, которую напугали крысы, когда оставили взаперти в доме. У нее была настолько сильная хорея, что нам пришлось позволить ей спать на матрасе на полу, и было очень трудно поддерживать на ней какую-либо одежду или кормить ее. Бедное дитя, ее температура постепенно поднималась, пока не достигла 107,8, прежде чем она умерла, несколько дней спустя. Врачи сказали, что это был худший случай, который они когда-либо видели, и я надеюсь, что никогда больше не увижу смерти от хорей.

В понедельник утром я легла спать в 5 утра, а в 8 утра мне нужно было дежурить в амбулаторном отделении, у нас был тяжелый день; и когда мы закончили в 17.30, вы можете представить мое отвращение, когда я получила сообщение от старшей сестры, что я должна сменить медсестру,

которая находилась на карантине из-за случая коклюша, с 6 до 10 вечера. Я была очень рада, что ребенок довольно часто кричал, так как в противном случае я, вероятно, пошла бы спать.

На следующее утро я *действительно* переспала и опоздала к завтраку на десять минут, чем навлекла на себя нотацию со стороны старшей медсестры; но я не смогла удержаться и заметила ей, что с воскресенья (до этой ночи) спала всего два часа, и она спросила: "Что *вы* имеете в виду, сестра?" А потом выяснилось, что, отправляя меня на карантин, она совершенно забыла, что я был на ночном дежурстве в течение этих двух ночей, но, несмотря на это, в ту ночь мне снова пришлось сменять карантин. Конечно, никто из нас никогда не возражает выполнять дополнительные обязанности, когда это необходимо, но было много других, которые могли бы это сделать и также получили свое полное свободное от работы время.

С тех пор я работала в нескольких разных отделениях, и с тех пор пришло так много новых медсестер, что теперь я, как правило, первый стажер, и это гораздо интереснее, а когда штатная медсестра не на дежурстве, я занимаю ее место.

В последнее время старшая сестра была со мной довольно вежлива, так что, полагаю, с моими отчетами все в порядке, поскольку, по-моему, поначалу я ей очень не понравился, и она не потрудилась этого не показать.

Сейчас я снова нахожусь в амбулаторном отделении, так как сестру вызвали домой из-за болезни, и я работаю с другим стажером, но без сестры. Другая стажерка старше меня на две недели, но она раньше не работала с амбулаторными пациентами, поэтому нам не совсем ясно, кто из нас главный; в настоящее время я поручаю ей руководить в дни лечения, а себе - в дни операции, поскольку я больше привык к хирургам и их манерам; и мы очень хорошо ладим.

Я очень скоро закончу свой год здесь, и меня очень беспокоил вопрос о том, что мне лучше делать дальше.

Одна из сестер, которая мне здесь понравилась, была назначена заведующей небольшой Детской больницей, и она предложила мне должность медсестры. Это было очень любезно с ее стороны; но, в целом, я думаю, что предпочла бы пройти обучение для взрослых, прежде чем заниматься чем-либо еще, поскольку, боюсь, было бы довольно трудно начать все сначала, если бы я продолжала работать медсестрой с детьми.

Медсестра советует мне хорошенько отдохнуть, прежде чем приступить к работе во взрослой больнице, поскольку в последнее время я очень похудела и истощена, и мне все еще на год меньше, чем положено в лучших больницах; поэтому вполне возможно, что я приму приглашение моего старшего брата поехать к нему на год в Южную Африку.

Тем временем я собираю всю информацию о лондонских больницах и собираюсь посетить две или три из них для бесед с медсестрами, прежде чем уеду отсюда.

Я сдал экзамены. хорошо, так что мой первый сертификат в относительной безопасности. По многим причинам мне будет очень жаль уезжать отсюда, но о! Я так устала, и мысль о том, что смогу оставаться в постели до тех пор, пока не почувствую, что хочу встать, доставляет мне настоящую радость.

VII

Кимберли, Южная Африка,
июль 1892 года.

Когда я писал тебе в последний раз, я все еще был скромным профессионалом, часто уставшим, голодным и с больными ногами, но при этом счастливым, и я надеюсь однажды снова стать профессионалом - но сейчас времена изменились.

Я приехал погостить у своего брата, который здесь является судьей-председателем. Он жил здесь последние одиннадцать или двенадцать лет, но в этом году в Кимберли проходит большая выставка, поэтому он снял на время дом побольше и сможет принять нескольких друзей, которые приедут на Выставку.

Я покинул Саутгемптон в июне на пароходе R.M.S. Scot, и у меня было очень приятное путешествие при хорошей погоде. Я полагаю, что люди всегда особенно добры к "одиноким леди" на борту корабля; во всяком случае, я очень хорошо провел время.

Пассажиров на борту было немного, всего сорок два джентльмена в первом классе и семнадцать леди, так что в моем распоряжении была хорошая большая каюта.

"Шотландец" - единственный двухвинтовой пароход на этой линии, и мне повезло, что у него был двухвинтовой, поскольку, когда я проснулся в первое утро после отплытия из Саутгемптона, на борту стояла странная тишина, а когда я поднялся на палубу, то обнаружил, что в машинном отделении произошел взрыв и сорвало верхнюю часть клапана высокого давления; поговаривали о том, чтобы подать сигнал пароходу, который отбуксировал бы нас в Брест, но через некоторое время инженеры пришли к выводу, что они могут исправить неполадки, и мы могли бы продолжить работу с другим пароходом. Винт заработал; это снизило нашу скорость, но я несколько не возражал против этого.

Гнедой вел себя очень мило, и за всю дорогу я не пропустил ни одной трапезы в салуне. Мы провели несколько часов на берегу Мадейры, пока они добывали уголь и ремонтировали поврежденные механизмы, и цветы и фрукты были прекрасны, как всегда; мужчины и мальчики сновали вокруг парохода в маленьких лодочках и ныряли в море за брошенными за борт серебряными монетами: один или двое из них могли нырнуть под наш корабль и вынырнуть с другой стороны.

На следующий день мы миновали Канарские острова, и нам открылся прекрасный вид на моего старого друга, пик Тенерифе.

У нас были обычные развлечения на борту корабля: два танца (стюарды - очень хорошая группа), несколько концертов, забавный "Суд присяжных" над одним из пассажиров, спортивные состязания для пассажиров и для экипажа, множество крикета и других игр. Это программа на один день из моего дневника:—

Семь УТРА: Соляная ванна. 7.30: На палубе побродите и поговорите, а затем почитайте. 8.30: Завтрак; волнение по поводу лотереи на судне и т.д.; читайте, готовьте программы для ночного концерта, ищите людей, которые будут петь, и т.д.; наблюдайте за китом и летучей рыбой. 12.30: Пожарная и шлюпочная подготовка экипажа. 13:00: обед, сон. 3: игра в крикет. 4: чай, репетиция хора, прогулки и разговоры. 6.30: ужин. 8.30: концерт, прогулки и разговоры, наблюдение за фосфоресценцией и поиск Южного Креста до 11 часов вечера; затем ложусь и засыпаю таким крепким сном, как будто поработал целый день. Морское путешествие с приятными людьми на борту, и не слишком бурным морем - это самый спокойный способ проведения отпуска, который я могу себе представить.

На границе было очень сыро и жарко, и в каютах стало так душно, что спать по ночам было несколько затруднительно; но это можно было компенсировать, поспав несколько часов днем, находясь на палубе.

Слишком скоро мы бросили якорь в Столовой бухте, под прикрытием Столовой горы. Многие люди разочаровываются, впервые увидев Столовую гору, но в ней есть свое величие, и оно захватывает вас.

Мой брат не смог встретиться со мной, как намеревался, но на борт поднялся его друг — джентльмен, который был в Кейптауне на сессии парламента, — и я узнал, что для меня было решено провести день или два с ним и его семьей в Си-Пойнте, пригороде Кейптауна, прежде чем продолжить свое путешествие "вглубь страны".

Проехав почти 7000 миль в одиночку, я, казалось, не имел большого значения в том, чтобы проделать еще 700 миль в одиночку; но я был рад нескольким дням отдыха с приятными людьми.

На борту корабля у меня появилось так много друзей, что было довольно грустно со всеми ними прощаться; и я получил не одно любезное приглашение погостить у людей в разных частях Южной Африки.

На следующий день после того, как мы приземлились, меня взяли послушать дебаты в Палате парламента по законопроекту сестры покойной жены. Люди, у которых я остановился, отправились на прием в Дом правительства и хотели взять меня с собой; но я отпросился, не распаковав подходящую одежду.

В окрестностях Кейптауна очень красиво, и я надеюсь увидеть больше, прежде чем вернусь домой.

Затем, однажды вечером, в 9 часов вечера, меня провожали с вокзала Кейптауна, и я снова был самостоятельным путешественником, но не в таких комфортных условиях, как на борту корабля. Я узнал, что вагоны-рестораны и спальные вагоны присоединяются к поездом только на одну ночь в неделю (в ночь, когда приходят почтовые пароходы), поэтому я поехал в обычном вагоне первого класса, билет обошелся мне более чем в 8 фунтов стерлингов, и обнаружил, что сиденья обиты конским волосом и отнюдь не удобны для ночного путешествия. Над сиденьем есть полка, которая опускается ночью, так что четыре человека могут обеспечить себе место для лежания в каждом вагоне.

Вскоре я также узнал, что в этой перевернутой вверх дном стране, несмотря на то, что стоял июль месяц, была еще и середина зимы, и по мере того, как мы поднимались на большие высоты, становилось очень холодно. Сначала вагон был в моем полном распоряжении, и, натянув на себя всю одежду, которая была у меня с собой, я пыталась заснуть, когда около двух часов ночи ко мне подселили двух старых голландок, и остаток ночи они болтали и ели сыр, яблоки и лук, так что заснуть было невозможно, пока они не сошли с поезда в Матьесфонтейне.

Мне сказали, что пейзаж, мимо которого мы проезжали той ночью, очень величественный. Надеюсь, когда-нибудь смогу увидеть его при более благоприятных условиях.

Замерзшие и голодные, около 7 часов утра, мы остановились позавтракать в Матьесфонтейне. Я взял свой пакет с губкой и полотенце, думая, что найду комнату ожидания; но все, что я нашел, - это кран на платформе, где мы в свою очередь окунулись в ледяную воду, а затем отправились в жестяную лачугу, где был подан завтрак - копченая рыба, хороший хлеб, невкусное масло и умеренный чай.

Казалось, что спешить некуда; но когда мы все закончили, паровоз выпил, а машинист раскурил свою трубку, мы снова тронулись в путь. И весь тот день мы прогуливались по Карру, останавливаясь (по-видимому) только тогда, когда водитель чувствовал наклон, а когда был холм, ехали так медленно, что возникало искушение прыгнуть и немного размяться, пробежав рядом.

Эта чудесная страна Карру была очень серой и коричневой, с редкими холмами (возвышенностями с огромными валунами по бокам), а время от времени попадалась река или ручей, и всегда у любого водоема виднелась зеленая полоса деревьев мимозы, покрытых своими желтыми цветами.

По мере того, как солнце становилось все ярче, я начал забывать о ночных неудобствах, и несколько приятных голландцев поднялись на борт и рассказали мне много интересного о стране, через которую мы проезжали. Затем я познакомился со своим первым роем саранчи; это тоже было странное зрелище. Сначала мне указали на них, когда они были в нескольких милях впереди нас и выглядели как маленькое черное облачко; затем, когда они приблизились, небо, казалось, почернело от них, и нам пришлось закрыть все окна, иначе вагон вскоре был бы полон ими. Они рассказывают мне, что иногда молодежь оседает на путях такими массами, и пути становятся такими скользкими, что поезда не могут двигаться, и мужчинам приходится выворачивать их и разгребать лопатами. Представьте себе, Великий Северный экспресс задержан стаей саранчи!

Большую часть пути старая дорога для фургонов проходила вдоль железной дороги и была отмечена скелетами лошадей и быков или еще более печальным зрелищем - грудой камней с маленьким деревянным крестом, где какой-то бедняга "упал по дороге".

Мы остановились на обед в Виктория-Уэст; и поскольку на станции стоял другой поезд (из северной части страны), нас остановили далеко в вельде, и мне пришлось, спотыкаясь, добираться до станции, а затем через то, что в темноте показалось ригардом, к жестяной хижине, где подавали ужин. Я была там единственной дамой; но я перекусила только в поезде, и обедать мы приехали более чем на час позже, чем ожидали, так что я была слишком голодна, чтобы обращать на это внимание, и поужинала очень вкусно. На всем этом длинном пути есть

только одна линия, поэтому задержки поездов на станциях многочисленны, и лучше никогда не путешествовать без запаса шоколада, поскольку трапезы - это очень подвижные застолья.

Мне удалось проспать всю ту ночь, так как было не так холодно, и карета была в моем распоряжении. Рано утром следующего дня мы отправились в Кимберли, и мой брат встретил меня на вокзале.

VIII

Кимберли, Южная Африка,
декабрь 1892 года.

Сегодня у меня на уме две вещи: первая - это то, что в тени столбик термометра показывает 104 ° С, а москиты совершенно безжалостны; и вторая - то, что выставка в Кимберли с ее чередой увеселений фактически закрыта. Но прежде чем я расскажу вам об этой Выставке, я должен попытаться вернуться назад и дать вам несколько "первых впечатлений" от Алмазных полей.

Когда вы приезжаете в Кимберли на поезде, вы сначала проезжаете район Кафров; и вместо живописных жилищ, которые можно увидеть на картинках, вы видите чрезвычайно неопрятное скопление хижин, построенных из всевозможного хлама — кусков оцинкованного железа, старых банок из-под керосина и тому подобного. Затем появляются маленькие жестяные лачуги, населенные "белыми бедняками"; и так дома улучшаются по мере приближения к центру города.

Мы поехали со станции в плащевой повозке, которая здесь заменяет муху. Это удобная повозка с двумя колесами, запряженная парой лошадей; у нее подвижный капот, и все четверо пассажиров сидят лицом к хвосту лошади. Самые удобные сиденья находятся сзади, а часть водительского сиденья поднимается на шарнире, когда вы забираетесь на заднее сиденье.

Я обнаружил, что мой брат снял дом и купил в нем всю мебель, так что особых трудностей с обустройством не возникло, разве что повесить наши собственные картины и купить еще немного белья, посуды и тому подобного.

Это было симпатичное бунгало с кирпичными стенами, с обычной крышей из оцинкованного железа и тенистым балконом (называемым здесь стопом) по всему периметру дома, так что обычно можно было найти довольно прохладное место для посиделок.

Он также нанял очень хорошую белую женщину в качестве повара и смуглого зулуса по имени Джордж, который прислуживал за столом и обычно хлопотал за повара. Джорджу на вид было лет пятнадцать, поэтому я обращался с ним, как с одиннадцатилетним мальчиком, и вскоре он стал моим самым преданным рабом. Но однажды я спросила его, сколько ему лет, и он ответил: "По последней переписи мне было тридцать четыре, миссис". Но я буду продолжать относиться к нему таким же образом, поскольку это, по-видимому, хорошо подходит; и, в конце концов, я думаю, что эти чернокожие всегда будут похожи на детей, сколько бы им ни было лет. Я обнаружил, что у него есть жена в краале на севере страны, и сейчас он копит деньги, чтобы

купить несколько коров и обзавестись другой женой. Я понимаю, что нынешняя стоимость "милой кафрской девушки" равна семи коровам!

За домом есть большой загон, и вместе с домом мы нашли двух собак, величественную кошку, а также несколько домашних птиц и индюшек.

Сначала я подумала, что жители Кимберли довольно неинтересные, и была склонна согласиться с парикмахером, который, наливая мне освежающий и столь необходимый шампунь после пыльного путешествия наверх, сказал: "Вы, мисс, *наверно*, сочтете здешних дам забавными, потому что они абсолютно никогда не говорят ни о чем, кроме своих платьев"; но, бедняжки, больше говорить было не о чем.

Все были добры, приходя на зов, и вскоре я нашел среди них несколько очень приятных людей. Воскресенье - отличный день для визитов всех джентльменов; и иногда в воскресенье днем к нам заглядывали восемь или девять человек, и обычно один или двое заходили поужинать после церкви.

Прямо напротив клуба (это тоже красивое здание) находится великолепная библиотека, и я очень ценю классный читальный зал со всеми английскими газетами и журналами, всего месячной давности.

Мы много играем в теннис на гравийных кортах. Есть два дня в неделю, когда дамы могут играть в клубе, и у некоторых людей, у которых есть частные корты, есть регулярные "дни", так что я обычно играю три или четыре дня в неделю. Совсем недавно я неплохо покатался верхом, так как одна моя знакомая молодая леди отправилась на Мыс и оставила там красивую и молодую лошадь. Однажды ее мать предложила одолжить ее мне, и я великолепно проскакала галопом по вельду с их грумом; а потом пришло доброе письмо, в котором говорилось, что "Я оказала им большое одолжение, потренировав лошадь, поскольку она была слишком свежей для младших девочек". Я рад, что могу так легко оказать услугу, и мы устраиваем очень приятные маленькие прогулки верхом.

Я думаю, чего больше всего не хватает в Кимберли, так это воды. Если вы едете верхом, вы можете найти немного на водопроводном заводе или (разное количество) в реке в Александерфонтейне, но воду, которую вы можете найти в нескольких минутах ходьбы, можно отмерять ведрами; и мужчины любят рассказывать о "первых днях", когда принимать ванну с содовой водой было дешевле, чем с обычной, и о объявлении, которое, как говорят, было вывешено в отеле: "Пожалуйста, не пользуйтесь мылом, так как вода нужна для чая".

В сезон, при тщательном поливе, можно вырастить очень много цветов. Особенно хорошо растут розы, и некоторые люди, которые усердно обращаются с лейкой, выращивают небольшой клочок травы; но несколько дней небрежения или несколько часов посещения стаей саранчи - и ваш драгоценный клочок травы выглядит так, словно над ним побывал степной пожар.

Конечно, здесь было много ажиотажа по поводу открытия Выставки. Губернатор с семьей приехали из Кейптауна на церемонию и почти две недели прожили в доме мистера К., который он им уступил, и там было много развлечений.

У нас гостили министр по делам колоний и его жена, а также дочь губернатора Бечуаналенда. Поскольку мистер ... был министром при губернаторе, ему пришлось взять с собой своего секретаря, а суперинтендант полиции поставил у наших ворот конного ординарца, чтобы тот передавал его сообщения; так что мы чувствовали себя очень важными.

На Выставку приехало много интересных людей со всей Южной Африки, и, боюсь, я не смогу запомнить всех, с кем меня познакомили.

Мистер Сесил Роудс пробыл здесь несколько дней, и однажды воскресным вечером мы пошли к нему ужинать. Обычно считается, что ему не нравятся дамы; но если это правда, он этого не показывает. Там было немного гостей, и я сидел рядом с ним за ужином. Я считаю, что это был очень хороший ужин, но беседа была такой интересной (все о Южной Африке и южноафриканцах). Я не мог уделить этому внимания, и я пошел домой голодный, и мне пришлось перекусить перед сном.

На следующее утро после приезда губернатора мы получили приглашение поужинать в Доме правительства в тот вечер; и это было довольно неловко, поскольку у нас здесь был званый ужин. Но П. и мистер... ушли, чтобы позвонить и объяснить ситуацию, и нас отпустили. Они устроили две грандиозные вечеринки в саду, на которых мы присутствовали, и они мне очень понравились — и губернатор, и леди были такими приятными и дружелюбными. В другой раз они были гостями De Beers, и мы тоже были приглашены; так что мы увидели весь процесс добычи алмазов в очень комфортных условиях: голубой камень, когда его привозили из шахт на маленьких грузовиках и раскладывали на солнце (окруженном заборами из колючей проволоки) для измельчения, затем собирали, дробили и промывали; а затем мы зашли в сортировочный цех, и нам выдали лопатки для сортировки, и я нашел четыре прекрасных алмаза за десять минут, и хотел бы оставить их себе! потом пошел в упаковочный цех и увидел *такие* бриллианты, целые мешки с ними. После этого мы поехали в Кенилворт, образцовую деревню, спланированную мистером Сесилом Родсом для сотрудников De Beers. Такие милые маленькие домики, к которым подведен водопровод и все удобства; хороший сад при каждом доме; школа и клуб; площадка для отдыха; а затем мили фруктовых деревьев — винограда, персиков, абрикосов и т.д. — которые мистер Роудс посадил и тщательно поливал. С трудом верилось, что это так близко от Кимберли и кимберлийской пыли.

Каждый день на Выставке играл хороший оркестр, а каждый вечер устраивались фейерверки и другие развлечения. Матчи по крикету, которые проводились на поле из кокосовых циновок, теннисные турниры и т. Д. Были обычным делом; так что теперь, когда губернатор и другие посетители вернулись на Кейп, а Выставка закрыта, вы можете понять, что Кимберли кажется немного плоским, и я с нетерпением жду поездки на Кейп в следующем месяце для разнообразия.

IX

Кенилворт, Нью-Йорк, Кейптаун,
январь 1893 г..

Вот мы и здесь, среди прекрасной зелени и цветов, с воркующими в саду горлицами, с очень синим морем с одной стороны и величественной Столовой горой, возвышающейся над нами, с другой.

Кимберли действительно был очень теплым местом до того, как мы его покинули. У нас было несколько сильных пыльных бурь, когда вы закрываете все двери и окна, и все равно пыль проникает внутрь и оседает дюймами на мебели, и все, к чему вы прикасаетесь или пробуете на вкус, покрыто пылью.

Одним из самых сильных пыльных штормов и самым жарким днем было Рождество. Мы пригласили на ужин нескольких одиноких мужчин, и когда я вошла переодеться, Джордж встретил меня в дверях и сказал: "Миссис, кухонное окно полностью разбито; обед никуда не годится". И когда я пошла посмотреть, то обнаружила бедняжку Стэнли чуть не плачущей, потому что окно было полностью выбито ветром, вместе с рамой и всем остальным, прямо на стол, за которым она готовила нам обед; а величественный кот слизывал заварной крем с пола!

К счастью, индейка была спасена, и с помощью нескольких дополнительных банок мы приготовили довольно вкусный ужин. Я не знаю, что стало бы с жителями Кимберли, если бы они боялись есть консервы.

Помимо пыли (и моих старых врагов, комаров), мухи были просто ужасны. Они поселяются повсюду, и необходимо держать все очень хорошо укрытым. Вам нужно сбросить их с сахара, прежде чем брать себе еду; и если вы рискнете намазать немного меда или джема на хлеб, десять к одному, что на нем окажется хотя бы одна муха, прежде чем она доберется до вашего рта!

Итак, мы покинули Кимберли, все еще задыхаясь от дождя, и поезд добрался до Кейпа за два дня и одну ночь.

Пейзаж, через который мы проезжали на второй день, действительно был очень красивым на всем протяжении перевала Хекс-Ривер. Я видел довольно много бабуинов. Один малыш убежал, а потом сел и стал швырять в нас камнями. В ярости он выглядел очень причудливым маленьким зверем.

Мистер... встретил нас на вокзале, и у них такой восхитительный дом и сад. Вы даже не представляете, какой это отдых - снова увидеть много зелени после всего солнечного блеска Кимберли.

Все люди здесь кажутся такими приятными и дружелюбными, что я получаю огромное удовольствие.

Однажды вечером мы пошли ужинать в Дом правительства. Я стеснялся перспективы пойти, но это было действительно очень весело. Я ужинал с капитаном Ее величества (ныне в Саймонстауне), и он был очень занят. Все мужчины были в военно-морской форме или при дворе, и они выглядели так мило.

В другой раз миссис... устроила пикник в Констанции, правительственном винодельческом хозяйстве, и губернатор с компанией присоединились к нам там.

Это было очень красивое место, и после чая мы отправились карабкаться по оврагу за ежевикой. Часть пути вверх я пытался выпутать леди из кустов ежевики, когда Губернатор обернулся и крикнул ей: "Поторопись, моя дорогая, поторопись!" и она ответила: "Но, Х. дорогая, я запуталась в своих волосах". Поэтому ему пришлось вернуться, чтобы помочь; а потом, спускаясь, он дважды падал и каждый раз делал вид, что сел только для того, чтобы полюбоваться видом!

В воскресенье мы отправились в Саймонстаун навестить жену адмирала. Там были два капитана военных кораблей и несколько других офицеров, и они пригласили нас навестить их на своих кораблях; но П. не мог уделить ни дня. Я был довольно разочарован.

Мистера Сесила Роудса не было дома, но мы зашли посмотреть его заведение "Грут Шуур". Это очень красивое и спокойное место, прямо у подножия Столовой горы, с прекрасным видом во всех направлениях. Гортензии, которые он так любит, представляют собой настоящее зрелище; они растут по краям лощины в саду, и масса различных оттенков очень красива.

В другой раз мы ходили на обед к верховному судье в Винберг. У него такое милое местечко, на территории много красивых деревьев. Среди прочего, у них очень много серебряных деревьев, которые растут на Столовой горе, и, я полагаю, больше нигде в мире.

Во второй половине дня Леди отвезла нас на грандиозную вечеринку в саду в Ньюлендсе (Дом правительства). Я слышал, что было разослано 1600 приглашений, и я думаю, что большинство из них было принято. Но там все еще было много места, и территория красивая; и играл хороший оркестр. Там был один из сыновей Камы, но я с ним не встречался.

Моему брату не терпелось немного искупаться в море, поэтому мы остановились на несколько дней в маленьком местечке под названием Муйзенберг, на берегу Фолс-Бэй. Я никогда раньше не купалась в такой восхитительно теплой воде. Я полагаю, что в Тейбл-Бэй водятся акулы, но Фолс-Бэй считается вполне безопасным местом; поэтому многие жители Кейптауна ездят туда купаться, а у некоторых из них есть бунгало у моря.

Мне очень хотелось подняться на Столовую гору, поэтому я оставил П. на одну ночь в Муйзенберге и снова отправился ночевать в Кенилворт с несколькими друзьями, которые организовывали "горную вечеринку".

Мы встали рано, выехали на кейп-картах — группой из восьми человек - в 5 утра и поехали в Хаутс-Бей-Нек. К сожалению, утро было пасмурным, и говорят, что гора опасна в тумане; но мы продолжали надеяться, что прояснится, и начали восхождение в 6.45 утра

Подъем был довольно крутым, но по-настоящему трудным никогда не был. Когда мы добрались до коттеджа рейнджера, то обнаружили, что он только что убил ужасную змею-кобру длиной 5 футов 6 дюймов. Он не питал никакой надежды на улучшение погоды, но поскольку мы зашли уже так далеко, то решили, что можем идти дальше. Итак, мы взобрались на вершину, куда прибыли в 11 часов утра, и были сильно разочарованы, не увидев никакого вида. Единственной компенсацией были цветы, которые мы нашли, которые были просто прекрасны — огромный белый вереск, разноцветные вечнозеленые растения и множество цветов, которых я никогда раньше не видела.

Спускаясь во второй половине дня, было ветрено и холодно, и в одном месте мы сбились с тропинки, и примерно милю пришлось продираться сквозь какой-то густой и очень мокрый подлесок, а потом начался дождь. Так что, когда мы добрались до повозок, вид у нас был довольно потрепанный, и ехать домой в мокрой одежде было не совсем удобно.

Может показаться, что у нас была не очень приятная экспедиция, но все же я действительно получил огромное удовольствие от этого дня. Все люди были такими веселыми и потешались над всеми неудобствами.

Майор ..., секретарь губернатора, был одним из участников вечеринки, и он запасся булавками, иглами, бинтами, лейкопластырем и всевозможными другими вещами, большая часть которых пригодилась в течение дня. Впоследствии я слышал, что он сказал губернатору, что никогда раньше не выполнял такой тяжелой дневной работы, поскольку мы заставляли его ходить одиннадцать с половиной часов и позволяли ему сидеть только полчаса!

Время здесь пролетело так быстро, потому что столько всего произошло, и все были так добры. У нас было примерно в два раза больше приглашений, чем мы могли бы принять.

Сейчас мы собираем вещи, чтобы вернуться в Кимберли, и поскольку там прошло несколько хороших дождей, я надеюсь, что погода немного остынет. Если бы только мы могли взять немного этой чудесной зелени с собой! Вы даже не представляете, как вы должны быть благодарны Англии за то, что всегда можете найти зеленое поле, если отправитесь его искать, вместо вечной серости, коричневости и ослепительного света.

Вскоре после нашего возвращения П. должен будет отправиться в поездку по колонии, и я надеюсь проделать часть пути вместе с ним, а затем отправиться в экспедицию, чтобы навестить своих друзей за городом, в Натале; они находятся в пятидесяти милях от железной дороги. Я с огромным нетерпением жду этого. А вскоре после этого мне пора будет отправляться домой, поскольку сейчас я почти достиг почтенного возраста двадцати трех лет и, следовательно, имею право начать свое обучение в больнице для взрослых. И хотя какое-то время такая жизнь кажется очень веселой, мне бы она не всегда нравилась; она приносит не столько удовлетворение, сколько полезную работу.

Мне очень грустно прощаться со всеми моими друзьями. Я считаю, что здесь легче заводить настоящих друзей, чем в Англии. Должно быть, что-то витает в воздухе.

X

Грейтаун, Натал,
апрель 1893 года.

После моего последнего письма к тебе мы отправились обратно, преодолев семьсот с лишним миль до Кимберли, и обнаружили, что жизнь там немного пресновата после того веселого времяпрепровождения, которое мы провели на мысе; но я неплохо играл в теннис и катался верхом, а потом нам нужно было готовиться к турне.

В каждом месте, которое посещает судья, ему приходится устраивать небольшие развлечения, поэтому ему приходится брать с собой повара и дворецкого; а поскольку некоторые места, где проводятся суды, представляют собой настоящие деревни, ему также приходится брать с собой определенное количество продуктов — и, конечно, вина.

Правительство предоставляет салон-вагон с небольшой кухней на борту, так что рядом с железнодорожными путями он используется как штаб-квартира судьи; но многие посещаемые места требуют длительных поездок на повозках.

Первым местом, куда мы отправились, был Коулсберг, и мы прибыли туда в 6 утра. Довольно большой компанией с адвокатами, клерком и регистратором, переводчиком и прислугой.

Нас встретили магистрат и шериф в сопровождении нарядной Конной полиции Кейпа и группы заключенных, которые должны были доставить багаж наверх.

Мы нашли, что для нас приготовлен симпатичный маленький домик, хозяин которого, как оказалось, освободил место; и после умывания и завтрака все мужчины отправились во двор, а я остался, чтобы распаковать вещи и привести их в порядок.

По хозяйству оставались три цветные девочки и т. Д. Ни одна из них не говорила по-английски, и у них было несколько младенцев, разбросанных повсюду. Я знал, что перед отъездом мы должны были устроить званый ужин, и чувствовал себя довольно безнадежно по поводу того, как все пройдет с имеющимися материалами. Однако в конце концов все прошло очень хорошо. Ко мне приходило много людей, и я неплохо сыграл в теннис в клубе, а также прокатился на одолженной мне лошади, первой, которую я попробовал с тех пор, как приехал в эту страну, у которой был хороший рот; большинство из них испорчены удилами, которые они используют.

Окружающая местность была довольно красивой и пригодной для выращивания кукурузы и крупного рогатого скота.

Мы пробыли четыре дня в Коулсберге, а затем отправились в Крэддок, проведя десять часов в пути по железной дороге. Там было много судебной работы, и ее нужно было уложить в пять дней; так что мужчины были в суде почти все время — одну ночь до 11 часов вечера — и мне это показалось немного медленным. Но у меня было несколько приятных поездок: однажды я поехал посмотреть на любопытные серные бани, а на другой день - на ферму примерно в восьми милях отсюда, где, казалось, росли все мыслимые виды фруктов.

После этого мы расстались, мой брат отправился в Миддлбург, а я - еще на десятичасовую поездку на поезде в Порт-Элизабет, где я присоединился к *Драммонд Касл*, направлявшемуся в Дурбан.

Разные люди, казалось, просили капитана позаботиться обо мне, поэтому я сел рядом с ним за стол, и он был очень добр. Когда он узнал, что я собираюсь остановиться в отеле в Дурбане, он сказал мне, что не позволит мне этого сделать, так как у него там много друзей, и мне было бы гораздо лучше провести время, если бы я поехала к ним.

На следующий день мы добрались до Восточного Лондона. Море было довольно бурным, и нужно было погрузить на борт много груза, так что мы пробыли там некоторое время, но я не сошел на берег. Когда мы снова тронулись в путь, капитан подошел ко мне и сказал: "Я телеграфировал некоторым людям в Дурбане, чтобы попросить их встретиться с вами, когда мы прибудем туда". Разве это было не любезно с его стороны?

Когда мы достигли Дурбана, я подождал, пока капитан будет готов сойти на берег; а затем мы забрались в нечто вроде огромной корзины для белья, которую перебросили через борт в тендер, поскольку эти большие пароходы не могут войти в гавань. И когда мы подошли к причалу, то увидели, что нас ждут две дамы с милой парой кремовых пони.

Они заверили меня, что все в порядке, и что у них действительно много места, и что капитан должен прийти к обеду. Итак, мы поехали в такой милый дом на берегу, с прекрасным видом прямо на гавань.

Они были очень приятными шотландцами, и они *были* так добры ко мне, возили меня смотреть город и т.д.

Я остался у них на ночь и на весь следующий день, так как поезда не было до шести вечера; а потом они проводили меня и взяли с меня обещание навестить их на обратном пути.

Я добрался до Питермарицбурга в 10.30 вечера (по-моему, по дороге отсюда очень красивый пейзаж, но было слишком темно, чтобы разглядеть его) и провел ночь в отеле, где обнаружил, что мои добрые дурбанские друзья телеграфировали владелице, чтобы она присмотрела за мной; так что все было очень удобно.

На следующее утро я встал рано, чтобы осмотреть Марицбург, и подружился с возницей почтовой телеги, который пообещал мне место в партере. "Джон" был настоящим персонажем, и он хорошо развлекал меня на протяжении всех сорока пяти миль, которые мы проехали в тот день.

Мы уехали в 10.30 утра с шестью крепкими маленькими лошадками и самой забавной старой каретой в виде Ноева ковчега, которую вы когда-либо видели. Дорога была очень неровной, и были очень крутые спуски к рекам (или "спрутам", как их здесь называют), а затем крутой подъем на другую сторону. Мы несколько раз меняли лошадей, и некоторые упряжки были очень грубыми и необузданными; и лидеры иногда были склонны оборачиваться и подходить посмотреть, как идут дела у лошадей-огневигов. Так что Джону время от времени приходилось пускать в ход свой огромный хлыст, а мне приходилось цепляться за него, и меня так колотило, что я несколько дней потом не мог прийти в себя.

Джон мог рассказать много интересных историй, поскольку был нашим курьером во время зулусской войны.

Мои друзья встретили меня в миле или двух от Грейтауна с запряженной мулом повозкой, в которой мы подъехали к их ферме — такому восхитительному старому дому. На самом деле он принадлежит отцу миссис ..., но сейчас он в Англии, где у них несколько детей в школе; так что они переехали из своего маленького домика в Грейтауне, чтобы присматривать за фермой.

Я здесь уже две недели и наслаждаюсь каждой минутой. Во-первых, климат восхитительный. Здесь довольно жарко, но не та влажная жара, которую можно встретить на побережье, и не пыльная жара Кимберли. Так что я чувствую себя в отличной форме, а люди здесь такие милые, что я хотел бы остаться здесь на несколько месяцев. Это очень свободная и непринужденная жизнь, и нам прислуживает мужчина в рубашке и фартуке из кошачьих хвостов!

Это очень красивая страна, и я совершаю восхитительные прогулки верхом на хорошей лошади. Однажды мы поехали навестить людей, которые живут в пятнадцати милях отсюда, и они настояли на том, чтобы мы остались на ночь. Конечно, у них там не так уж много посетителей. На следующее утро мы поехали к месту, откуда открывался великолепный вид на то, что они называют страной Торнов, прямо в Страну Зулусов. Мы могли видеть долину реки Муи, и они указали мне место, где "защита Рорк-Дрифт" спасла Натал.

Я никогда не был внутри кафрской хижины, поэтому однажды мы отправились на разведку; и меня отвели к "Шестипенсовику", зулусу, который здесь работает. Нам пришлось вползти в хижину из прутьев и соломы на четвереньках, и сначала я ничего не мог разглядеть и едва мог дышать, потому что дым от их костра спасался только через дверь; но мы присели на корточки на полу, который выглядел чистым и отполированным оттого, что на нем много сидели, и вскоре я разглядел миссис Сикспенс (на шесть пенсов можно позволить себе только одну жену), завернутую в одеяло, и четверых детей. Младенец был абсолютно голым, а остальные дети были в основном одеты в бусы. А еще была мать Сикспенса, бедная старушка, которой перевалило за сто, и она помнит Чаку, великого вождя зулу.

Я собрал много диковинок, пока жил здесь, и на днях мне подарили шкуру огромного питона длиной 18 футов, которого незадолго до этого застрелили недалеко от дома. Я не выношу змей и ползучих тварей, а их здесь великое множество. Травы здесь больше, чем в Капской колонии, и поэтому зверям лучше укрыться. На днях, когда я катался верхом, моя лошадь сильно шарахнулась в сторону, и после того, как я сделал ей замечание, я оглянулся и увидел ужасную змею, которая сидела и шипела на нас; так что мне пришлось объяснить своей джи, как я сожалею о том, что сказал!

Врачу, у которого я остановилась, приходится совершать очень длительные поездки верхом, чтобы навестить своих пациентов. Он кажется очень популярным, и ему часто приходится ездить в кафрские краали за тридевять земель, хотя многие местные жители по-прежнему верят в знахарей и их странные снадобья. Очень часто у них нет денег, поэтому ему платят натурой; и иногда он возвращается из визита к вождю с одной или двумя коровами, которых ему приходится загонять домой раньше него.

Несколько человек попросили меня погостить у них; и если бы я не так спешил вернуться к работе, я уверен, что смог бы провести здесь несколько месяцев с большим удовольствием, жители Натала просто восхитительны и так гостеприимны. Но Джон снова пообещал мне место в ложе на своем Ноевом ковчеге во вторник, и я должен еще раз записаться в Кимберли.

XI

Кимберли, Южная Африка,
июнь 1893 г..

Я очень комфортно проделал свое обратное путешествие из Натала и по дороге завел несколько новых друзей.

Поездка на почтовой телеге из Грейтауна в Марицбург была несколько опасной, так как вокруг было много больных лошадей, так что хороших лошадей было мало; а некоторые из наших упряжек были совсем ободранными, и перед каждым стартом было много взбрыкиваний; и несколько раз упряжь ломалась, и Джону приходилось спускаться, чтобы произвести ремонт. Я уверен, что пассажиры в кузове "ковчега" были в ужасе, как бы лошадям не взбрело в голову тронуться в путь, пока поводья были доверены мне; и хотя я довольно хорошо управляюсь с лошадью, я бы постеснялся пытаться управлять шестеркой этих брыкающихся созданий. Однако в течение дня мы благополучно добрались до Марицбурга, и мне снова пришлось провести там ночь, а на следующее утро сесть на поезд до Дурбана.

Железная дорога между этими двумя городами - замечательное инженерное сооружение, она взбирается на одну сторону горы и сбегает с другой; на всем пути вниз простираются прекрасные пейзажи с субтропической растительностью.

Мои добрые друзья из Дурбана снова встретили меня и были очень добры, приютив на ночь, а затем проводив в *Курляндский замок*, вернее, в кадку каботажного судна, из-за которого нас так качало, что даже я не выдержал и заболел морской болезнью. Это сильно разозлило меня, так как я проделал весь путь до Мыса без малейших угрызений совести!

Я намеревался совершить прогулку из Восточного Лондона, чтобы навестить кое-кого в Грэхемстауне и Кинг-Уильямс-Тауне, но мне было так хорошо в Грейтауне, что я задержался там дольше, чем намеревался, и мне пришлось отказаться от других визитов.

Мы на несколько часов бросили якорь у Восточного Лондона, и капитан отвез меня на берег, чтобы пообедать со своими друзьями; а они повезли нас на приятную прогулку по городу и в местечко под названием Кембридж, где мы нарвали апельсинов и много цветов. Пейзаж в устье реки Буффало очень красивый.

Затем мы отправились в Порт-Элизабет, и капитан снова пригласил меня на ленч; и мы приятно провели день, исследуя город с несколькими его друзьями, а вечером они провожали меня поездом в Кимберли. Поезд был довольно переполнен, но я так устал, что проспал всю ночь и проснулся как раз вовремя, чтобы позавтракать в Крэддоке. Я приобретаю немалый опыт в том, чтобы с пользой использовать те двадцать минут, которые они дают вам на то, чтобы перекусить на этих придорожных остановках.

Весь тот день мы прогуливались в поезде — вечером поужинали на станции Де—Ар-Джанкшн, - и в 4 часа утра следующего дня я добрался до Кимберли. Никто не встречал меня, и никаких такси; поэтому я оставил свой багаж у носильщика и пошел пешком к нашему дому. Кот Питер держал себя в саду "как дома", а ретривер Карло вышел на крыльцо, чтобы поприветствовать меня, и помог мне найти ключ под ковриком у двери; и я была рада обнаружить, что моя кровать готова завалиться в нее после столь необходимого мытья.

Сейчас здесь зима, и люди кажутся более энергичными, чем обычно. С тех пор, как я вернулся, я был на двух танцах, и в перспективе несколько званых ужинов.

На днях я спустился в алмазную шахту — то, что посетители делают нечасто, хотя, конечно, многие видят все разработки на поверхности. Мне пришлось переодеться в брезентовый комбинезон и юго-западную куртку, а затем, в очень грубой клетке, нас опустили до уровня 1800 футов. Я слышал, что скоро они будут работать на глубине 2000 футов под поверхностью, но сейчас они работают на глубине 1800 футов.

Все это было очень интересно — толпы туземцев (почти без одежды!) и суетливые грузовички, снующие с грузом голубого камня, в котором находят алмазы, - но я был рад снова вернуться к дневному свету.

Затем, в воскресенье днем, меня пригласили посмотреть военный танец зулусов на территории шахты. Это было действительно очень красиво. Одновременно танцевать разрешается только одному племени, иначе вскоре началась бы драка; а мужчины других племен держались подальше, в дальнем конце территории, и не смотрели на происходящее. Там танцевало около сорока зулусов. Они были одеты в маленькие фартуки из кошачьих хвостов и нескольких бусин, на головах у них были перья, и они размахивали кожаными щитами и набалдашниками (палками с утяжеленными набалдашниками). Все они встали в ряд, и топали, и хлопали в ладоши, и танцевали, и пели в очень хорошем ритме; а затем поодиночке вышли перед остальными и, приняв необычные позы, сильно заикаясь, они рассказали о великих подвигах, которые они совершили на войне, и все остальные подхватили громкое одобрительное "Улюлюканье" и "Цоканье копыт", топая по земле, как разъяренные быки. Некоторые из этих людей сражались против нас во время Зулусской войны. После того, как танец закончился, нам представили одного очень представительного парня как человека, который год или два назад вывез много англичан из шахты, когда там был пожар.

Я думаю, что это замечательная система, с помощью которой все эти племена, которые ненавидели друг друга на протяжении поколений, можно заставить жить вместе в одном комплексе, работая бок о бок и получая очень хорошую зарплату. У них отдельные хижины и столовые, но они делают покупки в одном магазине и живут в одной часовне, больнице и купальне.

В лагере около 2000 человек, и все они казались очень счастливыми. Пиво и крепкие напитки запрещены. Любой желающий может научиться читать и писать, находясь в лагере; и многие из них сидели вокруг костров, где варили мучную еду, и читали своим товарищам.

Мы вошли в больницу, которая была очень чистой и опрятной. Местные жители в белых костюмах, исполнявшие обязанности санитаров, с гордостью показали нам свои аккуратно составленные карты. Там были один или два незначительных несчастных случая и несколько тяжелых случаев пневмонии, но все они выглядели ухоженными и комфортными.

Леди, которая одолжила мне свою лошадь, сейчас вернулась в Кимберли, так что в последнее время я не так часто катался верхом; но прошлой ночью мы славно прокатились до Александерфонтейна при лунном свете. Нас отправилось человек десять, и мы поужинали там. У нас была довольно разношерстная партия лошадей и шорных принадлежностей, и на

обратном пути сначала испортилось одно седло, а потом другое. Я распределил свое снаряжение постепенно — подругу джентльмену, который ехал с одной подругой, и она подалась, а у меня было две; стремя леди, которая уронила свои и, как следствие, оторвалась; и один из моих поводьев другой леди, чья лошадь была слишком возбуждена нашей толпой и требовала, чтобы ее вели. Остальные смеялись надо мной и выпрашивали уздечку, а потом и седло!

Сейчас я занята сборами домой и пытаюсь устроить все для моего брата, который, когда я уйду, намерен переехать в дом поменьше, прямо напротив клуба. Кроме того, сейчас идет много тенниса, и в перерывах я изо всех сил стараюсь нанести свои прощальные визиты. Я был несколько удивлен, обнаружив, что там было около сорока человек, которым я должен был нанести визит; и поскольку Кимберли не выходит из своей сиесты до 4 часов дня, а к 6 часам вечера уже темнеет, мне трудно разобраться с делами, и Джорджу придется разнести для меня несколько карточек почетных гостей.

Крейсер "Скотт", Бискайский залив,
июль 1893 г..

Мне жаль, что я не успел опубликовать эту историю из Кимберли; но я думаю, что все равно опубликую ее, когда приземлюсь, поскольку, возможно, не увижу вас еще некоторое время, и это обновит историю моих путешествий.

Мне было жаль покидать Кимберли больше, чем я ожидал; но, полагаю, нельзя прожить год в каком-нибудь месте, не обзаведясь друзьями, с которыми тебе жаль расставаться.

Я отправился на Мыс в полном одиночестве, но несколько кейптаунских друзей пришли проводить меня, и я почувствовал себя совсем по-домашнему на *Шотландце* еще раз.

Старший помощник капитана пригласил меня сесть за его столик, и у нас было восхитительное плавание, хорошая погода и приятные люди.

Мы провели несколько часов на берегу Мадейры, и я думаю, что цветы кажутся мне еще красивее с каждым разом, когда я приезжаю туда. Когда-нибудь я хотел бы остаться на острове на несколько недель.

Мы все были потрясены, услышав о крушении "*Виктории*" у берегов Триполи и гибели 420 человек; это действительно кажется ужасным.

Мы обнаруживаем, что, если все пойдет хорошо, мы приземлимся в день свадьбы герцога Йоркского и принцессы Мэй.

Бискайский залив ведет себя как ягненок. Это уже четвертый раз, когда я прохожу через это, и только однажды это дало о себе знать и было по-настоящему неприятно.

Перед отъездом домой я собираюсь провести несколько дней в городе, чтобы побеседовать с двумя или тремя медсестрами крупных больниц. Я думаю, что знаю, в какую больницу мне бы больше всего хотелось попасть, но смогу ли я убедить эту конкретную медсестру в том, что осенью у нее действительно будет вакансия (сначала я должен немного побыть дома), и что я

действительно самый подходящий кандидат на эту конкретную вакансию, еще предстоит доказать.

Я довольно худой из-за жары, но смуглый, как ягода; так что, я уверен, они должны думать, что я выгляжу достаточно крепко для такой работы.

XII

Больница общего профиля, Лондон,
май 1894 г..

Прошло много времени с тех пор, как я писал вам в последний раз, но писать было не о чем.

Прошлой осенью я очень старался устроиться в одну лондонскую больницу, но не смог найти вакансии ни в одной действительно хорошей, поэтому решил, что лучше дождаться вакансии здесь, где я всегда хотел тренироваться, чем проскользнуть куда—нибудь, где я не *знал*, что подготовка хорошая. Так что я просто сидел дома, а летом играл в теннис и крикет, и научился делать масло и джем и т. Д., А зимой немного поохотился (на довольно глупой лошади, которая вечно делала какие-нибудь глупости, и однажды отличился тем, что лег на спринте!), и помогал преподавать в вечерней школе, куда большие парни и мужчины, которые весь день резали репу для овец, приходили по вечерам, чтобы с большим упорством изучать арифметику, географию и т. Д.

Осенью я на месяц поехала помогать в больницу общего профиля N., так как у них заболело много медсестер. Это было довольно забавно, поскольку меня отправили в мужское отделение (35 коек) в качестве старшей медсестры; и, конечно, раньше мне приходилось иметь дело только с детьми, поэтому мне приходилось притворяться, что я знаю гораздо больше, чем на самом деле.

Я пробыл там всего несколько дней, когда Сестра моего прихода ушла с дежурства из-за гриппа, и, похоже, некому было прийти вместо нее; так что нам пришлось обходиться без Сестры. Но все шло своим чередом, и пациенты чувствовали себя хорошо.

Старшая сестра попросила меня остаться на постоянной основе; но я подумала, что лондонский сертификат будет более ценным впоследствии, поэтому я оставалась только до тех пор, пока их больные медсестры не смогли вернуться к своим обязанностям.

Мне там очень понравилось. Грубую работу по уборке, которую нам приходилось выполнять в Детской больнице, выполняли горничные, так что мы могли уделять все наше внимание собственно уходу за больными; кроме того, наша еда была лучше и обильнее. Но, несмотря на все это, среди медсестер, казалось, было много недовольных. Я не привык к этому и пробыл там недостаточно долго, чтобы узнать, действительно ли у них были какие-то веские причины для своих жалоб.

Работа, конечно, была тяжелой, но отчасти это объяснялось тем, что многие сестры и сиделки не работали по болезни; и когда врачи обнаружили, что я выполняю работу Сестры так же

хорошо, как и свою собственную, они были очень тактичны, пытаюсь избавить меня от лишних хлопот.

Мне обещали здесь вакансию "летом" в качестве обычного стажера на три года обучения. Затем, однажды в начале февраля, я получила телеграмму от надзирательницы, в которой меня спрашивали, не хотела бы я поступить в качестве ученицы женского пола, "если моя плата будет согласована", и если да, то я должна была подняться к ней на следующий день. Я немного не мог понять, что это значит, но подумал, что мне лучше разобраться. Итак, я поскакал в город, и надзирательница объяснила мне, что у них здесь существует система работы в двух званиях: офицерского и рядового. Офицеры - это сестры, и их набирают из учениц; рядовые - это стажеры, которые могут дослужиться до штатных медсестер, но кроме этого никакого продвижения по службе не предусмотрено. Следовательно, если бы я поступила на стажировку, как и договаривалась, я никогда не смогла бы стать сестрой.

Затем она сказала мне, что, вероятно, примерно через год появятся две или три вакансии для сестер, и дама, заинтересованная в больнице, предложила оплатить обучение какой-то ученицы, которая в противном случае поступила бы на стажировку, чтобы у нее было преимущество в шансе продвижения по службе; и старшая сестра решила сделать мне это предложение, отчасти из-за того, что я прошла предыдущее обучение. Конечно, *нетобещания* продвижения по службе, поскольку это должно зависеть от работы человека; но шанс на это есть. Вы когда-нибудь слышали о такой удаче?

Конечно, я был только рад согласиться, и они сразу же захотели меня видеть; поэтому мне пришлось в спешке готовить свой комплект, и я начал работать здесь в феврале.

Это огромное место, сам по себе совсем маленький городок, и я здесь очень счастлив.

Я думаю, мне повезло, что меня сначала направили в мужское медицинское отделение на сорок коек. Сестра - первоклассная медсестра и великолепный менеджер. Она сама усердно работает и ожидает, что все остальные будут делать то же самое; поэтому палата всегда выглядит опрятно, а пациентам очень комфортно.

Мой короткий опыт работы в N. был очень полезен для меня, и я не чувствую себя настолько растерянной, когда делаю что-то для мужчин.

Я нахожу, что как ученица, я действительно действую как "помощница сестры". Я хожу с сестрой по врачам, и если она занята с одним врачом, а приходит другой, я должен сопровождать его; и мне необходимо знать все об этих случаях, чтобы иметь возможность сообщать о них. Еще одна из моих обязанностей - выдавать все лекарства, а это для сорока медицинских случаев отнимает уйму времени. Я также отвечаю за четыре койки и делаю все для находящихся на них пациентов.

Есть две штатные медсестры и два стажера (также две камеристки), и я заполняю свое свободное время, помогая им заправлять постели, разносить еду и т.д.; Но, похоже, от меня не ожидают выполнения какой-либо работы по уборке, и если я занята, помогая сестре, рутинная работа продолжается точно так же без моей помощи. Я не совсем уверен, что это хорошая договоренность, поскольку одна из штатных медсестер в этом отделении работает здесь много лет, а другая - более трех лет, так что, конечно, они знают об этих случаях больше, чем я; и я думаю, что совершенно новой ученице, которая раньше не проходила никакой подготовки, это

может показаться довольно трудным. Но я должен сказать, что персонал был очень добр ко мне. Я не хотел, чтобы стало известно, что я "выходил раньше", но это просочилось наружу.

Нас, учениц, около двадцати, и мы живем в доме надзирательницы. Мы все едим в большой сестринской столовой, но за отдельным столом, за исключением ужина, который мы готовим в сестринской столовой. Еда здесь намного лучше, чем в Детской больнице. Некоторые медсестры ворчат на это; но я думаю, что где бы люди ни ели в толпе, всегда найдутся недовольные. Во всяком случае, здесь нет *необходимости* покупать еду.

Сначала у меня в постели были довольно неинтересные случаи, но теперь сестра дает мне несколько хороших. У меня есть один веселый толстый ребенок двух с половиной лет с тонзиллитом, которого отправили к нам из женского отделения, потому что они не были уверены, что у него не дифтерия, а у них в отделении были другие дети. Сначала мне пришлось много лечить его, и он возненавидел это; но теперь он простил меня, и мы отличные друзья, и все мужчины делают все возможное, чтобы избаловать его.

Затем у меня есть бедный человек с болезнью Брайта, который очень болен. Он представляет собой любопытный объект, так как он совершенно лысый, и ему нравится надевать в постель красную вязаную шапочку. Теперь по вечерам у него часто бывает бред, и тогда он очень сквернословит. Когда сестра уходит вечером, я должен читать молитвы в палате. Сначала я очень стеснялся читать перед всеми этими мужчинами, особенно когда некоторые из них принадлежат к довольно высокому классу; и когда я был в середине молитвы на днях вечером, мой лысый мужчина вмешался, разразившись нецензурной бранью. Это было действительно очень тяжело, и я знала, что если кто-нибудь из медсестер начнет возражать ему, он будет продолжать только более громким голосом; поэтому мне пришлось несколько сократить молитвы. Если он будет продолжать в том же духе, я боюсь, ему придется отправиться в кладовую; но там, наверху, у них только слуги-мужчины, и нам не хочется отсылать его, так как он действительно очень болен и нуждается в постоянном уходе.

На днях произошла печальная вещь. У нас был старик, очень больной стенокардией; ему было очень трудно дышать, и он вообще не мог лежать. Я всегда старался поддержать его и устроить поудобнее. Он очень мало отдыхал, но всегда был таким хорошим и благодарным. Это был не один из моих собственных случаев, но он принимал несколько лекарств (которые давались по мере необходимости), так что мне приходилось очень часто обращаться к нему то за одним, то за другим. Однажды я ходил по кругу, раздавая двухчасовые лекарства, и когда я добрался до его кровати, он лежал, откинувшись на подушки, и, по-видимому, спал. Для него было так необычно выглядеть довольным, что я подумала, что уж точно не стану беспокоить его из-за лекарства. Сестра разговаривала с врачом в нескольких ярдах от меня, и я как раз собирался указать ей, что старик отдыхает, когда что-то заставило меня обернуться и посмотреть на него повнимательнее, и я обнаружил, что он был совершенно мертв. Бедняга, он действительно "отдыхал". Я просто закрыл его ширмой, а затем вызвал сестру и хирурга, но он уже ушел, и даже мужчина на соседней койке не заметил никаких изменений.

XIII

Больница общего профиля, Лондон,
август 1894 г..

С большим сожалением я покинул свое милое и интересное мужское медицинское отделение и обнаружил, что попал в меньшее по размеру отделение хирургии и неотложной помощи для женщин и детей. Вряд ли можно было представить больший контраст. Там все было сделано в порядке и методично, и сделано хорошо; здесь же все, кажется, мечутся, затаив дыхание, и палата никогда не выглядит опрятной, и я совершенно уверен, что суэта, которая там царит, вредна для серьезных пациентов.

Я отвечаю за восемь пациентов вместо четырех, и сначала я думал, что мне никогда не удастся вовремя вымыть их всех утром; но теперь я обнаружил, что многие из них могут сделать для себя гораздо больше, чем могли бы сделать медицинские пациенты; к тому же лекарства в хирургическом отделении ничто по сравнению с лекарствами в медицинском; так что я справляюсь со всем этим хорошо и не отстаю от времени.

В палате есть кровати у трех хирургов, и это немного усложняет работу, так как иногда они все приходят в одно и то же время, а иногда все хотят оперировать одновременно. Это очень неудобно, так как у нас нет приспособлений для всех них, и нам приходится бегать взад и вперед за вещами. Они кажутся мне самыми дружелюбными хирургами; я знаю, что хирурги нашей Детской больницы не смирились бы с тем, что их заставляют ждать, как это делают эти люди; но я терпеть не могу, когда все, что они хотят, не готово до того, как они об этом попросят. Однако я начинаю нащупывать свой путь и думаю, что скоро смогу подготовить различные наборы вещей для использования в подобных чрезвычайных ситуациях.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы выяснить, почему в палате всегда царил хаос, и только потому, что вы так далеко, я могу с уверенностью назвать вам причину. Я полагаю, это просто и исключительно потому, что Сестра, хотя и довольно хорошая медсестра, на самом деле никуда не годится как Сестра. Мне жаль это говорить, потому что она была очень добра ко мне, и бедняжка старается изо всех сил. Она бегает и делает много вещей, которые должны делать младшие стажеры, но у нее нет ни малейшего представления о том, чтобы присматривать за медсестрами; а поскольку старшая медсестра довольно прогульщица и очень любит поболтать с санитарями, стажеры, которые стремятся работать, довольно перегружены работой, а те, кто не стремится, не работают. Кроме того, если на работе много работы, сестра скорее теряет голову и бесцельно мечется; а в театре, если что-то идет не так, и они хотят все сделать в спешке, ей всегда кажется, что она подает не то, что нужно.

Я нахожу это немного трудным, так как врачи мешают обратиться ко мне, если им нужно, чтобы все было быстро. Как только я узнал, что не так с палатой, и что сестра была довольно милой и "желала как лучше", но просто у нее не хватило духу стать хорошим менеджером, я решил, что палата *должна* быть умной, несмотря на препятствия, и действительно, ситуация постепенно улучшается.

В последнее время я получаю много писем о маленьком мальчике, которому, по словам сестры, придется отправиться в рабочий дом, когда он уедет отсюда, и я подумал, что он подходящий

случай для дома доктора Барнардо; поэтому она сказала, что я мог бы попытаться устроить его туда, и мне только что это удалось.

Его мать умерла, когда он родился, а отец, судя по всему, очень плохой человек, обычно сидящий в тюрьме. Этот мальчик жил со своей старой бабушкой и совсем одичал; симпатичный маленький мальчик, но настоящий язычник, любивший сквернословить самым невинным образом. Он приехал сюда на небольшую операцию, и пока он был здесь, его бабушка очень скоропостижно скончалась. Люди в Доме доктора Барнардо отнеслись к этому очень хорошо, самостоятельно навели все справки и получили согласие отца. Теперь они согласились забрать его, как только он поправится. Он отважный маленький парень, и я полагаю, что однажды они, вероятно, отправят его в Канаду, и это даст ему лучший старт в жизни, чем он мог бы получить в работном доме.

Я думаю, что у нас здесь очень хорошее время после дежурства — один свободный час в один день и три часа на следующий; а у сестер и учениц—леди раз в месяц бывают выходные с субботы по понедельник - это значит, с 16:00 в субботу до 10:00 в понедельник.

Когда меня перевели в это отделение, я просто пропустила работу с субботы по понедельник; так что, чтобы компенсировать это, на прошлой неделе мне дали "дополнительный отпуск" с субботы днем до вечера понедельника, а в Кембридже как раз была майская неделя, так что я поехала и так весело провела время. Б., кажется, очень счастлива в Клэр, и у нее там очень хорошие друзья. Моя сестра не спала всю неделю и отлично провела время, ходила на все танцы и т.д. Это был мой первый визит в Кембридж, и там было на что посмотреть. Работать должно быть легко, когда вы находитесь в таком прекрасном окружении.

На обратном пути у моего поезда сломался двигатель, и я приехал только в 11 часов вечера, а на следующее утро мне пришлось пойти и признаться в офисе, что я опоздал; но это было первое опоздание с тех пор, как я приехал, поэтому я был прощен.

Недели две назад или около того у нас была довольно волнующая неделя "приема": во-первых, бедного крошечного ребенка с очень сильно перерезанным горлом (это сделала его мать, которая впоследствии перерезала себе горло и покончила с собой). Ребенку сделали трахеотомию, но он прожил всего несколько часов. Потом появилась бедная восьмилетняя девочка, очень сильно обгоревшая. Ей пришлось встать, чтобы разжечь огонь, пока ее мать лежала в постели (судя по ее виду, я бы подумал, что мать была пьяна), и ребенок умудрился поджечь себя. Я думаю, она поправится, но пройдет много времени, прежде чем она снова сможет ходить. Сейчас у нее не так уж много болей, и я думаю, что ей здесь вполне нравится. Следующим случаем было еще одно перерезанное горло — бедной, немощной на вид женщине, чей муж сначала перерезал горло ей, а затем себе самому. Он находится в мужском отделении неотложной помощи и не очень сильно пострадал; она сильно пострадала, но я думаю, что они оба поправятся.

Я договорился пойти в Академию с Л., поскольку у меня был свободный день; но эта бедная женщина пришла вскоре после обеда, и я знал, что ей нужно идти в театр, поэтому я телеграфировал Л., что не смогу с ней встретиться. И это было даже к лучшему, что я так поступил, поскольку в тот день произошло еще три несчастных случая, и одному из них тоже пришлось отправиться в театр (сложный перелом большеберцовой и малоберцовой костей); так что мы провели время в спешке.

Вчера в нашем приходе был театральный день; и поскольку сестре пришлось лечь в постель из-за сильной головной боли, я имел честь отнести наши чемоданы в театр. Я немного нервничал, так как это был первый раз, когда я был один у нашего старшего хирурга, а у него был один тяжелый случай — иссечение колена. Но остальные три случая были не очень серьезными, и мы неплохо поладили.

Последние три месяца у нас был очень интересный курс лекций по физиологии, и мы с девушкой, которая делит со мной комнату, тратим все свободные минуты на изучение этого предмета. Она умна, но раньше мало читала по физиологии, поэтому я смог ей немного помочь; и я не удивлюсь, если на экзамене она справится лучше, чем я. Среди учениц мы обе считаемся младшекурсницами; но я не думаю, что старшекурсницы берут на себя много хлопот, кроме простого составления конспектов лекций, так что я надеюсь, что мы будем вести себя прилично. Нелегко выкроить много времени на чтение, когда тебе приходится бороться с тяжелой палатой, но я уверен, что это поможет тебе на экзаменах. Если вам удастся прочитать гораздо больше, чем вы абсолютно обязаны, о том, что лектор пытается втолковать вам в сжатой форме.

Я здесь уже шесть месяцев, и в любой день меня могут отправить в отпуск, но произошла некоторая задержка из-за того, что сестра не очень хорошо себя чувствует. Похоже, она не хочет, чтобы я уходил, поскольку впоследствии меня, вероятно, не отправят обратно в эту палату; но в последнее время было очень жарко, и я буду рад отдохнуть.

XIV

Больница общего профиля, Лондон,
декабрь 1894 г..

После моего последнего письма к тебе меня отправили в отпуск. Я был рад получить его, но пропустил две последние лекции по физиологии. Это было довольно скучно, как и экзамен. Это было на следующий день после моего возвращения; так что у меня не было возможности позаимствовать чьи-либо записи этих лекций, как я должен был сделать. Тем не менее, я заняла третье место, а моя компаньонка по конюшне была первой среди учениц женского пола — не так уж плохо для двух младшекурсниц; и мы слышали, что четверо или пятеро старшекурсниц прошли небольшую беседу с начальницей в ее кабинете, и ей посоветовали усерднее работать перед следующим экзаменом.

Сейчас у нас проходят лекции по дозированию, и это самые интересные лекции, которые я когда-либо читал. Мы идем в аптеку, и дозатор заставляет нас возиться, выписывать рецепты, делать таблетки, порошки и тому подобное. Мы забрасываем друг друга вопросами в неподходящие моменты, когда встречаемся — а также ночью в постели — о различных дозах различных лекарств и от чего они назначаются, о противоядиях от различных ядов и т.д.

По возвращении из отпуска меня отправили в очень хорошее женское медицинское отделение, и у меня там была интересная работа. Сестра была очень добра ко мне (она работает здесь уже

много лет, и многие ученицы-леди ее не любят, но она первоклассная медсестра), и она подарила мне очень хорошие случаи. Одним из моих первых пациентов была десятилетняя девочка с брюшным тифом. Она была очень больна несколько недель, а потом превратилась в такой бедный маленький истощенный скелет ребенка! Было очень приятно кормить ее, когда это было безопасно; и ее огромные глаза обычно следили за мной по палате, гадая, каким будет следующее кормление.

Сестра сказала, что вряд ли у меня мог быть более поучительный случай, поскольку у нее были почти все тяжелые симптомы, которые могут быть у больного тифом, включая сильное кровотечение.

Однажды я был ужасно горд, когда старший врач обходил студентов и читал им лекцию о необходимости хорошего ухода за больными тифом; и он заставил сестру показать им бедную, костлявую спинку и ножки ребенка, на которых не было ни единого красного пятнышка; и он сказал им, что борьба с лихорадкой отняла у нее все силы, и если бы у нее еще была пролежневая рана, которая подтачивала ее силы, она бы никогда не выкарабкалась.

Пока я лежал в той палате, нам сделали две трахеотомии от дифтерии; и хотя это были не мои случаи (поскольку в обеих были специальные медсестры), я присутствовал при операциях и многое узнал об их лечении, поскольку сестра обычно позволяла мне подменять их медсестер во время еды и т. Д. И она научила меня менять и чистить их трубки и так далее; так что, когда позже меня записали в качестве специального специалиста, я не так сильно боялся несчастных случаев, как должен был бы бояться в противном случае.

Должно быть, это была очень тяжелая форма дифтерии, так как одна из пациенток заразилась, и ее пришлось отправить в лихорадочную больницу; а потом сестра заболела, но она была не очень больна, и за ней ухаживали в ее собственной палате. Это заставило их заговорить о необходимости наличия какого-нибудь изолятора для содержания этих пациентов. Конечно, их принимают сюда только в том случае, если они слишком больны, чтобы безопасно отправлять их в Лихорадочные больницы.

У нас было напряженное время, когда заболела сестра, но медсестра была очень хорошей, на нее можно было положиться, и все шло хорошо.

Я должен рассказать вам небольшую шутку, которую мы разыграли однажды вечером в доме надзирательницы, где живут все воспитанницы. Однажды поздно вечером в сентябре, когда мы все разделись, один из них пришел в мою комнату и сказал, что за окном ванной на поводках сидит несчастная кошка и она так шумит, что не может убежать. Мы пошли проверить и согласились, что необходима спасательная операция. К этому времени большинство учениц собрались, и мы принесли лестницу из кладовки. Она была слишком короткой, но мы привязали к ней банные полотенца и опустили ее через окно на провода. Тогда глупый кот не захотел вылезать и заплакал еще громче; тогда меня вытолкнули в окно прямо в халате, и они держали меня, пока я не встал ногами настреманку и не смог спуститься к коту. Как раз в этот момент дверь старшей сестры открылась, и они все разошлись по своим комнатам. Я услышала что-то насчет "слишком много шума" и "выключить свет", а затем она вошла в ванную и закрыла окно. К счастью, лестница была слишком короткой, иначе она, должно быть, увидела бы это. Было довольно темно, и я сидел, утешая кошку, и ждал, пока горизонт очистится, когда услышал приглушенный смех, и тогда впервые вспомнил о садах за домом, которые принадлежали кому-

то из наших приезжих врачей. Я смотрел на их дома и видел, что все жалюзи опущены, и мне никогда не приходило в голову, что они могут сидеть под деревьями в такое ночное время. После этого я очень осторожно прижался лицом к стене; и вскоре окно осторожно открылось, и с некоторым трудом нас с котом втащили внутрь, и мы очень тихо втащили лестницу. Тогда я сказал им, что уверен, что за нами наблюдали, и мы нашли сад, из которого доносился смех; и на следующее утро, конечно же, под деревьями стояли два плетеных кресла, так что мы знали, кто это был. Но он никогда не выдавал нас, и я до сих пор не знаю, узнал ли он меня; но мне часто казалось, что при наших встречах в его глазах мелькал огонек.

Затем возник вопрос, что делать с кошкой, поскольку она казалась голодной и не склонной вести себя тихо; так что в конце концов самой невинно выглядящей ученице было поручено пойти к старшей сестре и сказать ей, что она поймала эту странную кошку в ванной, и, поскольку она казалась умирающей с голоду, не могла бы она спуститься и покормить ее, а затем выгнать? Домашняя сестра любила кошек, и это вызвало у нее сочувствие; поэтому она помогла накормить его ужином и проводила до выхода.

В ноябре меня отправили на ночное дежурство. Воспитанницы не обязаны дежурить по ночам, поскольку они здесь всего один год; но старшей надзирательнице не хватало старших стажеров, и она спросила меня, хочу ли я этого, и я подумала, что хочу. Часть времени я был "статистом", просто помогал там, где они были заняты, и помогал в театре на любых ночных операциях. Потом меня поместили как "особенного" с трахеотомией (дифтерия) в мужское медицинское отделение — к такому милому мальчику по имени Альберт, восьми лет. И когда ему стало лучше, поступил еще один маленький мальчик лет трех, в таком отчаянном состоянии, что им пришлось сделать трахеотомию в приемном покое; а потом его принесли и положили в кровать рядом с кроватью моего мальчика, и я присматривал за ними обоими. Бедный Альберт поначалу немного ревновал, и всякий раз, когда я ухаживала за маленьким мальчиком, он тоже начинал "хрипеть", думая, что я должна броситься ему на помощь; но вскоре он обнаружил, что это бесполезно.

После того, как оба мальчика выздоровели, я провела дезинфекцию и взяла выходной, чтобы проветриться; а затем старшая сестра разрешила мне подрабатывать медсестрой по ночам — очень интересная, но довольно тревожная работа.

Вы попадаете в палату, в которой, возможно, никогда раньше не были, и не знаете, где что хранится. Здесь от двадцати до сорока пациентов; если последнее, то вам поможет стажер. Большинство из них спокойно спят; те немногие, кто бодрствует, вероятно, гадают, какое впечатление они могут произвести на незнакомую медсестру.

Некоторые сестры очень хорошо представляют полный письменный отчет, но другие сестры довольно небрежны, рассказывая вам многое из того, что вы можете или не можете делать для восьмого или одиннадцатого номера, но кажутся нетерпеливыми, если вы пытаетесь делать заметки.

Первый выходной я взял в мужском хирургическом отделении, где лежал симпатичный парень восемнадцати лет, которому в тот день ампутировали ногу (из-за туберкулезного коленного сустава). Он был таким добрым и терпеливым, но, конечно, ему требовалось много внимания, и я хотела бы оставаться с ним все время; но в другом конце палаты был старик, который был в бреду, и он настаивал на том, чтобы громко читать молитвы и исповедоваться мне в своих

грехах, называя меня "Мария, дорогая". Я был благодарен, когда пришел домашний врач и прописал ему снотворное; но мне потребовалось целых полчаса, чтобы убедить его выпить его, а потом прошло много времени, прежде чем это подействовало.

В другой палате сестра сказала мне, что пациентам ничего не нужно делать, пока я не накормлю их завтраком по утрам, но "могу я как следует позаботиться о ее персидских и мэнских кошках и не позволю им сбежать из палаты?"

Кроме того, вечером шло проветривание, так что у меня было много дел по проветриванию простыней и т.д., а утром я надевала чистые простыни; но это было неинтересно.

Сегодня вечером я работаю медсестрой в мужском отделении неотложной помощи; но там есть и смышленная маленькая профессионалка, и она, похоже, привыкла выполнять большую часть работы. У нас был один случай — мальчик из фургона с легким сотрясением мозга; но я промыл его, и сейчас он спит с мешком со льдом на голове. В отделении есть несколько тяжелых пациентов, но все они, похоже, склонны ко сну; так что я на самом деле сажусь, чтобы закончить эту заметку для вас.

Мне нравится ночное дежурство; кажется, у тебя больше времени, чтобы ухаживать за пациентами, которым действительно плохо, и делать мелочи для их комфорта; и выздоравливающие обычно спят и тебя не беспокоят; но иногда это тяжелая работа, особенно между 5 и 8 часами утра, когда все просыпаются, и каждому чего-то хочется, и нужно раздать все завтраки, и застелить все постели, и измерить температуру, и сменить разжигатели, и еще сотню разных дел, которые нужно сделать одновременно; и ты мечешься и ждешь каждую минуту, когда тебе что-то понадобится. дневные медсестры войдут и скажут: "Какой беспорядок в отделении!" а иногда, когда вы прекрасно справляетесь со своей работой и думаете, что сестра будет довольна, к вам подбегает хирург в пижаме и халате, чтобы сказать, что он отправляет тяжелого пациента, и тогда вам приходится уделять этому случаю все свое внимание и вы не можете окончательно разобраться, на что, как вы думали, уйдет куча времени!

XV

Больница общего профиля, Лондон,
июнь 1895 г..

Со времени моего последнего письма я проделала много разнообразной работы, и теперь я должна сказать вам, что я полноценная Сестра, или, как здесь говорят, у меня есть "свои дела"; но мне лучше начать с того, на чем я остановилась.

Тогда я суетился на ночном дежурстве и вот так провел очень счастливое Рождество. Конечно, мы все хотели бы встретить Рождество дома, но в больнице так много делается для того, чтобы сделать его ярким и радостным для пациентов, и у многих из них в жизни так мало яркости, что приятно видеть, как они наслаждаются этим.

У всех них действительно хорошие подарки; предоставляется любое количество вкусной еды; множество развлечений (музыка, рождественские елки и т.д.); мужчинам разрешается курить в палатах.

Врачи и студенты действительно великолепны в том, как они украшают палаты и т.д., а также переносят пациентов, которые чувствуют себя достаточно хорошо, в другие палаты для развлечений.

Дети из окрестных трущоб пойдут на все, чтобы попасть в больницу на Рождество, а в приемной полно маленьких бесенят, у которых "очень сильно болит!"

В январе мне пришлось на несколько дней лечь в постель из-за высокой температуры и легкого гриппа, и пока я лежала в постели, настал день сдачи экзамена., Поэтому я умоляла разрешить мне пойти и поклялась, что я совершенно выздоровела, и мне разрешили присутствовать.

Я составил свои рецепты (пузырек с лекарством и несколько порошков), а затем принялся за газету, и мне показалось, что она довольно приятная, но прежде чем я добрался до конца, у меня закружилась голова, и я почувствовал уверенность, что все перепутал и дал не те дозы, и я подумал, каким ослом я был, попробовав это, и я был уверен, что окажусь в конце списка!

Одна из моих подруг проводила меня обратно в постель и померила температуру, и когда она обнаружила, что она 103, она пошла и сказала старшей сестре; так что на следующее утро появился врач, и меня продержали в постели целую неделю, а затем отправили переодеться на несколько дней, но перед моим уходом старшая сестра пришла сказать мне, что я был первым на экзамене по распределению, получив 114 баллов из возможных 125. Если бы у меня были еще какие-нибудь экзамены. чтобы заняться этим, я думаю, мне следует заранее позаботиться о небольшом гриппе, поскольку он, по-видимому, стимулирует мой мозг; но, слава богу, это мой последний.

Вы знаете, я всегда клялась, что ничто не заставит меня стать матроной? Что ж, я была близка к этому; некоторое время я исполняла обязанности помощницы матроны. Во-первых, старшая медсестра заболела и ненадолго уехала, и я выполнял ее работу; затем, когда она вернулась, старшая сестра уехала на две недели, а я остался в офисе, помогая помощнице.

Было довольно интересно узнать все тонкости "Административного отдела", но я по-прежнему убеждена, что быть старшей сестрой - это не подвох.

Сестры приходят жаловаться на медсестру, и вам приходится посылать за этой медсестрой и ругать ее за сообщенные ей проступки, хотя, возможно, у вас все время возникает ощущение, что сестра поступила неразумно в том, чего она ожидала от девочки.

Затем медсестры иногда заболевают, и кажется, что труднее всего занять место медсестры; тогда старшая сестра уходит на вторую половину дня, говоря ассистентке: "Есть еще три дополнительные медсестры, и я отправила их в палаты А., Б. и С. Там они заняты, так что вряд ли кто-нибудь попросит вас еще об одной дополнительной", и как только она уходит, в палату вбегают домашний хирург, чтобы сказать, что он отправил очень тяжелого больного дифтерией в палату D. для немедленной трахеотомии, и могу ли я прислать специальных медсестер? конечно сразу? Я смотрю в список, чтобы узнать, кто эти три дополнительных сотрудника, и нахожу, что ни один из них не подходит для ведения этого дела — одна уезжает в отпуск через несколько

дней, а две другие совсем младшие — поэтому я ломаю голову, какая из палатных медсестер наиболее подходит, и останавливаюсь на Pro. 1 в палате А., поскольку она перенесла одну или две трахеотомии; итак, я должен взять интервью у сестры А., и она очень неохотно отказывается от своей Pro. 1, и совершенно уверена, что старшая сестра не забрала бы ее, но у меня есть проявить твердость и попытаться утешить ее, послав ей лучшую добавку вместо Pro. 1 (тем самым навлекая на себя мрачные взгляды сестры Б., которая совершенно уверена, что ее палата намного тяжелее, чем у сестры А.!); кого-то следует отправить в постель, чтобы он был готов выступить в роли дежурного по ночам, но я заключаю, что это может подождать до возвращения старшей сестры, поскольку у нее может быть какая-нибудь сиделка, которую она обещала нанять специально. Именно такую работу приходится выполнять помощнице медсестры — много хлопотать и выступать своего рода буфером между сестрами и Старшей сестрой, много писать писем и выполнять другую работу в офисе, а также много нарезать мясо во время еды — однажды в воскресенье я нарезала ростбиф для семидесяти медсестер, некоторые из них были дневными, а некоторые - ночными.

Срок моей службы в конторе как раз подходил к концу (тогда я еще была ученицей), когда старшая сестра обратилась с просьбой предоставить двух штатных медсестер в один из крупных лондонских лазаретов, где было очень много больных медсестер.

Я вызвалась пойти (так как думала, что это будет для меня новым опытом), а затем вызвалась и другая ученица.

Был проливной мартовский вечер, когда мы отправились в путь в извозчике, другие ученицы довольно насмеялись над нами и говорили, что, когда они отправятся в рабочий дом, они должны делать это правильно в старом четырехколесном экипаже!

Мы понятия не имели, где находится Лазарет, но доверились таксисту, и после долгой поездки он свернул в вымощенный камнем двор и остановился у двери с тяжелой решеткой; это было больше похоже на тюрьму, чем на лазарет, но я вышел под дождь, чтобы осмотреть помещение, и через некоторое время мне удалось объяснить пожилому дежурному, что я не хочу подавать заявление о приеме в Обычное отделение, а хочу найти Лазарет. Он сказал мне, что это больше чем в миле отсюда; так что усталая лошадь снова побрела дальше и в конце концов привела нас к внушительному зданию, где за три недели напряженной работы мы многому научились.

Они были очень заняты и испытывали острую нехватку кадров. Меня отправили в женское медицинское отделение на тридцать две койки, но помещение было так переполнено, что у меня было тридцать шесть пациенток, причем дополнительные спали на матрасах на полу. В течение первой недели, когда бы ни приходил пациент, мне приходилось рассматривать, кто из лежащих в кроватях больше всего способен повернуться и опуститься на пол, чтобы освободить место для вновь прибывшего, но после этого все успокоилось, и перед моим уходом количество пациентов сократилось до нужного количества.

В моей палате дежурила сестра, а прямо напротив - еще одна, такого же размера. Несколько дней я работала со старшей медсестрой, а потом ей пришлось уйти, и я осталась выполнять работу по палате с помощью стажерки, которая приходила на полтора часа каждое утро и которая сменяла меня, когда я уходила с дежурства через день; а в другие дни, когда старшая медсестра из противоположной палаты была свободна от дежурства, я должна была время от

времени патрулировать ее палату и оказывать стажерке любую помощь, в которой она нуждалась.

Сначала я был потрясен малочисленностью сестринского персонала на такое количество коек, но вскоре обнаружил, что все делается способом, сильно отличающимся от наших больничных методов, и что если мы будем усердно и быстро работать, то сможем делать все, что действительно необходимо пациентам, но совершенно невозможно делать маленькие причудливые вещи, которые так сильно влияют на их комфорт.

Во-первых, ожидалось, что выздоравливающие пациенты будут выполнять большую часть рутинной работы в палате, и, как правило, выздоравливающие оставались там гораздо дольше, чем в больнице, поэтому они были более пригодны для оказания помощи, но это вряд ли относилось к моему короткому пребыванию в лазарете из—за большой нагрузки на койки; кроме того, я обнаружил, что из тридцати шести пациентов только шесть или восемь были действительно тяжело больны, поэтому я смог уделить им большую часть своего внимания - трое из них были абсолютно беспомощны и нуждались в большом уходе .

Остальные из них были в основном пожилыми леди, которые просто не были достаточно сильны для жизни в работном доме, и поэтому были призваны в лазарет; большинство из них смогли встать с постели и слоняться по палате. Они любили делать это в очень скудной одежде — к моему ужасу, — и я обнаружила, что, когда на пути в палату появляется врач, лучше всего энергично хлопать в ладоши, когда все старушки разбегаются по кроватям, как кролики по своим норам.

Бедные старушки, некоторые из них явно знавали лучшие дни, и им предстояло выслушать много печальных историй, и они так ценили то небольшое, что я мог сделать для их утешения.

Это была очень тяжелая работа, поскольку, казалось, всегда работаешь вопреки времени, но я вполне наслаждался тремя неделями в Лазарете. Надзирательница не сказала нам, что нам должны были заплатить за эту работу, поэтому, когда каждый из нас получил по 6,6 фунтов стерлингов за три недели, мы почувствовали себя очень богатыми!

Мы были очень рады вернуться в нашу старую добрую больницу, и с тех пор я выполняю сестринскую работу на каникулах, а теперь меня только что назначили сестрой во фронтальной хирургии (куда поступают все новые случаи и несчастные случаи); это совершенно отличается от работы в палатах, но я думаю, что мне будет интересно — по крайней мере, на какое-то время. Я подожду с рассказом вам об этом, пока не пробуду здесь немного дольше и не сориентируюсь более правильно.

XVI

Больница общего профиля, Лондон,
январь 1896 г..

Я думаю, что буду скорее рад, когда получу собственную палату и остепенюсь; но все, кажется, думают, что мне повезло получить такой разнообразный опыт, так что, полагаю, я должен быть благодарен, а ведь еще не прошло и двух лет с тех пор, как я впервые поступил сюда.

Я провела шесть месяцев в качестве сестры во фронтальной хирургии, и это было очень интересно.

Раньше там никогда не было дежурной сестры, а только одна старая штатная медсестра, которая позволяла санитарам делать все, что им заблагорассудится, и было много отходов и беспорядка.

Надзирательница дала мне очень хорошего стажера, и она была так же заинтересована в том, чтобы сделать заведение красивым и опрятным, как и я. Нам потребовалась неделя или две, чтобы вычистить и привести в порядок все ящики и прочее, и еще много недель, прежде чем мы рассортировали все шины и проложили их.

Медицинский суперинтендант был доволен, потому что мне удалось снизить стоимость перевязочных материалов каждую неделю с 10 до 7 фунтов стерлингов еще до того, как я пробыл там месяц, и еще через несколько недель она была снижена еще больше.

Конечно, молодым мастерам по выделке одежды (которые приходят всего на три месяца за раз) трудно понять, насколько большое значение небольшая экстравагантность в каждой выделке вносит в еженедельные счета; и нельзя ожидать, что они будут знать относительную стоимость различных видов шерсти и т. Д., Если им на это не укажут. Но, как правило, когда они понимают, они вполне готовы использовать более дешевые выделки (для случаев, когда они справляются не хуже) при условии, что у нас всегда под рукой их запас.

Я часто задаюсь вопросом, неужели, когда люди ходят по больнице и видят ряды белых кроватей и чистых пациентов, и все такое аккуратное, они думают, что пациенты прибывают сюда в таком виде? Очень часто в палатах, когда носильщики выносят пострадавшего от несчастного случая на носилках, я с трудом представляю, как снять с него грязную одежду, и требуется время, прежде чем вы сможете привести ее в порядок; но в палатах вы всегда получаете записку от носильщика или сообщение от домашнего врача с приблизительным диагнозом данного случая, чтобы вы знали, с какой конечностью двигаться особенно осторожно. Но совсем другое дело, когда вы принимаете пациента в приемном покое; входят полицейские и ставят носилки на пол, и приходится долго вытирать им лбы, прежде чем они в общих чертах расскажут вам, что им известно о происшествии, а затем вам приходится самим выяснять степень травмы, и часто пациент совершенно без сознания, так что он вообще не может вам помочь.

Думаю, сначала у меня было смутное представление о том, что каждый пациент, которого вносили на носилках, обязательно попадал в палаты, но вскоре понимаешь, что многие из этих пациентов скорее напуганы, чем ранены, и после небольшого отдыха и тщательного осмотра хирургом они могут снова отправиться домой; с другой стороны, время от времени человеку, с которым произошел очень серьезный несчастный случай, удастся дойти до больницы пешком, и он может даже сесть среди других ожидающих своей очереди пациентов и спокойно ждать, когда его осмотрят, если только вы случайно не окажетесь на месте. осмотрите его и обратите внимание, что он выглядит больным, и уложите на кушетку для немедленной помощи.

В приемном покое обычно полно работы, и всякий раз, когда кому-нибудь из мужчин больше нечем заняться, они заходят посмотреть, что происходит, так что можно услышать все местные сплетни; очень причудливы также истории, которые пациенты рассказывают о своих симптомах. Я плохо помню такие вещи, но была одна пожилая леди, которая сказала, что врач сказал ей, что у нее "браункит, и что все ее ванночки (трубки) были полны".

Иногда у нас бывали захватывающие моменты. Я помню, как однажды утром, когда я заступил на дежурство, ночная медсестра доложила, что поступил тяжелый случай со сложным переломом челюсти и другими травмами, и его отвезли прямо в операционную, и что в это время им занимались домашний хирург и все доступные перевязочные. Не успела она уйти, как вошли четверо здоровенных полицейских с носилками, которые они опустили на пол; открыв пациента, я обнаружил беднягу, на голову которого упало несколько тяжелых досок. Часть волосистой части головы была разорвана, и из нее обильно текла кровь. Я отправил своего стажера лететь в театр просить кого-нибудь прийти на помощь, а затем заставил одного полицейского надавить пальцем на артерию с одной стороны головы, а другого полицейского - с другой, пока я собирал перевязочные материалы, щипцы и т.д. К моему большому удивлению, сначала один полицейский потерял сознание и осел на пол, а затем другой сделал то же самое (двое других вышли на улицу); затем стажер вернулся и сказал, что человеку в театре плохо, и они никого не могут пощадить, но кто-нибудь придет в качестве помощи. как только возможно. Как раз в этот момент вошел полицейский инспектор, и его изумленный взгляд при виде двух своих распростертых мужчин был очень хорош, но он позвал двух других мужчин, чтобы они перенесли их, а затем оказал мне необходимую помощь, в то время как мы с стажером делали все, что могли, чтобы остановить кровотечение; к тому времени, как спустился домашний врач, оно было довольно умеренным, но он сразу понял, что случай тяжелый, и отвез мужчину прямо в театр. Как только он ушел, мы накачали обоих полицейских Туманом. Нашатырный спирт, но прошло некоторое время, прежде чем они были в состоянии вернуться к своим обязанностям, и тогда мы как раз подумывали, что можем приступить к нашей сильно отложенной утренней работе, когда, как ни странно, внесли двух мертвецов, двое носилок прибыли с интервалом в несколько минут друг за другом; один был самоубийцей, выброшенным из Темзы, и санитары некоторое время пытались делать искусственное дыхание, но бедняга был совершенно мертв; другим был бедный пожилой джентльмен, который, очевидно, умер от сердечной недостаточности, когда спешил на поезд.

Мы наблюдали очень много инфекционных заболеваний в приемном покое, и нам приходилось держать их в изолированной палате, пока за ними не приедет "скорая помощь". Я помню один день, когда нам нужно было отправить образцы почти всех инфекционных лихорадок — сначала был случай натуральной оспы, затем один случай скарлатины, затем один случай дифтерии, а также были случаи кори и ветряной оспы, но их пришлось отправить обратно по домам. Как раз в это время произошла настоящая вспышка оспы (я думаю, у нас было двадцать случаев во фронтальной хирургии за одну неделю), так что всем в больнице, кто недавно не был вакцинирован, пришлось делать прививки, и какое-то время мы все очень жалели себя.

Еще один небольшой эпизод в фронтальной хирургии произошел, когда ребенок застал нас всех врасплох, родившись там! Мы должны были отправить его в лазарет, но матери было совсем плохо, так что нам пришлось забрать их.

Однажды воскресным вечером я был в часовне, когда услышал, как кто-то подошел к двери, а затем за мной пришел привратник, и у двери я встретил одного из санитаров, который сказал мне, что в операционной был сложный перелом, и домашний хирург был бы рад, если бы я пришел, так как он хотел сделать анестезию. Когда я добрался туда, то обнаружил толпу мужчин, стоявших вокруг бедной маленькой собачки с сильно раздробленной лапой! Итак, мы раздобыли подходящие шины, и они сделали обезболивание и вправили перелом; затем они послали сообщение в мужское отделение неотложной помощи, чтобы подготовить для пациента кровать для переломов, и были наняты носильщики, чтобы нести его на больших носилках. Он пробыл в больнице несколько недель и снова совсем поправился.

Как раз перед Рождеством Старшей сестре пришлось на время уехать домой, поэтому меня снова попросили заступить на дежурство в качестве помощницы старшей сестры. Рождество - это всегда напряженное время во всей больнице, и в офисе (когда медсестры не было дома) у нас было более чем достаточно дел — так много подарков, которые нужно было получить, отметить и раздать, а также показать многим посетителям и так далее. Затем, после Рождества, многие медсестры заболели (некоторые гриппом), и всем, казалось, одновременно требовались специальные медсестры, и все были очень обижены тем, что я не мог изготовить новых медсестер на заказ.

Поэтому я не пожалела, когда сестра из самой хорошей палаты в больнице сказала мне, что ее назначили старшей сестрой в другой больнице (она проработала здесь много лет), и поскольку она ничего не знала об офисной работе, она хотела спросить старшую сестру, не возьмет ли она ее в офис на несколько недель для опыта. Я подумала, что это будет означать, что мне следует вернуться в приемную, и я была очень довольна, но вместо этого старшая сестра написала мне письмо с просьбой взять на себя управление палатой этой сестры на пару месяцев, поскольку у нее не было подходящей сестры, готовой взять ее на постоянное место жительства (ее всегда отдают одной из здешних пожилых пациенток); так что я обрадовалась еще больше, особенно когда обнаружила, что зарплата была на 10 фунтов в год больше, чем в других палатах.

Это ужасно милая палата на тридцать две койки, разделенная на два отделения — одно для мужчин, другое для женщин и детей. Это отделение предназначено в основном для медицинских случаев, но при нем есть небольшой зал, где проводится множество абдоминальных операций; есть также отдельная палата, куда хирурги могут направить любых пациентов, нуждающихся в особом внимании; и у них есть специальные медсестры.

В палатах у меня хороший персонал, так как это отделение всегда считается самым неотложным в больнице, и я обычно могу нанять дополнительную медсестру, если захочу, так что сама я не часто занимаюсь уходом за больными, но, кажется, постоянно ходят врачи, которых я должна посещать, и почему-то я всегда кажусь занятой.

Чем дольше я нахожусь в больнице, тем больше я вижу, насколько труднее нести ответственность за работу других людей, чем только за свою собственную, и я вполне могу понять, почему многие штатные медсестры предпочитают выполнять всю лучшую часть ухода самостоятельно, чем учить стажеров и позволять им это делать; но это неправильный принцип, поскольку стажеров нужно учить, и мы должны научиться доверять другим (даже когда мы знаем, что сами могли бы делать все быстрее и лучше), и увеличивать доверие пропорционально тому, насколько мы находим их достойными этого; вот где искусство входит учительница!

XVII

Больница общего профиля, Лондон,
декабрь 1896 г..

Кажется, в последний раз я писал, когда только на два месяца взял на себя руководство С. Ward.

Я провел там очень интересное время, и мне было очень жаль отказываться от него, но это была тяжелая работа. В отличие от других отделений, которые "принимают" новых пациентов в течение недели, а затем отдыхают, С. всегда "принимает", поскольку ответственные лица видят каждого нового пациента, поступающего в больницу (за исключением несчастных случаев), и они могут принять их, если захотят, пока в отделении есть свободные койки; и если они не считают, что это особенно интересный случай, его передают хирургам отделения или домашним врачам других отделений; но, конечно, они делают все возможное, чтобы получить все наиболее интересные случаи для себя; следовательно, сестра никогда не бывает дома. свободен выходить на улицу с уверенностью, что никаких новых дел не будет, пока ее нет; и когда вы все-таки выходите, то по возвращении обычно обнаруживаете, что произошло что-то, что заставляет вас пожалеть, что вы вообще туда уехали!

Тем не менее, я многому научился за время пребывания в этом отделении, и мне это нравилось. Беседы врачей со студентами по этим "избранным случаям" были весьма поучительными.

Вскоре после того, как я заступил на дежурство, у нас была серия трахеотомий; первым был милый, толстенький малыш тринадцати месяцев, но у него была дифтерия в очень тяжелой форме, и с самого начала случай был без надежды; вскоре после операции поступил еще один — милый маленький мальчик трех лет по имени "Алекс". Операция принесла ему большое облегчение, и все шло так хорошо; но у бедного ребенка весь второй день была температура 106 °, и он умер поздно вечером того же дня с температурой 108 °, несмотря на все, что мы могли для этого сделать. Я думаю, что мы были гораздо больше огорчены потерей ребенка, чем мать; она, казалось, ничуть не возражала и, очевидно, заранее спланировала все свои похороны — и к тому же это был такой хорошенький ребенок!

Специальные медсестры, которых я нанял для этих трахеотомий, никогда раньше не ухаживали ни за одним из них, так что вы можете себе представить, что я не мог надолго оставлять их одних, и был благодарен, что мне приходилось ухаживать за многими, когда я был ученицей леди.

У нас был один очень любопытный случай. Молодого человека привезли в бессознательном состоянии однажды днем около 14:00; чуть позже пяти ему стало хуже, и его дыхание внезапно прекратилось, пульс стал ровным, поэтому они сделали искусственное дыхание; это продолжалось до 9:30 вечера, а затем они решили провести трепанацию, думая, что это, должно быть, опухоль головного мозга, давящая на мозг; конечно, никакого обезболивания не потребовалось, так как бедняга не подавал признаков жизни, кроме того, что пульс бился; они не смогли обнаружить никакой опухоли, поэтому его снова уложили в постель, и мужчины

продолжали делать искусственное дыхание всю ночь по очереди, пока пульс внезапно не прекратился в 9.15 утра, через шестнадцать часов после прекращения дыхания — очень странный случай.

У нас часто бывали дни спешки, когда казалось невозможным выкроить время на еду и едва хватало времени на то, чтобы вздохнуть. Особенно мне запомнился один день, когда мы приняли семь новых пациентов, двое из них, что довольно любопытно, мужчины из совершенно разных округов, которые оба принимали щавелевую кислоту с целью самоубийства; один был стариком, которому было очень плохо день или два, а затем, казалось, стало лучше, но однажды ночью он внезапно умер от сердечной недостаточности; а другой был бедным молодым человеком тридцати лет, который восемь лет проработал официантом в одном магазине, а затем был уволен новым менеджером и заменен немецким парнем. У него была несчастная жена, которая пила, и она забрала его одежду, а затем исчезла; так что нам пришлось переодеть его в костюм, когда он уходил; один из других пациентов дал мне за него пять шиллингов и попросил меня сохранить их до тех пор, пока он не предстанет перед магистратами, так как он думал, что его отправят в тюрьму, но он вернулся после своей явки в полицейский суд и сказал мне, что его отпустили с предупреждением, и он думал, что его старый хозяин примет его обратно; такой милый, спокойный человек и очень хочет сделать что-нибудь для него. помогал медсестрам в их работе или прислуживал другим пациентам, и всем он нравился.

В тот же день один из домашних хирургов был госпитализирован с сильно отравленной рукой, а друг одного из студентов - с брюшным тифом; ему было очень тяжело, и он причинил нам много беспокойства, но в конце концов все обошлось.

После этого периода в отделении С. Я ожидала вернуться к своей фронтальной хирургии, но вместо этого в марте мне предложили (и я с радостью согласилась) должность ночной сестры, и с тех пор я этим и занимаюсь, за исключением перерыва в моих летних каникулах, а также нескольких недель, когда я возглавляла большое мужское медицинское отделение, пока сестра была в отпуске.

Быть Ночной сестрой здесь означает много беготни и большую ответственность, но это также означает более высокую оплату, чем у Приходской сестры, так что это меня вполне устраивало.

Они говорят о скором появлении двух ночных сестер — одной медицинской и одной хирургической — и работы хватило бы на двоих, так как у нас в театре много работы по ночам, и иногда я не могу не волноваться, когда меня долго задерживают в театре из-за неотложных случаев, и я знаю, что в медицинских корпусах есть тяжелые случаи (иногда за них отвечают только младшие медсестры), и я не могу выкроить время, чтобы навестить их.

На моем попечении около шестисот коек, и они разделены на двадцать одну палату (конечно, медсестры в каждой палате и по две медсестры в больших палатах); мне приходится обходить все три раза каждую ночь, и гораздо чаще я забегаю проведать тяжелых пациентов, и медсестры посылают за мной в трудную минуту; в моем кабинете есть планшет для сообщений, и когда я возвращаюсь после обхода, я часто нахожу два или три сообщения: "Пожалуйста, немедленно приезжайте в П."; "Пожалуйста, приезжайте в N. - срочно" и так далее, и мне приходится лететь в любое удобное для меня время. Я думаю, что это, скорее всего, будет самым срочным.

Утренний обход всегда занимает больше всего времени, поскольку все пациенты в это время просыпаются, и я должен пожелать им всем доброго утра и не забыть спросить об их особых болях, и не очень легко вспомнить, что с ними со всеми, хотя я очень хорошо знаю все подробности о тех, кто тяжело болен, и многое сделал для них ночью.

Есть одно место, которое мне не нравится посещать, и это приемный покой на верхнем этаже хирургического корпуса. В последнее время у нас, кажется, было так много мужчин, которые сходили с ума (в основном от выпивки), и если их оставлять в палатах, они так беспокоят других пациентов, что их лучше переместить, и тогда у них там есть санитары-мужчины; но эти санитары-мужчины не являются членами нашего постоянного персонала (я бы хотел, чтобы они были), и я никогда не чувствовал, что полностью знаю их возможности или насколько я могу им доверять, и не раз я заставлял их спать; поэтому мне приходится очень часто подниматься наверх, когда какому-либо пациенту там плохо.

Я помню, как однажды вечером мы очень оживленно носились по городу. Мы начали с мужчины, который перерезал себе горло — не очень серьезно, но ему пришлось подняться в больницу; затем с леди, которая приняла три унции настойки опия, и врачам пришлось заставлять ее ходить взад и вперед по коридору в сопровождении усталого носильщика по обе стороны от нее в течение шести часов, прежде чем они сочли безопасным уложить ее в постель; затем меня вызвали к бедняге в палате П., которому стало хуже, и он довольно внезапно умер — у него был чахотка; затем поступила трахеотомия, которую пришлось делать немедленно. , и пока мы все были заняты этим, в палате D. родился ребенок; но дневную сестру пришлось вызвать, чтобы она позаботилась об этом, так как я была замешана в случае дифтерии и не могла приблизиться к родам; затем поступил перелом бедренной кости, а затем острая пневмония — довольно бредовая. В промежутках между приемом этих новых пациентов и распределением их по разным отделениям мы должны были сварить крепкий кофе и дать его даме, принявшей яд, а также обеспечить прохладительными напитками носильщиков, которые присматривали за ней. Рано утром ей разрешили лечь в постель и уснуть; она очень скоро поправилась, и я не думаю, что она сделает это снова!

Несколько месяцев назад я присоединилась к Королевскому национальному пенсионному фонду для медсестер; кажется, это хорошо, и если я только смогу продолжать выплачивать страховые взносы, то к пятидесяти годам у меня будет достойная пенсия в размере около 20 фунтов стерлингов или около того; это позволит мне получать дополнительные выплаты, когда я уйду на пенсию в рабочий дом, поскольку я уверена, что никто не сможет продолжать работать медсестрой в течение многих лет с такой скоростью, с какой мы работаем в больнице.

Сейчас я отдыхаю (а другая сестра спешит на ночное дежурство), так как последние две недели я была под стражей, и через несколько дней я надеюсь вернуться домой для разнообразия.

У меня была простуда в течение многих недель, и я не обращал на нее особого внимания, так как думал, что это только потому, что я был на ногах всю ночь и не получал достаточно солнечного света, чтобы избавиться от нее; но потом у меня начались очень сильные головные боли, так что мне пришлось обратиться к врачу, и он передал меня нашему специалисту по насморку, который был ужасно добр и приходил ко мне каждый день, а иногда и дважды в день. На самом деле это была не простуда, а какая-то болезнь в антральном отделе, и он сделал мне две небольшие операции, и это было ужасно больно, но сейчас все быстро поправляется, и все

были ужасно добры ко мне, и я начинаю чувствовать себя не такой безвольной тряпкой, как в последнее время.

Было забавно проводить Рождество в качестве пациента вместо того, чтобы бегать по дому и ухаживать за пациентами; но это был почти мой первый рабочий день, так что я был рад полениться, и у меня было много посетителей, так что скучно совсем не было.

XVIII

Больница общего профиля, Лондон,
сентябрь 1897 г..

Прямо сейчас я чувствую себя настолько опечаленной перспективой покинуть эту больницу (мой дом на протяжении последних трех с половиной лет), что едва ли знаю, как уделить внимание рассказу вам о том, как прошли последние несколько месяцев.

Нет, меня не выгнали, и они выдали мне сертификат первого класса, и были достаточно добры, чтобы сказать, что им очень жаль, что я уезжаю, и, возможно, когда-нибудь они примут меня обратно!

Я думаю, что меня защитили, когда я писала тебе в последний раз, и после этого они отправили меня домой немного отдохнуть. Всякий раз, когда я прихожу домой, кто-нибудь в деревне заболевает, или какой-нибудь ребенок ошпаривается, или случается какой-нибудь несчастный случай; кажется, они считают необходимым держать меня за руку; но во время того визита домой моей единственной пациенткой была бедняжка Джесси, домашняя кошка! Был воскресный вечер, и мы все сидели в столовой сразу после молитвы, когда в комнату, прихрамывая, вошла бедняжка Джесси, по-настоящему крича от боли. Одна нога, очевидно, попала в капкан, и у нее был серьезный сложный перелом, которым она не могла заставить меня заниматься, поэтому я сказал, что нам нужно либо немного хлороформа, либо бедняжку пристрелят. Ближайший врач (и хлороформ) находился в трех милях отсюда, но К. вызвался принести немного и уехал на велосипеде, пока я готовил шины, перевязочный материал и т. Д., А бедняжка Джесси сквернословила под столом.

Мне иногда приходилось держать на руках буйствующего ребенка, пока ему давали хлороформ, но это ничто по сравнению с тем, чтобы держать кошку! Однако, в конце концов, мы уложили ее, а затем вправили перелом в правильное положение и зашили рану, очень прочно закрепив лапу шинами; за этой операцией с большим интересом наблюдала вся семья и большинство слуг; сначала кошка не приходила в себя, но мы положили ее в корзину с большим количеством свежего воздуха, и когда она все же пришла в себя, она использовала выражение "что-то ужасное", но вскоре она успокоилась и хорошо поправилась. Мои сотрудники очень хотели, чтобы я сказал, что не смогу вернуться в больницу по истечении двухнедельного отпуска по болезни, поскольку кошка все еще была в шинах, но мне пришлось оставить ее своему ассистенту.

Затем я снова вернулась к дежурству Ночной сестры, и все шло своим чередом — обычно работы было гораздо больше, чем я могла сделать хорошо, а иногда и стремительные ночи из-за несчастных случаев и чрезвычайных ситуаций, когда казалось почти невозможным уложиться во все, что нужно было сделать.

Кажется, что с каждым годом проводится все больше операций; пациентов отправляют быстрее, и поэтому освобождается место для более острых случаев, и поэтому работа растет, но количество медсестер не растет в прежней пропорции.

В феврале был срочный вызов медсестер-добровольцев для работы во время эпидемии чумы в Индии, поэтому я отправила письмо от своего имени — подумала, что это будет полезный опыт — и потратила много времени, болтаясь по Индийскому офису на собеседования и т. Д., Но в конце концов они были достаточно недобры, сказали, что я недостаточно сильна, и отказались отправить меня. *Кто мог бы выглядеть очень сильным после того, как в течение года работал в одиночку Ночной сестрой в больнице на шестьсот коек?*

Затем власти внесли изменения и решили увеличить ночной персонал, добавив еще восемь медсестер и еще одну сестру. Я пробыла там совсем недолго после того, как это вступило в силу, просто для того, чтобы наладить работу, а затем меня назначили дневной сестрой в М. Ward, женском хирургическом отделении, где я работала ученицей, и очень хорошо знала хирургов.

С тех пор как я была там ученицей, и до того, как меня назначили сестрой отделения, у них несколько раз менялись сестры, и ни одна из них не пробыла там достаточно долго, чтобы проявить к этому большой интерес; так что было куда расти, и хирурги были так ужасно добры ко мне, что я очень приятно провела время.

В этом отделении моя спальня выходила из моей гостиной (примыкающей к моему отделению), и мы провели там одну очень волнующую ночь.

С тех пор, как ночной персонал был увеличен, медсестры ели один раз в течение ночи внизу, в столовой, и есть несколько стажеров, которые заменяют наших штатных медсестер, пока те спускаются к этому столу. Однажды ночью я крепко спала, когда в мою комнату ворвалась стажерка: "О, сестра, иди скорее, там все пылает!" Я схватила свой халат и через несколько секунд была в палате, думая, что она подожгла помещение с помощью проветриваемых простыней (конечно, моя настоящая медсестра была внизу за едой); но это был дом через узкую дорогу, который действительно был весь охвачен пламенем, и моя палата была ярко освещена пламенем, и все бедные пациенты проснулись, и некоторые из них были совершенно напуганы.

Я включил весь свет, чтобы они не видели яркого света, а затем мы сделали все возможное, чтобы заверить их, что никакой опасности нет. Две бедные женщины с переломанными бедрами и ногами, подвешенными к шинам Ходжина, уже вскочили со своих кроватей, и их буквально привязали за ноги, и все они просили дать им одежду; поэтому я позволил двум выздоравливающим подойти к шкафу для одежды и разложить одежду на каждой кровати или халаты для беспомощных, пока мы доставали пожарный шланг на случай необходимости; но пожарные очень скоро справились с огнем.

Двум нашим студентам, жившим в загоревшемся доме, пришлось прыгать, спасая свою жизнь, и они потеряли все свои вещи, а один из них сломал ногу.

Это было действительно немного тревожно, так как в палате стало очень жарко и задымленно, но вскоре пациенты снова успокоились, и после того, как мы наложили шины и т.д., никому не стало хуже.

В этом году мне пришлось взять месячный отпуск в июне, несколько раньше, чем мне хотелось бы (поскольку всегда кажется, что работать сложнее, когда возвращаешься в жаркую погоду), но не всем удастся отдыхать в лучшие месяцы.

Мы с маленькими братом и сестрой договорились провести две недели по нашим старым местам в Швейцарии, и нам было так весело вместе.

Конечно, сначала мы поехали в Париж и были очарованы магазинами, но оторвались от них, чтобы посетить достопримечательный Собор Парижской Богоматери, а затем провести немного времени в Лувре, но этого времени хватило только для того, чтобы укрепить нашу решимость задержаться в Париже подольше на обратном пути. Днем мы прокатились на одной из лодок вверх по Сене, а потом отправились на прогулку в Булонский лес — восхитительное место, где дышат парижанки, — хорошие дороги, прекрасные деревья и зелень, и в то же время совсем рядом со всей городской суетой.

На следующий день нам предстояло жаркое и пыльное путешествие в Женеву, изрядно потревоженное присутствием каких-то старушек, пожелавших держать все окна закрытыми — странно, как эти мелкие неудобства запечатлеваются в памяти!

В Женеве у нас были просторные номера с видом на озеро в отеле des Bergues, и мы провели там субботний день, посетив хорошую службу в английской церкви, а остаток дня бродили по берегу озера и вверх по реке.

На следующий день мы почувствовали себя бодрее, и Б. отправился на прогулку вокруг озера на пароход, а мы поехали в Салев на паровом и электрическом трамвае — ленивый способ передвижения, но это было довольно захватывающее путешествие, карабкаться вверх по склону горы, а потом такой вид с вершины; горы, повсюду горы, и величественный старый Монблан высовывает голову из-за вершины, а внизу озеро такое тихое и синее, с зелеными деревьями по краю, а потом деревья становятся темнее по мере того, как они поднимаются выше, пока не заканчиваются и не начинается линия снега.

На следующий день мы отправились в Шамони; поезд доходил только до Клуза, а оттуда нам предстояло проехать двадцать пять миль на дилижансе.

Это была восхитительная поездка в яркий солнечный день; на каждом повороте перед нами, казалось, открывался новый вид на Монблан, и каждый вид казался прекраснее предыдущего.

Мы прошли пешком добрую часть пути, пока лошади взбирались на холмы, и нашли множество разновидностей полевых цветов и много лесной земляники.

Шамони - очаровательное место, но хотелось больше времени просто побродить по городу и насладиться видами. Мер-де-Глас, пожалуй, самый известный ледник в Швейцарии; он находится недалеко от Шамони (примерно в двух часах ходьбы), и это замечательное зрелище, но почему-то я не могу его описать, все это слишком торжественно и величественно. Я всегда чувствую истинность того, что говорит Псалмопевец о людях, которые спускаются к морю на кораблях: "Эти люди видят дела Господа и Его чудеса в глубине", и я думаю, что то же самое относится и к тем, кто поднимается на вершины гор, но я полагаю, что у него не было такой возможности!

Мы с сожалением покинули Шамони и оттуда пошли пешком через Коль де Балъм в Мартиньи; я думаю, это было около двадцати миль, но в Швейцарии можно пройти пешком вдвое больше, чем в Англии, не чувствуя усталости, такой чистый и бодрящий воздух. Это была приятная прогулка, красивые цветы и папоротники, стремительные ручьи и водопады; последняя часть пути была трудной, так как спуск в Мартиньи был очень крутым, а тропинка была вымощена мелким булыжником, так что мы добрались до места, изрядно натерев ноги.

Оттуда мы отправились в Глион, наше самое любимое место, расположенное прямо над Шильоном, откуда открывается прекрасный вид на озеро Леман, Шильонский замок и прекрасный старый Дент-де-Миди в конце озера, и это в нескольких минутах ходьбы от Монтре. В Глионе много приятных прогулок и восхождений, а цветы — горечавки, нарциссы и другие — были просто прекрасны.

Затем нам пришлось повернуть домой, и мы обнаружили, что можем провести в Париже еще только одну ночь (мы собирались задержаться подольше): все же это дало нам немного больше времени для осмотра сокровищ Лувра.

Днем у нас было небольшое волнение. Мы прогуливались по цветочному рынку, когда начался сильный дождь. Мы укрылись под одним из киосков и, находясь там, услышали то, что мы приняли за резкий раскат грома, но оказалось, что это взорвалась бомба на площади Согласия, но никто серьезно не пострадал.

Когда мы вернулись в Лондон, он был очень занят подготовкой к Бриллиантовому юбилею королевы, который должным образом и с большим ликованием отметили по всей стране, прежде чем я вернулась к работе в городе.

А теперь мне лучше объяснить, почему я ухожу отсюда. Я пообещала пойти медсестрой в один из отелей выше по Нилу (либо в Луксор, либо в Ассуан, где в зимний сезон всегда есть врач и одна медсестра) с пациентом, который провел последние восемь зим в Египте. Сейчас он очень болен, но все равно хочет уехать, поскольку в таком климате ему будет жить гораздо комфортнее. Его мать сейчас не может поехать с ним, и они не могут отпустить его одного, поэтому я пообещал сопровождать его во время путешествия (мы плывем долгим морем) и быть под рукой на случай, если ему станет хуже до того, как его мать сможет присоединиться к нему.

Вы знаете, я люблю путешествовать, так что в каком-то смысле я рада, но я не думаю, что подхожу для частной медицинской помощи, и я немного нервничаю, а также мне будет нелегко работать, если моему пациенту там станет хуже, но почему-то я не могла отказаться. Это просто ужасно - прощаться со всеми и вся здесь.

Скоро я напишу снова с солнечного юга.

XIX

Хелуан, Египет,
ноябрь 1897 г..

Вот мы и на прекрасном солнце (столбик термометра показывает 80 ° в тени), прямо на краю пустыни, и вполне довольны тем, что немного отдохнули (после очень тревожного путешествия), прежде чем двинуться дальше вверх по Нилу.

Мы отплыли из Лондона 1 октября, и путешествие по Ла-Маншу прошло гладко, но вскоре я обнаружил, что мой пациент был гораздо более инвалидом, чем я ожидал, и боялся, что он простудится до того, как мы попадем в более теплый климат.

В первое воскресенье плавания мы попали в густой туман у мыса Финистерре, и наша утренняя служба была несколько нарушена постоянным воем сирены; некоторые пассажиры вскакивали с колен при каждой гудке, а капитан довольно быстро прервал службу и поднялся на мостик. Через пару часов мы вышли на прекрасное солнце, которое вскоре высушило мокрые палубы и тенты, но на следующий день, когда мы шли на всех парах, чтобы войти в Гибралтар до захода солнца, мы снова попали в густой туман, и в конце концов нам пришлось изменить курс и выйти в море до утра, поскольку после захода солнца им не разрешается проходить через проливы.

На следующее утро я поднялся на палубу еще до пяти, как раз когда мы входили в Гибралтар, и наблюдать за восходом солнца из-за огромной скалы было весьма впечатляющим зрелищем.

У нас было приятное путешествие по Средиземному морю, пока мы не вошли в Лионский залив, а потом поднялся ветер, и на море был неприятный шторм, который заставил большинство из нас почувствовать брезгливость, а не сожаление, когда мы рано утром бросили якорь в Марселе; но там нам пришлось пересест на пароход поменьше, шел дождь и было холодно, и когда мы поднялись на борт *Клайда*, мы обнаружили, что они все еще топят углем, и что лихтер со всем нашим багажом на борту вряд ли придет еще какое-то время, поэтому мы не могли разместиться в наших каютах. . Поскольку на яхте, казалось, не было удобного места, мы пришли к выводу, что лучше всего взять такси и поехать в отель, чтобы согреться. Затем я вышел, чтобы купить свежих сливок и винограда и точно узнать, в какое время необходимо быть на борту.

Я никогда не забуду бурю той ночи, когда мы покинули Марсель. Я попробовал приготовить немного горячего марантового корня; проявив большое терпение, я справился со спиртовкой, которую втиснул в умывальный таз с подставками; конечно, банку молока нельзя было поставить на верхушку лампы, поэтому мне приходилось держать ее там, и это было нелегко, поскольку меня швыряло из стороны в сторону в моей каюте; потом я обнаружил, что там прописана льняная припарка, поэтому я снова удалился в свою каюту и поборолся со спиртовкой, думая о том, как мало человек ценит удобства современной больницы, пока не вынужден обходиться без них .

После этого стоны и жуткие звуки из других кают вокруг нас были очень сильными, и я, который всегда гордился тем, что я хороший моряк, действительно провалялся в отключке час или два; но рано утром я снова поднялся, чтобы сделать еще одну припарку, и ко времени завтрака море начало спадать, и выглянуло солнце, но прошло несколько дней, прежде чем некоторые пассажиры выползли на палубу, выглядя как безвольные тряпки, а столики в салоне были очень пусты до самого прибытия в Александрию.

Мы пробыли несколько часов на Мальте, и у меня была интересная поездка по окрестностям.

Из Александрии мы собирались ехать прямо в Каир, но в конце концов решили, что лучше остановиться на ночь в отеле в Александрии, чтобы отдохнуть перед пыльным путешествием на поезде.

У нас была ужасная ночь, и, не зная, как найти хорошего врача, если он мне понадобится, я чувствовала себя очень одинокой в огромном отеле, где, казалось, никто не говорил по-английски.

На следующий день утром нам удалось добраться до Каира, и мы отдыхали в отеле Shepherd's Hotel до вечера, а затем двинулись дальше — примерно в полчасе езды по железной дороге от Каира, фактически на границе пустыни.

У нас много друзей в Каире, и есть хорошее железнодорожное сообщение, поэтому они часто приезжают, чтобы провести с нами день или вторую половину дня, а потом иногда я езжу в Каир, чтобы сделать необходимые покупки или нанести несколько визитов. Каир - очень веселое место, а люди здесь очень приятные и дружелюбные.

Однажды я пошел на ланч с друзьями, и они отвезли меня посмотреть Цитадель (проезжая через туземный квартал города), а потом мы пили чай с сестрами в Военном госпитале — большом беспорядочном здании, спроектированном под дворец, а не под больницу, — и они казались очень переполненными кишечными пациентами.

Затем мы пошли посмотреть мечеть, и несколько арабов схватили нас за ноги, которые завязали для нас сандалии, прежде чем мы вошли внутрь, и в них нам разрешили пошлепать повсюду. Мечеть представляет собой огромный купол, почти полностью из мрамора и алебаstra, с прекрасным алебастровым фонтаном, где люди омывают ноги перед тем, как отправиться на молитву.

Мы обошли все укрепления и насладились великолепным видом на Каир, а затем поехали обратно в город как раз вовремя, чтобы увидеть прибытие хедива из Александрии; полный, печального вида молодой человек, его очень нарядный эскорт-туземец, и верхом на таких красивых маленьких лошадках.

В другой раз меня пригласили прокатиться на велосипеде из Каира в Мена Хаус; поэтому я поехал в Каир ранним утренним поездом и сел на взятый напрокат велосипед, чтобы проехать девять миль до отеля "Мена Хаус". Первые две мили казались очень опасными, так как наш маршрут пролегал через весь город, и множество повозок с водой делали дороги очень скользкими, и электрические трамваи и паровые трамваи носились самым запутанным образом, и туземцам (многие из них слепые), казалось, доставляло удовольствие прогуливаться у нас на пути, а глупые ослы и верблюды с печальными глазами с громоздкими поклажами то и

дело оборачивались в неожиданных направлениях и смотрели на нас с упреком, как бы говоря, что, по их мнению, велосипеды совершенно неуместны в их стране.

Узкие мосты через Нил были забиты машинами, и я был очень рад, когда мы выбрались на открытую местность и выехали на хорошую дорогу, сплошь обсаженную деревьями.

Мы оставили велосипеды в отеле и отправились пешком к великим пирамидам Гизе, поистине удивительному зрелищу.

Большая пирамида занимает такую же площадь, как поля Линкольнс-Инн-Филдс; огромные каменные блоки, по-видимому, просто наваленные один на другой, и все же целому придана такая совершенная форма. Мысль о том, как они могли привезти эти огромные каменные блоки из Верхнего Египта без механической помощи (поскольку поблизости там такого камня не было найдено), поистине удивительна.

Храм также заслуживает восхищения: огромные блоки гранита и алебаstra так идеально обтесаны и подогнаны друг к другу, дверной проем настолько прямой, насколько это возможно, и подумать только, что вся эта работа была проделана 3000-5000 лет назад и до сих пор остается такой же прочной, как и прежде.

У нас не было времени подняться на Пирамиду, но, конечно, мы отдали дань уважения Сфинксу и пожелали остаться, чтобы увидеть его при лунном свете, когда, как говорят, он еще более впечатляющ, чем при дневном.

Они накормили нас очень хорошим обедом на балконе отеля, который, как говорят, управляется лучше всего в Египте; и я думаю, что это было бы очень приятное место для проживания с хорошими просторными номерами и прекрасной мраморной ванной в задней части.

Когда мы ехали обратно, против нас дул сильный ветер, а я отвык от практики и довольно устал, поэтому многолюдные улицы Каира показались мне тревожными, и я с большим облегчением отказался от своего велосипеда, никого не задавив и не повредив механизм.

Я думаю, что толпы было больше, чем обычно, поскольку хедив поехал на вокзал встречать короля Сиам, и мы видели, как вся процессия проследовала обратно во дворец.

Король Сиам был великолепен в белой униформе с множеством золотых галуней, а двое его сыновей представляли собой несколько странный контраст с окружающими туземцами в своих итонских костюмах и цилиндрах; они плывут вверх по Нилу на частной лодке.

Хелуан начинает заполняться к сезону (мы были почти первыми прибывшими), и у нас много посетителей. Мы снимаем комфортабельное жилье на окраине деревни; слуга, который в основном прислуживает нам, - красивый араб с черными усами, который расхаживает в белой ночной рубашке до пят, подвязанной красным поясом; на ногах у него красная феска с синей кисточкой и красные сандалии; он выполняет большую часть домашней работы, для чего надевает поверх ночной рубашки фартук горничной с нагрудником! Его зовут "Абдул" ("раб Божий"); и есть маленький арабский мальчик по имени Измаил, который разносит сообщения и больше всего интересуется нашими делами.

По ночам здесь очень свирепствуют комары, и нам приходится спать в сетках. На прошлой неделе у нас два дня дул южный ветер, и тогда звери — ползающие, пресмыкающиеся и

летающие —*были* настоящим испытанием; на наш обеденный стол садились огромные осы (раза в три крупнее английских) и ужасные маленькие твари, похожие на жуков (только они летают и не кусаются); - Я уверен, что южный ветер, должно быть, дул во времена египетской язвы!

Я занят сбором вещей, которые мы хотим перевезти вверх по Нилу для нашего дома, так как тогда мы будем в 450 милях от ближайшего магазина, и это довольно сложно, так как я совсем не знаю, на что похож дом.

Есть так много вещей, которые я хотела бы сделать и увидеть в Каире, но у меня нет времени, так как мы уезжаем первым туристическим пароходом, который идет вверх по Нилу, а я не люблю надолго отлучаться, но мне удалось посетить замечательную местную больницу Каср-эль-Айни, где я знаю нескольких сестер.

Это очень красивое место с очень современным театром; все медсестры - местные (мужчины для пациентов мужского пола), но все они работают под началом английских сестер.

У сестер самый восхитительный дом, их столовая и гостиная - очень просторные апартаменты, и у каждой из них есть очень большая комната, которую большинство из них отгородило ширмами от спален и гостиных.

Существует специальный фонд, который предоставляет им коляску и пару, а в их саду есть очень хороший теннисный корт, на котором они чувствуют себя "как дома" один день в неделю, и жители Каира ходят к ним пить чай и играть в теннис.

Я не сказал вам ни слова о местных базарах и всех причудливых достопримечательностях каирских улиц, но о них пишут все, и я нахожу их слишком ослепительными, чтобы описывать. Я мог часами сидеть на балконе отеля Shepherd's Hotel, просто ничего не делая, только наблюдая за людьми. Послушайтесь моего совета и когда-нибудь приезжайте посмотреть на Каир, потому что это самое очаровательное место, и мне очень не хочется его покидать.

XX

Луксор, Верхний Египет,
декабрь 1897 года.

Мы снова перенесли наш лагерь, и хотя мы справились с переездом без особых усилий для моего пациента и теперь поселились здесь в очень удобных помещениях, и он рад быть среди старых друзей и в своих старых пристанищах, и климат здесь совершенно прекрасный, все же грустно видеть, что он катится под откос; поэтому было решено, что его мать и младший брат присоединятся к нам здесь, и мы считаем дни до их прибытия.

Мы поднялись вверх по Нилу на *Ramses III.*, новейшем туристическом пароходе Кука, очень комфортабельном судне с приятными просторными каютами. Я взял весь наш багаж на борт в Каире, но мы сошлись на том, что лучше избегать шума и суеты при посадке в Каире, и что мы должны сесть на судно, когда оно бросит якорь в нескольких милях от Хелуана, в местечке под названием Бадрачин.

Двое наших друзей-врачей собирались приехать, чтобы убедиться, что мы благополучно поднялись на борт, но в последний момент им обоим помешали, поэтому мы отправились в путь на арабейе в сопровождении полицейского верхом на осле, которого прислали оказать нам любую возможную помощь.

К моему большому беспокойству, прежде чем мы отъехали далеко, солнце скрылось за горизонтом, поднялась песчаная буря, и к тому времени, когда мы достигли Нила, было довольно холодно, а вода была очень бурной, показались белые волны.

Рамзес III. мы встали на якорь в Саккаре на другом берегу реки, но наш полицейский проехал дальше и подал им знак, и как только они увидели нас, они послали лодку, чтобы переправить нас через реку; это было довольно опасное путешествие, так как лодка была легкой, и мы переправили много воды. Я был благодарен, когда мы благополучно поднялись на борт и нашли хорошего врача и других друзей, которые помогли нам.

Туристы, которых было немного, поскольку это была первая поездка в сезоне, все были в отъезде, осматривая пирамиды Саккара.

Прогулка вверх по реке на этих пароходах - очень приятный способ путешествия. Хотя берега Нила плоские и в них есть определенное сходство, освещение настолько чудесное, что оно никогда *невыглядит* одинаково. Раньше я думал, что единственное, ради чего действительно стоило рано вставать, - это дневная охота, но теперь я должен добавить зрелище восхода солнца над Нилом, а что касается закатов, то они просто великолепны: насыщенный красный, золотой и оранжевый, когда солнце опускается в нежную синеву над головой; а потом вы поворачиваетесь спиной к солнцу и встречаетесь с насыщенной синевой индиго послесвечения, а затем через несколько минут все темнеет (здесь нет сумерек), и над всем царит торжественная тишина.

Пароходы не ходят по ночам, они останавливаются в разных местах, где можно увидеть интересные вещи, а затем все туристы высаживаются и садятся на превосходных ослов, которые, кажется, не обращают внимания на самые тяжелые грузы, а галопом направляются к Гробницам или Храмам, как будто им это очень нравится.

Я очень хорошо прокатился на большом осле по имени Магомет к гробницам Бени Хассана, а на другой день сошел на берег и хорошенько осмотрел окрестности.

Утром 23 ноября у меня была долгая поездка верхом, чтобы посмотреть храм Диндера (очень красивый храм), а затем тем же вечером мы прибыли в Луксор как раз на закате и прошли по пальмовой аллее к отелю, который как раз в это время года очень пуст, поэтому у нас большие номера на первом этаже и есть восхитительный сад, где в настоящее время мы проводим

большую часть дня. У нас есть маленький домик прямо через дорогу, напротив отеля, и я очень занята его подготовкой. Поскольку я здесь единственная медсестра, если кому-нибудь из посетителей станет плохо, мне придется ухаживать за ними; но пока люди ведут себя хорошо.

Мы наняли двух хороших арабских мальчиков в качестве слуг — Хассана и Гиргуса. Хассан немного говорит по-английски, а Гиргус - нет, и требуется много времени, чтобы вытянуть из людей много работы, когда ты не можешь с ними поговорить! Вас бы позабавило, если бы вы посмотрели, как я борюсь с арабскими плотниками, которые, кажется, совершенно неспособны что-либо выровнять, и с арабскими малярами, которые никогда не получают один и тот же цвет в течение двух дней подряд.

Жена капеллана, которая плыла с нами вверх по реке, уехала на несколько дней в Асуан, и поскольку она оставила мне своего осла, я каждый день делаю небольшую зарядку.

На днях я довольно забавно провел время. Я поехал в Карнак с мисс Л., чтобы посмотреть храм: там было очень пыльно, и нам было очень жарко; и когда мы оказались в тени храма, то увидели группу людей, пивших чай, их обслуживали двое мужчин в великолепной униформе и стоящий рядом с ними величественный драгоман. Я узнал в драгомане одного из людей Кука, который помогал нам в Каире, и он отвесил мне широкий поклон, когда мы проходили мимо. Когда мы уходили, я сказал мисс Л.: "Я уверен, что милый драгоман хотел бы угостить нас чаем, и я действительно очень хочу чаю", и не успели мы отойти далеко, как драгоман догнал нас с визитной карточкой и словами "Привет от сэра Г. Н. и не согласятся ли дамы выпить чашечку чая?", так что мы присоединились к компании и выпили очень приятный чай, причем драгоман, очевидно, объяснил, кто мы такие.

Они высадились в дахабе и остановились здесь всего на одну ночь, но, возможно, вернутся позже. Они сказали нам, что, по их мнению, в Египте они *должны* ездить на верблюдах, поэтому в Кенехе они все отправились на верблюдах, каждый с мальчиком-сопровождающим на осле, но все, кроме одного, вернулись на ослах, а мальчики на верблюдах!

Карнакский храм очень красив; я посещал его уже несколько раз и каждый раз нахожу что-то новое для себя; однажды я посетил его при лунном свете, и тогда это было очень торжественно.

В Луксоре есть очень милая маленькая больница для местных жителей, где им делают множество глазных и других операций. Лечащий врач-туземец был очень любезен, одолжив мне свою лошадь, прекрасного маленького араба, который мчится как ветер, и я совершил несколько восхитительных скачков по пустыне.

Все дома в Луксоре построены из глины или сырцовых кирпичей, те, что побольше, окрашены поверх, но часто вы видите немного соломы, торчащей сквозь краску, просто чтобы напомнить вам, что это "дом из соломы".

Мы строим небольшой летний домик в Карнаке и иногда приезжаем туда пообедать и провести день - вдали от деревни и возделанной земли воздух свежее; и один из инженеров, строящих железную дорогу из Каира в Ассуан, иногда одалживает нам свою тележку, и пара арабов толкает нас (в сопровождении Хасана) на несколько миль в пустыню. Мы также занимаемся парусным спортом по Нилу, когда дует ветер.

Рамзес III. останавливался здесь на несколько дней по пути вниз по реке, и большинство пассажиров приходили посмотреть на нас. Однажды вечером у них на борту был костюмированный бал. Я спустился ненадолго, и это было такое красивое зрелище; лодка была пришвартована совсем рядом, так что они могли потанцевать на палубе, а затем прогуляться по территории отеля, и все это было освещено японскими фонариками, и выглядело так красиво с колышущимися над головой пальмами.

Однажды была гимхана, и это было очень весело; бега на верблюдах, буйволах и все разновидности ослиных бегов; одна очень забавная гонка была для джентльменов, которые ехали на одном осле и вели другого, держа перед собой длинные поводья. Вожаки редко ехали прямо, и они безнадежно путались в поводьях, и их приходилось несколько раз распутывать.

Любимое развлечение здесь - играть в "зайца и гончих" верхом на ослах. У них довольно большая стая гончих возле отеля, и зайцам (трем из них) приходится долго стартовать, чтобы дать им время доехать до Карнака, а затем они должны попытаться вернуться на ипподром, не будучи пойманными.

Гончие делятся на три своры — быструю, среднюю и медленную; хозяин должен быть человеком такта: он отсылает с быстрой сворой увлеченных молодых туристов, многие из которых американцы, мужчин, выезжающих верхом без пиджаков, и они галопом выезжают на границу, чтобы загнать зайцев; затем средняя свора по-деловому выезжает рысью, леди и джентльмены, которым, вероятно, очень подходит их костюм для верховой езды в Ряд, и которым и в голову не придет кататься дома без цилиндров; и, наконец, средняя свора выезжает рысью. , медленная стая, состоящая из людей, которые (в некоторых случаях) с трудом отличают лошадь от осла, и которые торжественно бегут трусцой к ипподрому, а затем слоняются без дела, чтобы посмотреть на веселье, когда появляются зайцы.

Местные жители проявляют большой интерес к этому виду спорта и называют его "охотой на Махди", но их симпатии, по-видимому, полностью на стороне зайцев, и они оказывают им всяческую помощь, разыскивая собак и пряча зайцев и их ослов в своих глинобитных домиках, когда возникает опасность.

Однажды мы с доктором Р. были зайцами, и у нас была самая захватывающая поездка, но в конце концов нас поймали, когда мы добрались до ипподрома. В какой-то момент меня втолкнули в дом туземцев (просто глинобитные стены без нормальной крыши), и я обнаружил, что в одном углу доят буйвола, а в другом на земле лежит младенец, и оттуда я наблюдал, как мимо галопом пронеслось с полдюжины гончих, думая, что они преследуют меня по пятам, а когда они скрылись из виду, я побежал в другом направлении.

Кажется, что ослы вполне проникаются этим развлечением и стараются изо всех сил, но иногда они приходят в возбуждение и начинают реветь — непростительное поведение, которое приводит в замешательство, когда пытаешься спрятаться в зарослях сахарного тростника!

XXI

Луксор, Верхний Египет,
январь 1898 г..

Нам было трудно представить, какой снег и холод были у вас на Рождество, в то время как мы наслаждались здесь вечным солнечным светом.

Мой пациент сейчас обосновался в своем маленьком глинобитном домике, прямо через дорогу от этого отеля. Я с благодарностью могу сказать, что его мать и брат приехали, так что мы делим уход на двоих.

В последнее время работа пошла насмарку, и теперь он редко покидает свою спальню, большую "верхнюю комнату" с прекрасным видом на пальмы и Нил.

Медсестра из Ассуана приехала, чтобы побыть с ним ночью, поскольку меня приютила в отеле бедная леди, которая безнадежно больна; она приехала из Каира с очень больным горлом, сейчас ему лучше, но она все еще очень больна, и не совсем ясно, брюшной тиф это или общая инфекция, но я боюсь, что, что бы это ни было, ее сил долго не хватит.

Я провожу с ней все ночи и часть дня, хожу взад и вперед по дому и немного сплю, когда только могу.

Здесь было много шума из-за слухов о войне в Судане, а теперь это больше, чем слухи, и войска перебрасываются по стране так быстро, как только могут.

Люди Кука в большой беде, поскольку всех их туристов, направляющихся в Каир, пришлось высаживать с лодок в Нагхамади (нынешняя железнодорожная станция), и остаток пути им приходится проделывать поездом, в то время как лодки поворачивают обратно, чтобы доставить войска в Ассуан. Некоторые полки отправляются в путь по железной дороге, несмотря на то, что линия еще не закончена.

Инженеры работают день и ночь. Я только что встретил одного из них, который сказал, что он по уши погружен в работу и что у него в кармане двадцать телеграмм, все с разными приказами, и каждый противоречит предыдущему; поэтому я сказал, что, полагаю, он делает то, что считает правильным, и надеется на лучшее!

Они возились здесь со старой посудой от парохода, которая много лет использовалась в качестве пристани; после долгих переделок им наконец удалось запустить двигатели, и теперь судно, покачиваясь, отправилось вниз по Нилу за припасами. Это было захватывающе, когда они впервые разожгли костры, как я слышал, она убежала и сбила куски с дороги впереди.

Оксфордширский и Линкольнширский полки прошли мимо, солдаты набились в лодки, как сардины.

Я ужасно хочу поехать с ними, но в настоящее время они, похоже, не присылают никаких сестер, а у меня здесь как раз сейчас полно работы.

Все приходящие пароходы, помимо того, что они тяжело загружены, буксируют большие баржи либо с людьми, либо с припасами, так что с нашей почтой возникают большие задержки и т. Д.

Я полагаю, вы знаете больше о том, что происходит на фронте, чем мы, поскольку все провода перегружены служебными сообщениями, и до нас доходят только слухи; сегодня мы слышим, что наши войска потерпели серьезное поражение близ Бербера и что они потеряли канонерскую лодку, но есть ли в этом хоть капля правды или нет, очень сомнительно.

Сегодня здесь проезжают камероны, и туземцы в большом восторге от килтов. Я думаю, они скорее воображают, что в Англии закончились мужчины, и начали присылать женщин!

Почему-то сейчас жизнь здесь кажется очень странной; во-первых, в воздухе витает шум и суета войны, а во-вторых, в этом маленьком городке мы уже ведем суровую борьбу с врагом болезней, и все время отель заполняют туристы, которые веселятся, и вы слышите, как они говорят о соревнованиях Спортивного клуба в Луксоре и о том, какого осла они возьмут себе верхом, как будто это самая важная вещь в мире.

До прошлой недели я все еще время от времени отправлялся на прогулку, чтобы освежиться. Здесь есть врач, который ездит на огромном белом сирийском коне, и он был очень добр, привезя мне красивого маленького араба и выводя меня на прогулку галопом, когда я мог убежать; араб был слишком быстр для сирийца, и часто, отпустив его, мне приходилось потом ждать его. Однажды мы возвращались из пустыни и миновали нашего капеллана, который впоследствии позабавил моих друзей, рассказав им, что я обогнал его на арабе с такой скоростью, что вызванный мной ветер чуть не сдул его с осла, а затем примерно в миле позади прогрохотало что-то, что он сначала принял за белого слона, но потом решил, что это новомодная лейка, поскольку она оставила на песке такой влажный след!

Однажды немецкий консул повел меня посмотреть свою коллекцию диковинок (по-моему, он много ими торгует): у него великолепная коллекция. Мне пришлось пить местный кофе, который я терпеть не могу, но перед моим уходом он подарил мне красивую маленькую "антикварную", голубую статуэтку, которая была найдена в гробнице неподалеку отсюда и, вероятно, датируется примерно 3000 годом до нашей эры, так что я простила ему кофе!

На днях мисс К., экономка в отеле, слегла с дизентерией и несколько дней была очень слаба. Прежде чем она снова поправилась, был срочно вызван еще один пароход для войск; поэтому пароходу "*Рамзес Великий*", который случайно был пришвартован здесь (намереваясь пробыть четыре дня, пока пассажиры исследуют это место), внезапно пришлось отправить всех своих пассажиров и их багаж в отели и оставить их там, пока он совершал путешествие до Ассуана и обратно. Отель был просто переполнен в течение пяти дней, и шум был очень вреден для наших больных; бедная мисс К. была в отчаянии из-за того, что не могла пройтись и осмотреть комнаты и т.д. Для всех этих людей, поэтому мне пришлось сделать все, что в моих силах, чтобы помочь ей, но я была ужасно занята со столькими больными.

Уровень Нила становится очень низким и "вонючим", и мы слышали, что в Ассуане есть несколько случаев дизентерии, и где-то выше по реке, в дахабе, есть бедная женщина, которая очень больна, и поблизости нет медсестры, которая могла бы к ней подойти.

При всем этом срочном движении по реке трудно доставлять товары из Каира (даже неотложные "медицинские удобства"), и вы не можете себе представить, скольких вещей не

хватает больным изо дня в день, когда вы находитесь в 450 милях от ближайшей аптеки, с ненадежной связью по почте или телеграфу.

Я постоянно совершаю набеги на маленькую больницу, и врач там очень добр, помогая нам, но ему не хватает кое—чего, что нужно ему самому, и он не может достать - во-первых, запас хлороформа почти исчерпан. Мы отправили срочное сообщение (телеграф недоступен) с последним пароходом, идущим в Ассуан, и надеемся, что тамошний врач сможет одолжить нам немного на время.

Кажется, прошли недели с тех пор, как я последний раз проводил ночь в постели; моя бедная леди так больна, что я едва могу оставить ее, и я просто сплю в кресле в ее комнате, когда ее муж какое-то время сидит рядом с ней.

Слуги-арабы, особенно Хассан и Гиргус, удивительно внимательны и добры — фактически, все помогают нам, насколько это возможно; но когда люди так безнадежно больны, хочется в Лондон, к лучшим врачам и лучшим медсестрам, которые могут тебе помочь. Невозможно делать все, что хотелось бы для нескольких пациентов одновременно, как днем, так и ночью; а поскольку в последнее время я так мало спал, я боюсь что-нибудь забыть, и мне приходится записывать все распоряжения и отмечать их галочками по мере их выполнения.

Это письмо было написано обрывками, и я заканчиваю его, сидя рядом с бедной миссис ...; Я должна как-то продержаться без сна, пока не проснется ее муж, тогда он присмотрит, пока я вздремну. Боюсь, это совершенно безнадежно, и она уже несколько часов без сознания, поэтому я не могу оставить беднягу с ней наедине.

XXII

Париж,
март 1898 г..

Из моего последнего письма вы могли бы понять, что у нас было грустное и трудное время в Луксоре, а после того, как я отправил вам сообщение, у нас стало еще больше печали, что это похоже на дурной сон, и я не могу много писать об этом.

Бедная женщина умерла от пиемии, и несколько дней спустя мой пациент был похоронен на маленьком кладбище в пустыне, которое он так любил.

Всю зиму туристы были в отличной форме вверх по Нилу (к счастью для меня), но в январе, похоже, все заболели, и у них случилась настоящая вспышка дизентерии. Все началось в Ассуане, но двум бедным молодым леди (путешествовавшим с младшим братом) стало очень плохо между Ассуаном и Луксором, и их вынесли на берег и доставили в отель. Наша ночная сиделка ушла ухаживать за ними, и как только я освободился, мне пришлось сразу же отправиться помогать ей, так как они оба были безнадежно больны.

Это был мой первый опыт борьбы с тропической дизентерией, и в некотором смысле она больше походила на холеру - казалось, ничто не могло остановить ее. Из Каира приехал очень

хороший врач и оставался там несколько дней, делая все возможное, чтобы спасти их, и мы с медсестрой работали день и ночь, но это было бесполезно, и они оба умерли с разницей в двадцать четыре часа.

Потом другим стало плохо, и нам пришлось переходить из палаты в палату, делая для них все, что в наших силах, и жалея, что у нас нет либо полудюжины медсестер, либо всех наших пациентов поместили в одну больничную палату. Постепенно всем остальным стало лучше, и мы начали подумывать о возвращении домой, когда мне телеграфировали, чтобы я поехал в Асуан ухаживать за епископом ..., который был очень болен; медсестра, которая находилась там, тоже слегла с дизентерией.

Я был недоволен тем, что мне пришлось уезжать, так как мы как раз собирали вещи для поездки домой, прибирались в доме и т.д., и я чувствовал себя очень измотанным, но я не мог отказаться, так как поблизости не было другой сиделки; поэтому я уехал на почтовом пароходе и большую часть двух дней на борту провел во сне, так как я не знал, сколько работы может ждать меня, и мне нужно было многое наверстать в плане сна. Из своего дневника я узнаю, что с 16 января по 3 февраля я ни разу не провел полноценную ночь в постели, а иногда даже отдельные часы сна были очень редкими.

Но когда я добрался до Ассуана, то обнаружил, что все идут на поправку и им вряд ли нужна сиделка, поэтому я остался всего на несколько дней, чтобы помочь (и однажды днем мне удалось осмотреть Филу), а затем снова уехал почтовым катером в Каир, где врач передал мне на попечение женщину, которая была тяжело больна дизентерией, и дал мне небольшой запас лекарств, чтобы я мог использовать их по своему усмотрению, поскольку на почтовых катерах — в отличие от туристических — нет врача.

Мы пробыли в Луксоре час или два, так что я успел забрать свой багаж и попрощаться. Все жители, включая мальчиков—слуг и погонщиков ослов, казалось, были там, чтобы проводить нас, и все они были так добры ко мне в течение очень суровой зимы, что мне казалось, будто я знаю их много лет.

На борту яхты были приятные люди, а джентльмен, сидевший рядом со мной за столом, хорошо знал Кимберли и моего брата, так что мы много говорили о Южной Африке.

Лодка была битком набита, и, поскольку становилось очень жарко, всем хотелось одновременно броситься вниз по реке. Предполагалось, что в первом классе будет тридцать два места, и управляющий сказал мне, что на борту было пятьдесят пять пассажиров — мужчины спали во всех ваннах, а ночью салон был полон.

Во втором классе у меня было что-то вроде отдельной собачьей будки - неплохая маленькая дырочка, когда я туда попадал, но каждый раз, чтобы добраться до нее, мне приходилось пересекать нижнюю палубу, где живут и спят все пассажиры—туземцы.

Моей больной женщине стало лучше, когда мы спустились вниз по реке, и ей очень повезло, потому что еще до того, как мы достигли Каира, я сам заболел дизентерией, и мне пришлось принимать некоторые лекарства, которые дал мне врач из Ассуана на случай необходимости.

Последний день на борту был волнующим, так как уровень Нила был таким низким, что мы то и дело натыкались на песчаные отмели, и все стекла были разбиты; а поскольку многие

пассажиры едва успели сесть на свой корабль в Александрии, было много беспокойства, как бы мы не застряли.

Я передал мою пациентку в целости и сохранности в надежные руки в Mena House, а затем просто застал своих друзей в Каире (они уехали из Луксора, когда я отправился в Ассуан), и, получив совет от одного из наших тамошних хороших друзей-врачей, мы отправились прямо на наш корабль в Александрии.

Когда я поднялся на борт, я чувствовал себя настолько измотанным, что мне пришлось сразу же направиться в свою каюту, и судовой врач взял меня под свою опеку. Я думаю, он скорее думал, что у меня брюшной тиф, и хотел, чтобы мы поехали с ними в Венецию, чтобы он мог присматривать за мной еще немного (поскольку они остаются на несколько дней в Венеции), но трехдневный отдых на море и кое-какие лекарства немного взяли меня в руки, и я не хотела нарушать планы.

Мы приземлились в Бриндизи и провели неудобную ночь в отеле, потому что обнаружили, что простыни были очень мокрыми, и были вынуждены спать в одеялах, что мне никогда не нравилось.

Оттуда нам предстояло одиннадцатичасовое путешествие на поезде до Неаполя, и мы совершили идиотский поступок, за который до сих пор себе не простили: мы встали в 4.30 утра, думая, что наш поезд отправляется в 6 утра, а когда добрались до станции, обнаружили, что наши билеты были выписаны для проезда другим маршрутом, и поезд отправлялся только в 9.30 утра!

Неаполь был прекрасен; из наших окон открывался такой великолепный вид на залив и Везувий Вдалеке. Мы не смогли подняться на Везувий, так как в то время он был довольно "активен", и некоторые люди, которые поднимались на него в день нашего прибытия, чуть не сгорели от горячей лавы.

Однажды мы отправились на пароходе в Сорренто (место, где я хотел бы когда-нибудь остановиться), а затем на Капри и исследовали тамошний чудесный Голубой грот. Капри - милое место, с такими прекрасными цветами и папоротниками.

Еще один день мы провели в Помпеях и пожалели, что не можем уделить больше времени осмотру музея в Неаполе, где сейчас выставлено большинство лучших экспонатов Помпеи; а затем мы отправились вдоль залива в Позилипо - одна из самых красивых поездок, которыми я когда-либо наслаждался.

Из Неаполя мы переехали в Рим. Пытаться "увидеть" Рим за что-либо меньше месяца - совершенно безнадежно, поэтому мы и не пытались. Казалось, там было полно наших египетских друзей, и мы встречали их на каждом шагу, так что нам было очень приятно провести там время, и, конечно, мы увидели *некоторые* достопримечательности.

Мы провели некоторое время в соборе Святого Петра и еще нескольких замечательных церквях, исследовали Колизей, Форум и Термы Каракаллы, спустились в несколько катакомб (и были очень рады снова благополучно подняться наверх!); на самом деле, мы увидели ровно столько,

чтобы захотеть когда-нибудь вернуться со временем (и деньгами), чтобы насладиться всем этим более полно.

Затем мы переехали во Флоренцию и провели там несколько самых приятных дней; картинные галереи были самыми очаровательными — так много картин, которые человек знал и любил всю свою жизнь (по фотографиям), а теперь полюбит еще больше из-за того, что увидел оригиналы. Город очень интересный, а окружающая местность прекрасная.

Наш последний день во Флоренции выдался дождливым. Это разочаровало, но, поскольку это был первый дождь, который я увидел с сентября прошлого года, я вряд ли мог жаловаться.

Мы провели ночь в поезде, а затем пробыли несколько часов в Милане, просто чтобы увидеть очень красивый собор, а затем сели в коридорный поезд, чтобы пересечь Сен-Готард. Недалеко от Милана поля густо заросли первоцветами и анемонами, и было довольно жарко, но вскоре мы оказались среди снега, и тогда пейзаж стал просто великолепным.

Мы пробыли несколько дней у швейцарских друзей в Цюрихе. У них восхитительный дом с видом на озеро, а снежные горы вдалеке - такое умиротворяющее зрелище.

Однажды мы поехали на поезде, а потом немного полазили и оказались среди снега: это было так забавно после всего того, что нам пришлось пережить совсем недавно.

Оттуда мы отправились ночью в Париж; и теперь мы подошли к концу нашей "прогулки" по Континенту, и я уверен, что это пошло всем нам на пользу и очень освежило.

Я только что вымыла голову шампунем и, думаю, теперь избавилась от последних остатков египетской пыли. Завтра мы отправляемся в Англию, а потом я не совсем знаю, каким будет мой следующий шаг, но, надеюсь, еще какая-нибудь работа.

XXIII

Больница общего профиля, Лондон,
январь 1899 г..

Кажется, я не писал тебе с тех пор, как вернулся к своей работе здесь.

Мы вернулись из Египта в апреле, и я провела немного времени дома и нанесла несколько визитов, а затем старшая сестра спросила меня, не вернусь ли я, чтобы возглавить одно из женских хирургических отделений на четыре месяца, пока сестра была в отпуске по болезни; итак, я вернулась в начале июля, и, похоже, что я, скорее всего, останусь. Все так радушно встретили меня по возвращении (от хирургов до носильщиков), что вскоре я снова почувствовал себя как дома.

Сначала это было довольно странно, так как они поменяли время "свободного от дежурства", и все медсестры получают больше свободного времени, так что это означает, что у вас больше

медсестер, и когда они дежурили все вместе, мне казалось, что это такая толпа: в той палате на двадцать две койки и четыре раскладушки у меня были штатная медсестра, старший стажер и три других стажера, и две ученицы, семеро, кроме меня, дежурили днем, а штатная медсестра и стажерка дежурили ночью; но редко бывает, чтобы все они дежурили одновременно, и мне приходилось бегать туда-сюда. следите, чтобы те, кто включен, следили за работой тех, кто выключен, и чтобы вещами не пренебрегали, потому что "это не моя работа"!

Приятно, что медсестры не так торопятся, как раньше, но я не совсем уверен, что это такое хорошее обучение; Я не думаю, что они чувствуют такую личную ответственность за благополучие своих пациентов, как тогда, когда рядом с ними не было никого, кто был бы одинаково ответственен; довольно сложно точно объяснить, что я имею в виду — во-первых, у штатных медсестер теперь два выходных дня в месяц, поэтому у нас есть старший стажер, который берет на себя их работу на эти два дня, и я нахожу, что они гораздо больше теряют связь с тем, что было предписано для пациентов, чем они так и делали, когда уезжали всего на один день, но сейчас я начинаю к этому привыкать.

Палата, в которой я жила, когда вернулась, была довольно грязной, и я пожалела обо всех красивых цветочных горшках и вазах, которые я оставила в палате, когда была здесь в последний раз, не говоря уже о моем прекрасном запасе детской одежды (у меня были груды белых матросских блузок для мальчиков и муслиновых передничков для девочек, а под передничками - бледно-голубые платица в праздничные дни); но я не тратила много денег на предметы тщеславия в этой палате, так как на короткое время они того не стоили. , и чем больше у вас модных вещей, тем дороже вам обойдется стирка, поскольку больница не платит за предметы тщеславия, хотя это меняет внешний вид вашей палаты, когда приходят посетители, а матерям просто нравится видеть своих бедных маленьких детишек одетыми "как настоящие маленькие леди", а не в байковое платье!

Мне понравились как ночная, так и дневная медсестры в этом отделении, и они были очень добры ко мне (иногда штатные медсестры не вежливы с сестрой, выполняющей временную работу, поскольку они часто думают, что им могли позволить самим выполнять работу сестры).

Отделение было известно тем, что в нем никогда не было орущих младенцев, и мне было довольно забавно услышать от другой моей старой медсестры, что эти штатные медсестры узнали, что я очень требовательна к порядку и очень беспокоюсь о том, чтобы у младенцев не было разумного повода для визга; поэтому они были полны решимости стараться угодить мне в этом отношении. Однажды я пришел из театра (после нескольких операций) просто к чаю, и я думал, что Уорд выглядел довольно неопрятно, но я хотел, чтобы мой чай так сильно и подопечного-уборка уже все готово для меня, поэтому, после взглянув на операцию случаев, я—довольно неразумно,—заклучил я бы выпил его, прежде чем круглые, чтобы привести в порядок, и, конечно, прежде чем я закончил чай Матрона пришла, и мне пришлось сопровождать ее, внутренне вскипая на какие-то крохи в детской кровати, и некоторые из лотков валил из театра и не поставил аккуратно прочь; но Матроны был очень любезен, и, когда мы добрались до двери, она сказала: "сестра, я не помню подопечного таким подтянутым и аккуратным после театра день, и не один ребенок орал!"—поэтому, конечно, я сказала медсестре, и она была чрезвычайно довольна.

В тот день в театре у нас был курьезный случай — бедный крошечный малыш, однодневного возраста, родившийся с неперфорированным задним проходом; как только ему начали делать

анестезию, он перестал дышать, и после некоторых попыток привести его в чувство хирург надел халат и ушел, но мы продолжали делать искусственное дыхание, и в конце концов ребенок пришел в себя; поэтому пришел другой хирург (который все еще находился в больнице), и он посоветовал домашнему хирургу сделать колостомию, которую тот сделал очень быстро, и бедному маленькому клещу стало легче. , но он прожил всего один день.

Как раз тогда у нас был первоклассный домашний хирург, и он хорошо заботился о своих пациентах. Вы даже не представляете, насколько вялыми и ленивыми иногда становятся перевязочники, если домашний хирург не проявляет энтузиазма, и это существенно влияет на комфорт пациентов.

Так получилось, что это была наша неделя "приема", когда наступили банковские каникулы, и у нас была очень оживленная неделя. Всего мы приняли шестнадцать пациентов, но у некоторых из них были травмы рук или пальцев, поэтому они смогли снова выйти на улицу через ночь или две, таким образом, освободив кровати для других.

В сам день банковских каникул все было довольно спокойно до вечера, а потом у нас произошло четыре несчастных случая за два часа — пожилая леди семидесяти девяти лет с переломом бедра, младенец с раной на голове (упал со стула на каминную решетку), маленький ребенок, сильно ошпаренный, и очень крупная и толстая женщина с переломом большой и малоберцовой костей, которая, как я с ужасом обнаружила, ожидала появления ребенка в самое ближайшее время, и поскольку ни у одной из моих медсестер не было опыта в подобных вещах, как и у дежурной сестры, я чувствовала себя обязанной оставаться в пределах досягаемости. и днем, и ночью; но однажды в воскресенье мне показалось безопасным сходить в церковь, и другая сестра пообещала прийти, если потребуется, и, конечно же, она *была* необходима, но все прошло хорошо, и мать быстро поправилась, и, я думаю, была весьма довольна, что вышла на улицу с прекрасным здоровым ребенком, избавившись от всех расходов, связанных с ее родами.

Когда сестра из той палаты вернулась, там было свободное маленькое мужское отделение неотложной помощи, поэтому мне предложили занять его до тех пор, пока не освободится палата побольше.

Мне было жаль оставлять детей, но новая палата находилась под наблюдением хирургов, у которых я работал до поездки в Египет, и я был рад снова работать с ними.

Когда я перенес свой лагерь, был ноябрь, и я, казалось, едва успел обернуться, как наступило Рождество, и это было очень яркое и веселое Рождество, несмотря на то, что мы "принимали дела", и дела просто текли рекой. Всего за неделю мы приняли двадцать одного пациента на наши двадцать коек. Конечно, некоторые продолжали выходить, но нам пришлось отправить наших наиболее подвижных пациентов спать в другие палаты, чтобы всегда держать койку наготове на случай следующего несчастного случая.

Среди заболевших у нас были два бедолаги, которые перерезали себе горло; один - парень двадцати одного года, перенесший грипп, а другой - мужчина тридцати двух лет, которого бросила девушка. Им обоим сделали трахеотомию, и поначалу у обоих все шло довольно хорошо, но я не думаю, что молодой человек хотел поправляться, и в конце концов он заболел пневмонией и умер. С другим мужчиной снова все было в порядке. Всю рождественскую

неделю рядом с ними обоими сидели полицейские на случай, если он снова попытается покончить с собой, и эти полицейские были очень полезны, помогая с украшениями.

В то же время к нам прибыл крупный возчик, который упал со своей повозки и получил легкое сотрясение мозга. Какое-то время он не совсем приходил в себя (хотя никогда особо не болел), и он все время пытался встать с постели, и всякий раз, когда кто-нибудь поднимался на стремянку, чтобы немного украсить ее, раздавался звонок, что "Номер 10 выходит", и нам всем приходилось бежать, чтобы уложить его обратно и подоткнуть одеяло.

Из-за этих различных перерывов процесс оформления очень затянулся, но в конечном итоге палата выглядела очень мило, и я думаю, что пациенты провели очень счастливое Рождество; даже двое бедных головорезов казались вполне довольными и заинтересованными своими подарками, хотя ни один из них не смог воспользоваться привилегией покурить, которой все остальные мужчины (включая полицейских) так наслаждались на Рождество.

Один человек, поступивший с поврежденным коленом, сказал мне, что он соперничал с Сэндоу "силачом"; и поскольку в течение нескольких дней он был на грани белой горячки, мы немного беспокоились, пока он не успокоился; но он оказался довольно милым пациентом.

XXIV

Больница общего профиля, Лондон,
декабрь 1899 г..

Кажется, в этом году я потратил много времени на то, чтобы быть тем или иным убогим, так что не думаю, что мне есть о чем писать вам, и теперь, когда война в Южной Африке вызывает у всех нас волнение (поскольку каждый чувствует, что должен протянуть руку помощи), трудно думать о мелочах, которые заполняли нашу жизнь последние несколько месяцев.

После того, как я написал вам в последний раз, к нам поступил еще один головорез, который оказался сумасшедшим, и он очень весело провел с нами время, прежде чем мы достаточно поправились, чтобы отправить его в сумасшедший дом. Однажды он в большой спешке вскочил с кровати (что он очень любил делать, если дежурный полицейский на минуту отводил от него взгляд), так что мужчина на соседней койке крикнул: "Привет, приятель, куда ты направляешься?" на что он ответил: "У меня есть билет второго класса до рая, так что я ухожу", и потребовалось некоторое убеждение, прежде чем он поверил, что поезд на этот пункт назначения еще не прибыл. В другой раз вечером он сделал предложение ночной медсестре, так как подумал, что они могли бы хорошо поладить вместе в "очереди за жареной рыбой"! Странно, как нервничают мужчины, когда кто-то немного "не в себе": даже некоторые из этих здоровенных полицейских всегда зовут нас прийти, если мужчина начинает проявлять беспокойство. Я ни капельки их не боюсь и обычно могу заставить их делать то, что я хочу, с небольшим трудом; но я смертельно устал от головорезов в отделении: кажется, у меня их было так много в то или иное время, и они доставляют большое беспокойство.

Прошлой зимой у нас было так много аварий на близлежащей железнодорожной станции, что Суперинтендант очень любезно рассказала мне (как одной из сестер по несчастным случаям) У меня мог быть бесплатный проездной в любой уик-энд, если мне нравилось оформлять его на любой станции их линии; так что я очень хорошо проводил время, отправляясь навестить друзей и родственников на побережье, когда у меня была возможность вырваться с субботы на понедельник; к тому же это были проездные первого класса, так что можно было ездить самыми быстрыми поездами.

Однажды майским вечером я обнаружил, что у мальчика, которого привезли со сломанной ногой, все тело сильно шелушилось, и мы выяснили историю болезни, которая могла означать легкий приступ скарлатины, но это было настолько неопределенно, что домашний хирург не поверил этому и не перевез его сразу; а через два дня у другого маленького мальчика развилась скарлатина, а затем у одной из медсестер, и они начали поговаривать о закрытии палаты; затем однажды у меня сильно разболелась голова, но я ни о чем не думал, но когда я лег спать, у меня началась сильная головная боль. (к моему большому отвращению) Я обнаружил, что у меня блестящая сыпь; и на следующий день пришел врач и согласился с моим диагнозом "скарлатина", и предложил изолировать меня там или отправить в Лондонскую больницу для лечения лихорадки (платно), но я подумал, что с таким же успехом мог бы попробовать обычную больницу М. А. В., поэтому я уехал на "скорой помощи" с толпой друзей, которые провожали меня — с безопасного расстояния — у дверей.

В Лихорадочной больнице мне было очень комфортно, но я чувствовал себя обманутым, так как температура у меня была настолько умеренной, что я вообще никогда не болел: ни боли в горле, ни температуры после первых двух дней — на самом деле, я думаю, они сомневались, была ли она у меня вообще, и это была очень медленная работа в ожидании снятия кожи. Наконец завершив этот процесс, я вернулась в больницу, чтобы убрать свои палаты, так как вскоре должна была освободиться большая палата, и старшая сестра хотела, чтобы я заняла ее после того, как возьму отпуск.

Итак, я хорошо провел время дома в разгар летней погоды и нанес несколько визитов, съездив на остров Уайт и насладившись там великолепным купанием и катанием на лодке; но странно, как это избавляет от скарлатины, даже если она протекает так смехотворно легко, как у меня, а у меня было много проблем с отеками ног и другими формами слабости.

В июле я посетила очень приятное мероприятие в Мальборо-Хаус, когда принцесса Уэльская вручила мне сертификат члена Королевского национального пенсионного фонда для медсестер, и я встретила много старых друзей среди тысячи с лишним медсестер, которые там были.

День был невыносимо жаркий, и несколько активных унтер-офицеров Шотландской гвардии были заняты тем, что выстраивали толпу медсестер для их марша мимо; и нам было жарко стоять на солнце, поскольку мы были одеты в домашнюю форму, а наши фуражки плохо защищали; но как только все закончилось, мы нашли много тени под красивыми деревьями, и нас снабдили мороженым, восхитительными тарелками с фруктами и другими закусками.

Я знал одну из домочадцев, и она очень любезно провела меня по некоторым королевским покоем, и было интересно заглянуть в прохладную столовую, где был накрыт готовый обед для членов королевской семьи, чтобы они могли отведать его, как только нас отпустят, но они еще

некоторое время поболтали с некоторыми медсестрами, и в целом мы провели там очень приятное время.

Когда я потом ехал домой в экспрессе, нас внезапно остановил сильный рывок, от которого нас и наш багаж швырнуло по вагону, а когда мы пришли в себя и смогли выглянуть в окно, то обнаружили, что наш вагон горит. К счастью, сигнальщик заметил это и телеграфировал в соседнюю сигнальную будку, чтобы остановить поезд; нам всем пришлось выйти на запасном пути, и вагон был снят, чтобы им занялись тамошние матросы, в то время как мы и наш багаж были упакованы в остальную часть поезда, который уже казался довольно полным, а затем мы снова поспешили дальше; но если бы сигнальщик этого не заметил, для нас это могло быть очень неприятно.

Я вернулся к работе в начале августа, и когда я попал в больницу, врача, который обычно за мной ухаживает, не было. Мне никогда не приходило в голову, что мне нужно обратиться к врачу, а надзирательнице и в голову не пришло предложить это, поэтому я принял свою новую палату и начал приводить все в порядок по своему вкусу. Мне казалось, что это была очень тяжелая работа, но я просто списал это на то, что погода была очень жаркой, и что я так долго бездельничал; и я подумал, что должен взять себя в руки; но примерно через две недели врач вернулся, а на следующий день он пришел навестить меня и сказал, что я еще не готов к работе; так что, к большому моему отвращению, меня отправили отдыхать.

Ближе к концу сентября я снова взялся за работу, проработал около двух недель, а затем заболел острым невритом головы, герпесом и т. Д. *Я был зол*, но головная боль была слишком сильной, чтобы беспокоиться о чем-то еще. Меня поместили в медицинскую палату, довольно часто давали большие дозы морфия и вообще суеились, поскольку я имел честь быть "очень интересным и необычным пациентом". Когда моей голове стало лучше, начались боли в ногах — ишиас, — поэтому они некоторое время держали меня в постели, а когда я встал, я был совершенно разбит, и они сказали, что я должен ехать на юг; поэтому я снова уехал погостить к каким-то родственникам недалеко от Саутгемптона, и была середина ноября, прежде чем я в конце концов вернулся к работе. Просто представьте, что потребовался период с мая по ноябрь, чтобы справиться со скарлатиной и ее последствиями, особенно когда лихорадка длилась всего около пары дней. Конечно, каждый, кто приходил навестить меня после того, как я вернулся, хотел знать, как долго я был на работе, поскольку они предполагали, что меня должны были уволить с работы за что-то другое, прежде чем я проработал две недели!

Пока я был недалеко от Саутгемптона, я раз или два ходил в доки посмотреть, как первые войска отправляются в Южную Африку. Мужчины выглядели очень подтянутыми в своих новых костюмах цвета хаки, но на десантных кораблях и лайнерах они были очень плотно набиты. Однажды я провожал "*Килдонан Касл*" с 2400 людьми на борту; толпы людей провожали их, и *такие* радостные крики и пение "*Auld Lang Syne*" и "Боже, храни королеву". Некоторые из них выглядели такими мальчишками, что пошли на фронт и устроили драку, и грустно думать, что не все они могут вернуться — интересно, сколько их?

Я бы тоже хотел поехать. Мнения, похоже, разделились относительно того, скоро война закончится или нет.

XXV

R.M.S. "Замок Тантаillon",
март 1900 г..

Я больше не мог этого выносить; все мои друзья уезжали на фронт; и, хотя многие говорили, что война закончится до того, как они приземлятся, мы продолжали слышать рассказы о том, насколько плохим было кишечное лекарство и что медсестры перегружены работой, поэтому я чувствовал, что должен хотя бы предложить руку помощи.

Я боялся, что если отправлю свои документы обычным способом, меня могут отправить на родину, чтобы освободить какую-нибудь армейскую сестру, а это меня бы совсем не устроило, поэтому я подумал, что схожу в Военное министерство и сам посмотрю, смогут ли меня отправить на фронт.

Примерно в середине января я смело спустился вниз и попросил о встрече с секретарем Медицинского отдела армии. Я вполне ожидал, что мне скажут, что я не могу прийти без предварительной записи, но я думаю, санитар, должно быть, подумал, что у меня *была* назначена встреча, потому что он провел меня в комнату ожидания, и там произошла странная вещь: там ожидали несколько человек, и среди них джентльмен, лицо которого, как мне показалось, было мне знакомо, но я не мог вспомнить, где встречал его раньше. Через несколько минут он подошел ко мне и спросил: "Я думаю, вы мисс Л.?" и я сказала, что пыталась вспомнить, встречались ли мы раньше и где? и тогда он напомнил мне, как мы путешествовали вниз по Нилу на одном почтовом пароходе в 1898 году, и тогда говорили о Южной Африке, поскольку он знал о моем брате, живущем там. Потом он спросил: "Но что тебе здесь нужно?" и я ответил: "Как и все остальные, я хочу, чтобы меня отправили на Кейп". Поразмыслив несколько минут, он сказал: "Ну, я предлагаю предоставить им полевой госпиталь на сто коек и управлять им в течение трех месяцев на Кейптауне. Если они примут это, ты согласишься с этим?" Конечно, я сказал, что хотел бы попробовать; и тогда его послали к Секретарю, а я все ждал и ждал и подумал, что он, должно быть, совсем забыл обо мне; но наконец пришел санитар и сказал: "Секретарь желает видеть мисс ...", и люди, которые ждали дольше, чем я, уставились на меня, когда меня проводили в комнату Секретаря.

Там я обнаружил, что мой друг с Нила все еще разговаривает с Секретарем, и секретарь, нахмурившись, повернулся ко мне и спросил, что я имел в виду, заявившись в Военное министерство без предварительной записи, вместо того, чтобы отправить бланки заявлений обычным способом? Поэтому я сказал ему, что не намерен подавать заявление обычным способом и рискую быть отправленным на какую-нибудь домашнюю станцию. У меня было слишком хорошее место в Англии, чтобы отказаться от него ради этого, но если я обнаружу, что мне дадут шанс послужить на фронте, я был бы рад поехать и сделать все, что в моих силах; что я знал Южную Африку, и знал, чего ожидать в плане климата, и знал, как управлять местной прислугой, и так далее.

Затем он немного растаял и сказал: "Что ж, этот джентльмен проявил большую щедрость, предложив нам полноценную больницу, на что мы собираемся согласиться, и он попросил вас согласиться, так что, если вы пришлете свои документы и отзывы обычным способом, у вас

будут очень хорошие шансы на успех". Вы когда-нибудь слышали о такой удаче? Если бы я лично не поехал в Военное министерство, я бы никогда не встретился со своим другом с Нила, и если бы я пришел хотя бы на пять минут позже, я бы никогда его не встретил; и впоследствии, если бы я прочитал в газетах о том, что он предоставил госпиталь, мне бы никогда не пришло в голову подавать заявление об этом, поскольку, когда мы встретились на Ниле, я едва знал его имя и никогда бы не связал его с госпиталем.

На днях я спросил его, что заставило его дать мне этот шанс под влиянием момента, и он сказал мне, что не хочет полностью оставлять подбор персонала правительству, и он лично не знает ни одной квалифицированной медсестры, к которой он мог бы обратиться, и он подумал, что если бы у меня была хоть четверть тех мозгов, которыми, как он знал, обладает мой старший брат, я был бы ему хорошим помощником.

Я получила кучу поздравлений, поскольку все говорят, что, хотя многие сестры и нянечки ушли из нашей больницы, это лучшее назначение из всех, которые выпадали на нашу долю.

Большую часть той ночи я не спал, заполняя бумаги, требуемые Военным министерством, и переписывая отзывы, чтобы отправить их вместе с ними; также я написал домой, поскольку даже не сказал им, что подаю заявление об уходе.

Следующие день или два в моей палате было очень много тяжелых случаев, и они заняли большую часть моего времени и мыслей; но на третий день за мной послали и сказали, что я не только принята, но и назначена леди-суперинтендант, и мне следует выбрать пять сестер, которые поедут со мной, и прислать их имена на утверждение. Они надеялись, что мы отплывем примерно через три недели.

Затем последовало очень напряженное время; руководство моего госпиталя было очень любезно, согласившись отпустить меня, но тот факт, что так много сестер и сиделок уходили на фронт, вызывал большую нехватку пожилых людей, поэтому я чувствовала себя обязанной оставаться здесь так долго, как только могла, возвращаясь домой только на долгие выходные, чтобы попрощаться.

Было множество писем (присланных мне для разбора) от медсестер и других желающих поехать с нами. Некоторые из них были забавными: одно было от виконтессы, другое от члена театральной труппы; большая часть заявителей не имела образования, но были "готовы учиться"; некоторые предлагали оплатить свои расходы, если я буду только их компаньонкой — они, похоже, думали, что мы отправляемся на пикник.

Однако поступало множество заявлений от хорошо обученных медсестер, и главная трудность заключалась в том, чтобы понять, какие из них пропустить.

Я должен был присутствовать в Военном министерстве на собеседовании с отборочным комитетом. Принцесса Кристиан была одной из членов этого комитета, она подошла, пожала мне руку и была очень любезна.

Все сестры, чьи имена я прислал, были должным образом зачислены в резерв Армейской службы сестринского ухода; а затем, после того как я определил персонал, мне пришлось помогать в выборе снаряжения и припасов для больницы, поскольку они хотели вывезти все

необходимое, чтобы быть совершенно независимыми, когда мы приземлимся, куда бы нас ни направили.

Приходилось составлять длинные списки мисок и каш для каш, термометров, шин, костылей, карт и картотек, шприцев, постельных принадлежностей и белья, рубашек, костюмов для выздоравливающих, чистящих средств и других щеток, емкостей для дезинфекции белья и т. Д.

В Англии, кажется, так много вещей, которые даны природой, без которых было бы сложнее всего оказаться на другой стороне.

А еще нужно было заказать продукты питания: муку, сахар, все бакалейные товары, продукты для инвалидов и т. Д. — Фактически все, и всего в достаточном количестве, чтобы хватило как минимум на три месяца.

Выбрав все необходимое, о чем мы только могли подумать, мы столкнулись с большими трудностями при поиске места на борту корабля для отправки нашего груза, поскольку так срочно требовались люди, а корабли уходили, набитые полками и их багажом.

В перерывах между работой в тяжелом хирургическом отделении, подбором сестер и магазинов мне нужно было сшить себе форму и купить подходящий комплект для жаркого климата; я также купил подержанное седло (которое, я знал, пригодится везде, где мы были размещены) и упаковал его в обшитый жестью футляр, в который помещалось много других вещей, и я подумал, что, если мы будем жить в палатках, футляр пригодится, чтобы уберечь кое-что из моих вещей от белых муравьев..

В те недели часов, которые я мог уделить сну, было мало, но я восполню задолженность на борту корабля.

У нас было несколько ложных тревог относительно даты отплытия, о которых мне приходилось сообщать сестрам, а затем опровергать!

Я покинула больницу 22 февраля со многими сожалениями после шести лет работы, поскольку последние пять лет была там Сестрой, или Ночной сестрой, или помощницей медсестры.

Мы думали, что отплывем сразу же, но в конце концов было решено, что офицерам медицинской службы и санитарам придется отплыть за несколько дней до сестер. Я сожалел об этом, так как надеялся немного познакомиться с ними на борту корабля.

Перед отплытием мистер Х., обслуживавший больницу, устроил званый ужин для всего персонала, и мы провели очень приятный вечер. После ужина был большой прием, и меня представили многим людям, чьи имена хорошо известны как в Южной Африке, так и в Англии.

"Доктора" отплыли 28 февраля, а 1 марта я был в армейских и флотских магазинах, делая последние покупки, когда пришло известие, что Ледисмит освобожден; волнение было сильным; такие радостные крики и размахивание флагами, и они установили все музыкальные шкатулки и т. Д., Чтобы играть "Rule Britannia"!

Мистер Х. решил поехать с нами посмотреть на строительство больницы, и 3 марта мы отплыли из Саутгемптона на пароходе R.M.S. *"Замок Танталлон"*.

У нас на борту есть войска, и я никогда не забуду приветственные крики людей в Саутгемптоне, когда мы отчаливали.

Первый класс битком набит офицерами и несколькими "джентльменами-кавалеристами" из Йоменри.

Сейчас мы плывем по Ла-Маншу, море такое спокойное, что мало кому может прийти в голову морская болезнь, поэтому я подумал, что пришлю вам свежую историю, и тогда вы поймете, что я не мог приехать попрощаться.

Пока мы не доберемся до Кейптауна, мы не знаем, каким будет наш пункт назначения; тем временем я хорошо отдыхаю и к тому времени, когда мы приземлимся, буду вполне готов к любому объему работы.

Я надеюсь опубликовать это на Мадейре.

XXVI

Дурбан, Натал,
1 апреля 1900 г..

Это было странное путешествие позамку *Танталлон*. Во-первых, вместо обычной разношерстной группы пассажиров, лодка была почти полна солдат; на борту было очень мало дам, кроме одной сестры-суперинтенданта с группой сестер и моей маленькой компании из шести человек, а также нескольких жен старших офицеров; на борту практически не было стариков или детей.

Как и следовало ожидать, при таком количестве молодых людей на борту (многие из них были совсем мальчишками) было много веселья и шуток, и все же под всем этим скрывалась некая торжественность.

Я думаю, мы все чувствовали, что нам всем не стоит возвращаться (перед отъездом мы слышали, сколько людей умирает от кишечной инфекции и дизентерии), и мы надеялись, что, если нас оставят здесь, у нас будет шанс что-то сделать, прежде чем нас собьют с ног. Очень немногие из офицеров когда-либо попадали под огонь, и они чувствовали, что это будет совершенно новый опыт, и некоторые из них говорили об этом с благоговением. Я не имею в виду, что они были хоть немного "напуганы", но они задавались вопросом, смогут ли они точно вспомнить, как управлять своими людьми, и вести их вперед так же уверенно, как если бы они были на параде; некоторые из них думали, что они обязательно пригнут головы, когда полетят пули, и это будет "выглядеть так ужасно".

Мы играли в обычные игры на борту, но утром верхние палубы были отданы матросам, которые занимались муштровкой и физическими упражнениями, чтобы поддерживать их в форме. По просьбе полковника Х. мы, сестры, провели несколько занятий по "оказанию первой помощи". Около тридцати офицеров записали свои имена, как желающие учиться, и присутствовали в

течение получаса каждое утро, и мы научили их простым перевязкам, как остановить кровотечение и как накладывать импровизированные шины и т.д.

На Мадейре мы не могли узнать много новостей с фронта, поэтому предположили, что пока ничего особенного не произошло; у нас было несколько часов на берегу, чтобы размять ноги, и мы посетили фруктовый рынок.

Недалеко от нас на якоре стоял американский военный корабль, и когда мы отчалили, на его реях стояли люди, и люди громко приветствовали нас, а его оркестр играл "Правь Британией".

За время плавания на борту произошло три смерти, все резервисты, и все от пневмонии; казалось таким ужасно печальным, что они должны были бросить свои дома и все, чтобы выбраться, а потом были сбиты с ног еще до того, как увидели врага или сделали выстрел. Я слышал, что эти люди были больны до того, как попали на борт, но не захотели сообщать о себе на случай, если их оставят здесь, и они поднялись на борт прямо из своих постелей в сильный мороз.

Я никогда раньше не выходил в море на таком переполненном корабле; в моей каюте их было четверо, а за неделю или две в море узнаешь хорошие и плохие стороны характера своего товарища по каюте лучше, чем за несколько месяцев на берегу.

За нашим столиком сидел капитан, возглавлявший компанию "джентльменов-йоменов", которые собирались на прогулку, оплачивая все свои расходы: для него было довольно странно, что его солдаты путешествовали в первом салоне. Он служил в армии, но бросил ее, потому что не мог получить пять месяцев бесплатного времени на охоту, кроме как пострелять и порыбачить!

За нашим столом сидел еще один капитан, который был адъютантом генерала Китченера в Суданской кампании и собирался снова присоединиться к нему; он повидал много службы и был очень интересен.

Среди солдат третьего класса есть два мальчика-посыльных из округа, которые выступают в качестве трубачей Капских стрелковых полков.

Во время плавания большинству офицеров и некоторым солдатам сделали прививку от брюшного тифа. Если бы не нехватка лимфы, нам также следовало бы сделать прививку, чтобы избежать пустой траты времени после приземления, но мы отказались от нее, поскольку это было более важно для мужчин, которых, вероятно, отправили бы напрямик в глубь страны.

Воскресенье на борту прошло очень тихо; приятно было видеть большое количество людей на службе Святого Причастия рано утром, и парадная служба была очень сердечной; у нас были хорошо известные гимны "Веди, добрый свет" и "Вперед, христианские солдаты", а затем еще один, который я не так хорошо знал, начинающийся "О Господь, будь с нами, когда мы отплываем", и содержащий два следующих стиха, которые показались особенно подходящими:

"Если долг призовет из-за угрозы раздора"

Охранять наш родной берег,

И выстрел, и гильза реагируют быстро
Грохот приближающейся пушки,
Будь главным стражем нашего воинства,
Пока не прекратятся война и опасность;
Отстаивай свое право, поднимай меч,
И во всем мире установим мир".

В последнюю ночь на борту мы устроили прощальный званый ужин, не сидя на своих обычных местах, а устраивая небольшие вечеринки с участием наших друзей. Всякий раз, когда я отправляюсь в путешествие, я думаю, что есть что-то немного грустное, когда оно подходит к концу, и мы все расстаемся и идем разными путями, но было что-то особенно грустное в том, чтобы попрощаться со всеми этими яркими молодыми людьми, которым пришлось уйти, чтобы "встретить выстрел и разорвать снаряд".

Мы высадились в Кейптауне 20 марта и обнаружили, что десантный корабль с нашими офицерами-медиками на борту прибыл только этим утром, хотя они отплыли за несколько дней до нас; на борту было много больных, и им пришлось отправить почти пятьдесят человек в госпиталь в Кейптауне, и за время плавания у них умерло двое.

Вскоре после того, как мы причалили, я получил приказ доставить наших сестер и их багаж в пансион на Роланд-стрит. Этого мы добились с помощью агентов, которые радуются от имени Divine, Gates & Co.; но мы не успели обосноваться там надолго, когда я получил дальнейшие приказы о том, что мы должны вернуться на наш корабль через день или два, поскольку в Натале наши кровати требовались более срочно, чем в Капской колонии.

Кейптаун был в состоянии сильного волнения; действовало военное положение, повсюду разъезжали вооруженные патрули, и постоянно ходили слухи, что буры находятся недалеко от Кейпа.

Доки были забиты людьми, лошадьми и припасами, все это выгружалось и отправлялось в глубь страны так быстро, как только было возможно.

Я нашел своего брата, который был в разъездах, когда началась война, и не смог вернуться к себе домой в Кимберли. Он пробыл некоторое время на Кейптауне и вскоре собирался в Англию.

Я встретил очень много друзей в Кейптауне; некоторые из Кимберли приехали сюда набирать рекрутов после осады. Все гражданские, с которыми я встречался там, громко выражали свою признательность мистеру Сесилу Роудсу за то, как он работал для них и поддерживал их во время осады, — за его особую заботу о женщинах и детях.

Я повез сестер посмотреть его прекрасный дом, Грут Шуур, и на чай к моим старым друзьям в Кенилуорте.

Мне не терпелось увидеть все, что только можно, о военных госпиталях и о том, как ими управляют, поскольку у меня не было опыта работы в армии; но мой первый визит в крупный военный госпиталь общего профиля не был обнадеживающим, поскольку, по моему мнению, палаты выглядели до некоторой степени грязными и неопрятными; у мужчин на шкафчиках оставались остатки еды от предыдущих приемов пищи, и эта еда была облеплена мухами. Зная, сколько кишечных палочек было в лагере, я подумал, что это большой источник опасности. Мужчины были веселы, как обычно, но жаловались, что им трудно заснуть из-за скопления животных в кроватях; в некоторых палатах ножки кроватей были вставлены в банки из-под сгущенного молока (с некоторым дезинфицирующим средством), но даже это не всегда приносило успех.

В другой раз я посетил Портлендскую больницу и нашел все очень опрятным, а мужчин - очень удобными; у сестер были очень хорошие покои; они, казалось, пришли в ужас, услышав, что мы не привезли с собой горничных-англичанок, поскольку, по их словам, без них им не обойтись в этой дикой стране (в четырех милях от Кейптауна!); но мне уже приходилось иметь дело с прислугой здесь раньше, и я предпочитаю обходиться туземцами.

Впоследствии я посетил другую крупную больницу общего профиля и обнаружил, что она содержится в гораздо лучшем состоянии, чем первая, а пациенты чувствуют себя более комфортно; из чего я заключаю, что это во многом зависит от руководителя, а не столько от системы.

Пока я был там, прибыла группа раненых, большинство из которых были выздоравливающими, но некоторые выглядели довольно плохо, и, казалось, прошло очень много времени, прежде чем их уложили в постель.

Я также посетил склад Красного Креста и увидел, как многие женщины упаковывают сумки для санитарных поездов — пижаму, губку, носовой платок, немного писчей бумаги, карандаш и т. Д. В каждой сумке, которая, должно быть, является самым желанным подарком для солдата прямо из вельда.

Мы снова сели на тот же корабль 24 марта, и у нас было очень тяжелое путешествие вдоль побережья, с заходами в Порт-Элизабет и Восточный Лондон. В последнем месте погода была очень жаркой, небо затянуто облаками, и все офицеры были в своих белых мундирах, когда на нас внезапно обрушился .

Пар был поднят, и все шло быстро на случай, если нам придется выйти в море, но шторм вскоре утих.

Мы прибыли в Дурбан 31 марта, и сейчас много слухов относительно того, где мы должны разбить наш лагерь.

XXVII

Пайнтаун, Натал,
апрель 1900 года.

Когда мы прибыли в Дурбан, город был переполнен, и сестрам пришлось оставаться на борту, пока для них не подыщут комнаты в пансионе. Ближе к вечеру подошел буксир с сообщением, что мы должны сойти на берег и отправиться в дом под названием "Морской бриз" на Смит-стрит. На якорной стоянке было довольно беспокойно, и нам пришлось залезть в корзину, которую перебросили через борт корабля на буксир, затем буксир должен был обойти вокруг и забрать множество лихтеров, которые снабжали другие суда углем и т. Д., И к тому времени, когда мы вошли в гавань, уже смеркалось, и Таможня, предполагая, что все пассажиры высадились раньше, была закрыта.

Я намеревался оставить наш тяжелый багаж в Здании таможни, пока мы не узнаем, куда направляемся; но оставить его на пристани было невозможно, а поблизости не было ни такси, ни тележек, только толпа мальчишек-рикша, разодетых в перья, рога и бусы (и почти ни в чем другом), которые требовали, чтобы нам разрешили перевезти нас в город. В конце концов мы погрузили наш багаж на эти рикши и, распределив между ними сестер, дали мальчикам адрес, и с громкими криками наша кавалькада тронулась рысью; вскоре мы достигли Смит-стрит, но тут начались наши неприятности, никто не знал Морского Бриза; мы обыскали всю улицу, и один пожилой джентльмен сказал мне, что он всю свою жизнь прожил на Смит-стрит, но никогда не видел там Морского Бриза!

Я перепробовала все места, где, по моему мнению, могли находиться наши офицеры — склад RamC.C., отели и т. Д., — Но не смогла их найти, все сестры очень устали и проголодались, а некоторые из них довольно нервничали; затем, по счастливой случайности, мы встретили нашего майора, который вышел посмотреть, удобно ли нам в наших квартирах, и обнаружил, что нам дали название не той улицы!

Около 9 часов вечера мы нашли дом; но хозяйка отказалась от нас и, думая, что мы не высадимся до утра, ушла; но несколько других жильцов (беженцы из Йоханнесбурга) совершили ради нас набег на кладовую, и мы с большим удовольствием поужинали.

На следующий день мы узнали, что идея заключалась в том, чтобы отправить нас на реку Муи, но было решено, что с приближением зимы там будет холодно для больных солдат, поэтому нам лучше быть ближе к побережью; и тогда вперед выступил один дурбанский джентльмен и очень любезно предложил воспользоваться его поместьем в 150 акров в Пайнтауне; это всего в семнадцати милях от Дурбана, но гораздо выше и здоровее; так что предложение было с благодарностью принято, и строительство было немедленно начато.

Затем последовало время, когда нам всем пришлось забыть, что мы пришли "ухаживать за больными и ранеными", и переключиться на другую работу.

Прежде чем они были готовы отправить нас в Пайнтаун, нам всем сделали прививку от брюшного тифа. Это было не из приятных ощущений: моя температура поднялась до 102 °, у меня были сильные боли в животе и головная боль; это было похоже на очень сильный приступ брюшного тифа, но это продержало нас в постели всего два или три дня, а следующие пять или шесть дней мы чувствовали такую слабость, как будто болели месяц.

Как только стало возможно, я отправился посмотреть, где будет построена наша больница, и застал их занятыми выравниванием земли для жестяных павильонов.

На суше уже было три постоянных здания; мы подумали, что из одного получится хорошая палата для офицеров (восемь коек); в другом была большая комната, которая, как мы думали, подойдет для столовой нашего персонала, и несколько маленьких комнат, подходящих для спален офицеров-медиков; а третий представлял собой ряд комнат, отведенных под комнаты сестер, а также различные офисы, склады и т.д.

Санитары разместились в палатках чуть поодаль; все они были санитарями "Скорой помощи Сент-Джона", и ночевка в палатке была для них в новинку, поэтому, конечно, они не знали, как устроиться так же комфортно, как это сделали бы обычные солдаты в новом лагере. Они присоединились, ожидая испытать волнение от работы с носилками на фронте, и когда им приказали выровнять землю под здания или таскать доски и тяжелые ящики из железнодорожных вагонов и помогать строителям возводить павильоны, было много недовольства.

Сначала командующий майор и слышать не хотел о том, чтобы мы отправились наверх, чтобы остаться, пока они не доставят еще кое—что из припасов - кровати, простыни и т. Д.; Но когда он увидел, как медленно они продвигаются и как недовольны люди тем, что им приходится туго, он разрешил мне отправиться наверх с еще одной сестрой, поскольку мы думали, что могли бы немного помочь и, во всяком случае, могли бы показать людям, что готовы взять свою долю.

Доставленный нами госпиталь был рассчитан на сто коек, но возникла острая потребность в большем количестве коек, поэтому Р.М.О. отдал приказ прислать нам больше хижин и открыть госпиталь на двести коек.

На железной дороге было так много работы, что нам было очень трудно заставить грузовики подвозить строительные материалы из Дурбана, а доки Дурбана были так забиты складами, что доставлять товары было труднее всего.

Некоторые из наших медицинских работников добросовестно трудились в доках, грузя вещи на грузовики, в то время как другие наблюдали за разгрузкой в Пайнтауне.

Казалось, что каждый паровоз был необходим для доставки людей, лошадей, припасов, воды и т. Д. На фронт, и единственным чудом было то, что на перегруженной единственной линии рельсов происходило так мало аварий.

Мы приземлились в последний день марта, и вечером 12 апреля мы с сестрой отправились в Пайнтаун по железной дороге, взяв тяжелый багаж всех сестер; а другие сестры отправились оказывать временную помощь на одном из госпитальных судов в Дурбане, пока мы не подыщем для них несколько комнат. Несколько офицеров встретили нас на вокзале, и группа усталости привезла грузовик для нашего багажа. Примерно десятиминутный переход по густому песку привел нас к нашему новому пристанищу.

Наша первая трапеза, что—то вроде ужина, была несколько необычной: стол из сосновых досок в комнате, тускло освещенной двумя свечами, воткнутыми в бутылки; тарелками, ножами и вилками приходилось пользоваться с большой экономией, поскольку их не хватало на всех; немного хорошей солонины, бисквитов и фруктов - и нас обслуживал санитар в рубашке без пиджака, который дома, в Англии, был машинистом и знал больше о смазке двигателей, чем о том, как счищать жир с тарелок!

Погода была очень жаркой, и все офицеры выглядели смертельно усталыми, поэтому вскоре мы решили лечь спать, и нас сопроводили в нашу комнату (в другом здании) при свете оплывающей свечи, поскольку, как говорили, вокруг было много змей.

Они нашли нам две кровати и даже несколько простыней, но больше в нашем номере абсолютно ничего не было. Тем не менее, я разыскал повара, и он одолжил мне ведро с небольшим количеством воды, чтобы утром мы могли начать с умывания.

На следующее утро мы встали еще до шести и всерьез взялись за работу: распаковывали ящики, сортировали припасы и раскладывали их по разным кладовым, пытаясь найти то, в чем мы больше всего нуждались для домашнего использования.

Часть госпитального оборудования была доставлена на берег в Кейптауне и еще не отправлена дальше, а большая часть необходимого все еще находилась в Дурбане, так что было очень трудно продвигать строительные работы; и все это время мы знали, что полевые госпитали были переполнены, и нам нужно было прислать к нам людей, чтобы дать им шанс на выздоровление; и мы слышали, что генералы говорили, что они не могут больше сражаться, пока не очистят Полевые госпитали.

Все витрины магазинов были пронумерованы, так что, когда нам требовалась какая-то конкретная вещь, мы должны были искать в списке номер ее витрины, а затем рыться, пока не находили этот номер; весь день только и было, что "Вы видели 4507?" — "Нет, я хочу 5470". Иногда мы находили много кувшинов, а потом не могли найти миски; иногда много блюдец, а чашек нет; и казалось, что нам никогда не удастся навести порядок в этом хаосе.

Сначала у нас не было прислуги, и все санитары были заняты переноской строительных материалов наверх, поэтому мы с сестрой содержали спальни в порядке, а медицинские работники (в свою очередь) носили воду для ванн! Как только я смог, я нанял прекрасного старого кафра в качестве слуги, и "Джон" теперь отличный помощник.

Прежде всего мы постарались обставить комнаты самой необходимой мебелью для остальных офицеров и сестер, чтобы они все могли прийти и помочь нам.

Если бы вы увидели пристань в Дурбане, вы бы удивились, что магазины вообще когда-либо доставлялись по назначению; буквально сотни тонн коробок сложены в безнадежном беспорядке. Дурбан немного перегружен военными требованиями, и в некоторых магазинах совсем закончились запасы.

3 апреля мы были очень встревожены сильным слухом о падении Мафекинга. Они говорят, что все маленькие дети там умерли. Вчера мы узнали о потере британского конвоя и пяти орудий, а также о том, что буры снова вошли в лагерь, совсем недалеко от того места, где был взят Кронье.

Дурбан полон беженцев и людей из Ледисмита, набирающих армию после осады. Я посетил одно из судов-госпиталей, *Лисморский замок*, прежде чем приехать сюда, и мне было грустно видеть *скелеты* из Ледисмита; один совсем молодой парень рассказал мне, что приехал сюда из Индии, заболел тифом вскоре после начала осады, затем, как только он начал выздоравливать, единственной пищей, которую ему могли давать, была мучнистая мука и немного конины, так что он заболел дизентерией. Сейчас он идет на поправку, но со всеми ними это медленная работа.

До того, как мы приехали, наши комнаты были заняты беженцами, и блох здесь предостаточно; я подхватываю около шести, *чтобы умереть*, и один раз за ночь. К счастью, у нас практически нет комаров. Ужасно жарко, и медицинские работники ходят только в брюках и жилетах: жаль, что мы не можем носить так мало!

Это очень отрывочное письмо; мы работаем с 6 утра до сумерек, а потом я немного набрасываю перед сном, но я до некоторой степени устал и должен заполнить пробелы в следующем.

XXVIII

Пайнтаун, Натал,
апрель 1900 года.

Вы не должны ожидать, что я расскажу вам что-либо о ходе войны; здешние газеты сообщают нам очень мало новостей; конечно, до нас постоянно доходят множество поразительных слухов, но на следующий день они часто опровергаются, и, вероятно, у вас дома в газетах больше достоверных сведений о действиях наших войск, чем у нас.

Поэтому я просто вкратце расскажу здесь о нашей повседневной работе.

Мы постепенно приходим к порядку, но в настоящее время жизнь - это скорее борьба с трудностями.

Вы видите, что мы не совсем гражданская больница и не совсем военный госпиталь; для тех 100 коек, которые мы привезли, мы были хорошо оборудованы и имели гораздо больше удобств, чем мог бы предоставить военный госпиталь, но теперь у нас должно быть 200 коек, и наши ресурсы несколько ограничены.

Я обнаружил, что официант в столовой был без пиджака, потому что бедняга лечился от скарлатины на борту корабля, и все его снаряжение пришлось сжечь, поэтому я нарядил его в пижамные куртки, чтобы он прислуживал за столом, пока у меня не появится время съездить в Дурбан и купить ему пару белых тренировочных курток.

После нескольких дней работы по распаковке вещей мы вполне цивилизованно занялись обустройством нашей комнаты и послали за другими сестрами, чтобы они поднялись и помогли.

Если бы не нужно было так спешить с подготовкой помещения, это действительно было бы очень забавно; большая часть мебели была сильно повреждена по дороге, и мы все попробовали свои силы в починке — видеть нашего старшего хирурга (который входит в штат крупной больницы в Англии), сидящего на земле и пытающегося поставить ногу на умывальник или вставить выдвижной ящик в комод, - прекрасное зрелище; Я сделал своим кодаком несколько снимков персонала в непрофессиональной одежде и за непрофессиональной работой. Я надеюсь, что с ними все будет в порядке, но я не вижу большой перспективы иметь время для их разработки.

Помещение оборудовано, но еще не использовалось, и мистер ... усердно работает, приводя в порядок рентгеновский кабинет и устанавливая свой аппарат.

Наши запасы продовольствия (которые здесь всегда назывались "скофф" — так кафры называют пищу) поначалу были очень непостоянными. Иногда мяса не находилось, и тогда мы заменяли его говяжьим фаршем, которое действительно было неплохим, или сардинами; иногда не было хлеба, тогда мы использовали бочку с печеньем, которая стояла в столовой — вы не представляете, как трудно съесть столько печенья, чтобы насытиться (они почти такие же твердые, как собачьи бисквиты!), И примерно через полчаса вы снова чувствуете голод; иногда нет масла — тогда мармелад. Сейчас проблемы возникают более регулярно, и я надеюсь, что так будет и дальше, поскольку нам легко шутить о нехватке общего достояния для самих себя, но это не шутка, когда у вас есть больные люди, нуждающиеся в тщательном подкармливании.

Одно очень приятно - фрукты почти созрели, и скоро у нас будет много ананасов и апельсинов.

Наш повар, кажется, старается приготовить все как можно лучше; он совсем еще юноша, но ему удастся готовить для всех нас (включая мужчин), используя только дрова под чем-то вроде решетки на открытом воздухе.

На днях мы очень обрадовались, когда наткнулись на коробку "Маминых овсяных хлопьев"! и, похоже, почти все любят кашу на завтрак. Поскольку все еще очень жарко, с запасами продуктов трудно управляться, мясо с трудом сохраняется от одного блюда к другому, даже при приготовлении; а при очень ограниченных запасах мне очень трудно следить за тем, чтобы все было закрыто и защищено от мух.

До сих пор у нас не было свежего молока, но теперь прибыли две коровы, и мне приходится наблюдать, как мальчики доят их, поскольку мы платим за молоко количеством поставляемых бутылок!

Мы только что узнали, что бедная старая *мексиканка* затонула во время своего плавания: жертв нет, но мы опасаемся, что наши письма пошли ко дну вместе с ней.

Меня беспокоит то, что большая емкость, о которой я специально просил, в которой мы могли бы прокипятить все тифозное белье, была сломана по дороге, и я не думаю, что смогу достать другую. Мы устраиваем место для прачек за больницей, на склоне, где их вода будет стекать в противоположную от нас сторону; Я хотел бы иметь отдельное место для стирки персонала, но не могу с этим справиться, поэтому должен довольствоваться содержанием специальных женщин и специальных ванн и т. Д. Для этого.

Сейчас люди действительно работают очень хорошо, и им приходится выполнять тяжелую работу; их пришлось долго убеждать работать в субботу днем; но мы слышали, что Полевые госпитали переполнены 2000 больными, только с этой стороны, поэтому мы должны продвигаться к зданию.

Мы приводим в порядок все в большом складском помещении, так что, как только любой из больших павильонов будет закончен, у нас будет вся фурнитура, полностью готовая к выпуску.

Я был там, чтобы повидаться с полицейским в Дурбане. Он кажется очень милым и готов оказать нам всю возможную помощь; кажется, он рад, что у нас будут дополнительные кровати, и обещает прислать нам больше врачей, сестер и санитаров; мы скорее надеемся, что некоторые из санитаров окажутся членами Королевского экипажа и что они придадут немного мужества нашей команде, которая, осмелюсь предположить, станет лучше, когда мы наведем порядок, но многие из них сейчас скорее склонны говорить: "Мы не сдали экзамены и приехали сюда выполнять работу землекопов".

Конечно, я был бы рад получить помещение побольше, поскольку знаю, что оно крайне необходимо, но перспектива увидеть 100 больных, за которыми должным образом ухаживают эти неподготовленные люди, вызвала тревогу, а теперь перспектива 200 больных с большим количеством (возможно) неподготовленных санитаров плюс несколько неизвестных сестер вызывает еще большую тревогу; но я полагаю, мы как-нибудь справимся.

Я буду так рад, когда у мужчин появится время подстричь высокую траву вокруг лагеря, потому что вокруг довольно много змей (две были убиты совсем рядом с моей комнатой). Мы все носим парусиновые гетры, как своего рода защиту; но вокруг водятся и другие странные существа, и однажды ночью с соседней станции пришла телеграмма, в которой говорилось, что леопард или что-то в этом роде утащило кафрского детеныша, и мы должны были присматривать за зверем; так что мужчины были очень взволнованы, но они ничего о нем не видели.

В прошлое воскресенье была Пасха, и у мужчин был столь необходимый день отдыха, но сестры и офицеры большую часть дня распаковывали и сортировали самые неотложные вещи. Вечером мы закончили работу и отправились на службу в Пайнтаунскую церковь.

На следующий день (16 апреля) мы, как обычно, приступили к работе, когда свисток старшины собрал всю команду: пришла телеграмма с сообщением, что примерно в трех милях отсюда сошел с рельсов воинский эшелон.

Майор ушел в сопровождении офицеров-медиков и санитаров с носилками. Я снабдил их бренди, водой, кружкой, штопором и прочим, а затем разыскал немного корпии, бинтов и несколько шин и послал их за ними.

Двое или трое санитаров, которым было плохо в лагере, спустились посмотреть, что означает тревога, и хотели пойти помочь, но они выглядели не в состоянии пробежать три мили под палящим солнцем, поэтому я велел им собрать всех оставшихся туземцев, и мы поспешно очистили здание, которое должно было стать офицерским отделением (временно использовавшимся как кладовая). Мы поручили нескольким мальчикам отскрести пол и вымыть окна, в то время как санитары сколотили несколько кроватей, а сестры собрали постельное белье и застелили его, и я достал из магазина самое необходимое для палаты, так что, когда прибыла бригада санитаров, у нас была вполне пригодная для них маленькая хирургическая палата.

Были убиты два бедолаги, и пятнадцать мулов были либо мертвы, либо их пришлось пристрелить; трое военнослужащих были ранены, у одного была сильно сломана нога, у других сотрясение мозга и т. Д., А у двух черных погонщиков мулов были ужасно раздроблены руки. Майор распорядился разбить палатку для этих туземцев недалеко от палаты. Удивительно, что они не погибли, поскольку находились в одном грузовике с бедными мулами.

Одной сестре и нескольким санитарам было приказано присматривать за этими нашими первыми пациентами; а затем мы вернулись к нашим строительным занятиям.

Я не приставлял ночную сестру к этим нескольким пациентам, но я иногда обхожу их ночью (блохи всегда будят меня по крайней мере один раз, иначе я так устаю, что не думаю, что смог бы проснуться сам), просто чтобы убедиться, что санитары не спят и все в порядке, а медицинские работники делают обход в последнюю очередь перед тем, как лечь спать, и к 6 утра мы все готовы.

Один из раненых бойцов A.S.C. был болен до того, как прибыл сюда, и, похоже, у него брюшной тиф.

Прошлой ночью, после более чем обычно знойного дня, у нас шел проливной дождь. Бедных санитаров смыло из палаток, и все их вещи промокли. Они не привыкли к грубости, и им это не нравится.

Кажется, прошло так много времени с тех пор, как я был здесь, но я был здесь всего за четыре дня до поступления этих случаев, и мы надеемся, что примерно через неделю сможем сообщить, что готовы принимать пациентов с фронта.

XXIX

Пайнтаун, Натал,
май 1900 года.

Теперь мы наконец-то по-настоящему приступили к работе, и хотя я не могу сказать, что все идет очень гладко, я думаю, что за пациентами хорошо ухаживают, и я полагаю, нам следует ожидать, что в течение некоторого времени нам придется преодолевать трудности.

26 апреля санитарный поезд принцессы Кристиан доставил нам четырнадцать офицеров и шестнадцать рядовых, все на носилках, и все очень больные.

Они прибыли из полевых госпиталей, и если бы кто-то не знал, насколько невозможно ухаживать за ними или даже накормить их там, можно было бы сказать, что это было почти убийством - отправлять их в многочасовое путешествие (более 200 миль) в тряском поезде.

В этой первой партии не было раненых, и я думаю, что только четверо или пятеро не болели тифом на той или иной стадии, от нескольких дней до трех недель и более.

Первые два-три дня мы работали днем и ночью, поскольку каждому пациенту, казалось, требовался индивидуальный уход, чтобы у него был шанс прийти в себя; санитарам (хотя и очень хотелось) было чему поучиться в палате; они не могли даже раздеть этих пациентов, когда их укладывали на кровати, не говоря уже о том, чтобы помыть их; бредящий человек был для них новым опытом, и если он вставал с кровати и ложился на пол, санитар подходил и спрашивал сестру, что ему лучше делать!

Врачи сказали нам, что четверо из этих пациентов не смогли пережить первую ночь (у некоторых из них было сильное кровотечение), но все они боролись в ту ночь, и только неделю спустя один бедняга из Королевской артиллерии выскользнул у нас из рук от полного истощения, так и не придя в сознание. Его товарищи рассказали нам, что ранее он лежал в больнице с солнечным ударом и некоторое время болел тифом, прежде чем попал сюда.

Я не могу описать состояние этих людей; они неделями не снимали одежду, ползучих тварей много, но мы постепенно приводим их в порядок. У тех, кто какое—то время болел, болят спины - я не могу сказать "*пролежни*", поскольку у них не было кроватей.

Многие из них приехали из Эландслаагте, и я полагаю, что там очень не хватает молока и воды — ни одной из последних для мытья.

Несколько человек пробыли у нас больше недели, прежде чем они вообще пришли в сознание; но у тех, кто *был* в сознании, такие удобства, как хорошая постель и хорошее мытье, вызвали слезы благодарности на их глазах. Со многими из них прошли месяцы с тех пор, как они спали в одной постели: мало кто делал это с тех пор, как они приземлились в этой стране, и некоторые из них кажутся такими мальчишками, которым столько пришлось пережить.

Поначалу я тратил много времени, помогая сестре в офицерском отделении, обмывая и устраивая пациентов поудобнее, и было очень жаль видеть этих молодых людей — большинство из них, вероятно, воспитывались в роскоши — такими изможденными и худыми, и *такими* благодарными за то небольшое, что мы могли уделить времени для их комфорта.

Лейтенант - пролежал два месяца с пулей в паху, а теперь снова тяжело болен тифом.

Капитан ... из Королевского военно-морского флота, прошел всю осаду Ледисмита и переболел там тифом; теперь у него проблемы с печенью, и он выглядит ужасно больным; я думаю, ему придется отправиться домой на операцию.

Капитан Королевской артиллерии... был самым тяжелым заболевшим тифом среди офицеров, некоторое время его температура держалась на отметках 105 и 106, и он был в сильном бреду; ему все время казалось, что он видит отряды буров, и он сказал мне, что я худший разведчик, с которым он когда-либо сталкивался, поскольку я их не видел. Сейчас у него все хорошо.

Лейтенант ... из армейского обслуживающего корпуса в течение четырех недель болел тифом, прежде чем его высадили сюда (все еще с очень высокой температурой). Он рассказал мне, что не менее пяти раз его переносили на носилках с одного места на другое, пока его полк перебрасывался, и он сказал, что приказ о переезде, казалось, всегда поступал вечером, когда у него была самая высокая температура, и он чувствовал себя так плохо, что в конце концов он умолял их оставить его умирать; они никогда не могли дать ему подходящей пищи, и часто ее было недостаточно неподходящей, и когда, наконец, он добрался до линии, ему пришлось 280 миль трястись по однопутным рельсам, прежде чем он добрался до нас - такое обращение для человека, которому не хватало еды. дело в том, что дома мы должны почти бояться подниматься с одной кровати на другую! Но сейчас он действительно идет на поправку, и я надеюсь, что вскоре мы сможем отправить его домой для вербовки.

Мне никогда не приходилось давать пациентам столько стимулирующих средств, сколько нам приходилось давать этим мужчинам; всю первую ночь я ходила по кругу и давала молоко и бренди, или боврил, худшим пациентам, в то время как ночная сестра протирала губкой тех, у кого температура была самой высокой; несколько мужчин в первые несколько дней принимали по десять унций бренди. Последние несколько месяцев они были так переутомлены и недоедали, что, казалось, у них не осталось ни грамма сил для борьбы с лихорадкой.

Предполагается, что женщина—суперинтендант в армии сама присматривает за отделением - обычно за офицерским отделением; но я еще не взяла отделение, так как, пока мы не заполнимся, сестер достаточно, и мне кажется более выгодным снабжать сестер из магазинов, присматривать за кухаркой, слугами и прачками (я боюсь, что мои волосы поседеют от моих попыток хранить белье для больных тифом отдельно), не говоря уже о коровах, которые не пользуются успехом; и нам пришлось прибегнуть к замороженному молоку. из Австралии — в целом хороший, но иногда возникают трудности с его разморозкой.

У нас здесь нет квартирмейстера, а человек, отвечающий за склады, совершенно не привык к своей работе, так что мне приходится заниматься множеством вещей, к которым армейская дама-суперинтендант, как правило, не имеет отношения.

Я очень боюсь, что некоторые из наших санитаров заболеют тифом; конечно, им трудно осознать опасность, которой они не видят, и хотя мы все читаем им лекции о мерах предосторожности, сами мы так заняты, что их трудно соблюдать; и только поначалу было так много пациентов без сознания, с сильным поносом и кровотечениями, так что санитарам приходилось постоянно менять простыни и т. Д.

Кажется, я говорил вам, что некоторые санитары были больны, когда прибыли наши первые пациенты (после железнодорожной катастрофы); оказалось, что у них была форма лихорадки денге, и теперь медицинские работники тоже потворствуют ей; это скорее похоже на грипп — высокая температура в течение двух или трех дней, а затем они очень слабы и еще несколько дней падают духом. Я только надеюсь, что сестры воздержатся от этого, пока санитары не получат немного большего образования: в настоящее время они примерно так же полезны, как обычная камеристка дома, и сестрам приходится действовать как сестрам, старшим медсестрам и стажерам; но я не хочу ворчать на них, поскольку они хорошо работают, стремятся учиться и очень терпеливы с мужчинами (некоторые из них в полубреду), которые весь день кричат "Аккуратный, аккуратный".

Если бы среди них было несколько сотрудников R.A.M.C. или даже один или два надзирателя за отделениями R.A.M.C., было бы легче; а так среди них нет ни одного человека, который хоть что-то знает об обычной рутине в больнице, хотя они хорошо разбираются в "Первой помощи" (которая нам здесь не нужна).

Здания достраиваются, и мы готовы принять еще пациентов, как только они смогут сесть на поезд, который доставит их сюда. Пока мы ничего не слышим о других медицинских сотрудниках, сестрах или санитарях.

Один из мужчин сказал мне, что, по его мнению, никто из нас не может понять, какая это роскошь - умыться, иметь удобную постель и чистую одежду; что в течение нескольких месяцев он маршировал и спал (под открытым небом) в одном костюме, часто промокшем насквозь, и оставался мокрым до тех пор, пока не выглянет солнце, чтобы высушить его; он сказал, что в

высокогорном вельде ночи были очень холодными, и у них часто не было ничего, кроме своих шинелей, в которых они могли спать; если им повезет, и фургоны с багажом поспеют за ними, у них также будет место для ночлега. одеяло и, возможно, простыню макинтоша; но что багажные повозки имели обыкновение застревать на последнем перегоне, и тогда у них оставалось только то, что они везли.

Если бы мы приехали в Южную Африку только для того, чтобы вылечить эту группу из тридцати офицеров и рядовых, я думаю, это стоило бы того, потому что они были настолько плохи, насколько это вообще возможно, и нельзя не думать о тревоге их бедных друзей дома, которые видели, как их занесли в "списки опасных" из их полевых госпиталей; а мы работаем день и ночь, пытаюсь заставить их прийти в себя. Умер только один человек, и я думаю, что остальные справятся, хотя некоторые из них все еще довольно плохи.

Капитан - Чейн Стоукс дышал две ночи и очень беспокоил нас, но сейчас ему явно лучше.

Епископ Претории приходил к нам на обед на днях и был очень любезен, навестив мужчин.

Мы ожидаем новых мужчин со дня на день, и 25 числа этого месяца мы должны быть официально "открыты" (полагаю, в день рождения принцессы Кристиан); ожидается множество людей из Дурбана и Питермарицбурга.

Я не мог не подумать на днях, когда все эти тридцать человек обрушились на нас за пару часов, о старых лондонских временах, когда мы думали, что у нас был очень тяжелый день, если в нашу палату поступали шесть или восемь пациентов за день; а там у нас было все наготове и несколько хорошо обученных медсестер для помощи. Здесь я вижу, что пройдет немного времени, прежде чем сестры поймут, что бесполезно пытаться делать все так же, как мы можем дома, и им придется различать *основы* хорошего ухода, которые у нас должны быть, и излишнюю отделку, без которой мы должны обходиться.

XXX

Пайнтаун, Натал,
июнь 1900 года.

С тех пор, как я писал в последний раз, у нас было напряженное время работы. По-моему, я уже говорил вам, что несколько санитаров заболели, когда к нам поступили первые пациенты, лихорадкой денге, и вскоре медицинские работники начали заболевать ею — сначала один, потом другой; затем ее заболели сестры; никто не был серьезно болен, но температура была высокой в течение нескольких дней, и, конечно, после того, как она спала, они были слабыми и истощаемыми; так что у нас некоторое время не было полного штата на работе, а из-за большого количества тяжелых случаев в палатах это очень осложнило ситуацию.

Поступило несколько странных случаев, и 17-го числа мы приняли пятерых офицеров, а затем 19-го числа прошлого месяца мы приняли восемь офицеров и тридцать человек из Моддер-Спрута, большинство из них были очень больны, а у одного бедняги было настолько сильное кровотечение (кишечное), что он умер в ту же ночь.

Нам пришлось открыть второе отделение для офицеров, и назначенная дежурная сестра была совершенно безнадёжна (при таком количестве тяжёлых случаев и такой неэффективной помощи); поэтому мне пришлось потратить много времени, помогая ей ухаживать за тяжелейшими случаями, а затем на следующее утро после их прибытия я обнаружил, что у нее лихорадка денге и она не может выходить на дежурство; поэтому мне пришлось взять на себя ответственность за ее отделение на несколько дней и делать все возможное, ухаживая за пациентами с помощью санитаров, несмотря на постоянные перерывы и просьбы о помощи или совете из разных частей лагеря.

С каждым таким новым для работ—повар совсем не привык к военной пути или отбывания больничного диеты, кладовщик не зная, где что лежит, или же он должен оформить его, когда он знал, десять каффир женщины стирают, кто не может читать следы на белье, и так были совершенно неспособны возвращая его в нужное место без моей помощи, и, чтобы сделать работу по дому, несколько новых каффир мальчиков, которые на самом деле довольно "сырой" и нужно постоянно присматривать (они радуются имена Джон, понедельник, Чарли, и чашкой-чая; они могут говорить о шести английских слов между ними, и это ужасно смешно слышать санитаров, пытаюсь заставить их понять), много других работ, которые нужно выполнить в связи с установкой новых приходов и подготовке к открытию день церемонии—вы можете себе представить, трудно было бы связаны в одной палате с больными офицерами, которые требуется все самое лучшее и внимание, и многое другое; но это должно было быть сделано, и мне пришлось уйти, остальные делают все, что могут, лишь обходя присутствовать на самые необходимые вещи, когда я могу потратить полчаса в день, и после ночи сестра пришла ночью.

Моим худшим случаем был бедный капитан ..., из ... драгун, который был отчаянно плох со дня поступления и большую часть времени бредил; лейтенант ..., из того же полка (его друг), был очень добр, сидя с ним часть дня, а когда ему было хуже всего, мы с одной из других сестер по очереди исполняли обязанности дежурного по ночам (поскольку ночная сестра вряд ли могла оставаться с ним надолго); но он был совершенно измотан тяготами кампании, прежде чем у него поднялась температура, и хотя он задержался на несколько часов. чтобы мы продолжали надеяться, что он выкарабкается, он умер 30 мая — наша первая смерть среди офицеров, и мы все были очень опечалены. Это было ужасно для лейтенанта ... (больного ревматизмом), поскольку он знает родственников капитана и ежедневно телеграфировал им. Похороны были на следующий день, и начальник станции любезно остановил здесь товарный поезд, чтобы те немногие пациенты-офицеры, которые были достаточно здоровы, могли отправиться в Пайнтаун на похороны, и все офицеры-медики, которые могли уехать, тоже поехали. Я был слишком занят, чтобы пойти, но я помог лейтенанту сделать крест из белых цветов, чтобы положить на гроб.

Что всегда вызывает у меня мурашки, когда я работаю в магазине, так это вид в углу небольшой груды гробов, присланных из Дурбана; конечно, их действительно необходимо держать наготове, поскольку в этом климате похороны должны быть на следующий день после смерти, но сейчас мы их прикрыли, так как мне не хотелось, чтобы мужчины видели их, когда они поднимались в магазин за вещами.

Вся та последняя группа людей была ужасно отравлена кишечнорастворимым препаратом, и, казалось, ничто не могло остановить это; шестеро из них умерли, и у большинства из них тоже были симптомы заражения крови.

Кажется, я не говорил вам, что две сестры, которые отправились помогать на одном из госпитальных кораблей, пока мы не подготовим для них комнаты, приехали в начале мая. Они привели скудный отчет об уходе за больными на этом конкретном корабле и сказали, что, когда они уходили, на борту не осталось полностью обученной медсестры; что у значительной части мужчин, которые болели какое-либо время, болели спины (у некоторых еще до того, как они добрались до корабля). Кажется печальным, что, когда в Англии так много высококвалифицированных медсестер, жаждущих выйти на работу, эти бедняги не должны получать лучший уход, который у них может быть, даже прямо на базе.

21 мая мы слышали, что компания Mafeking действительно почувствовала облегчение, а 25 мая мы были официально "открыты". Церемонию должен был провести генерал Вулф Мюррей, но он не смог приехать, так как за ним послал генерал Буллер, поэтому епископ Натальский и полковник Моррис провели ее между собой.

Из Марицбурга и Дурбана ходили специальные поезда; на ленч пришло довольно много людей, а днем была такая толпа — никто, кажется, не знает, сколько, но я думаю, что мы угостили чаем около пятисот человек. К счастью, сестра снова была на дежурстве, так что меня не поместили в ее палату, но она все еще нуждалась в помощи в тяжелых случаях. Я заварила чай в пакетиках посреди ночи, когда была моя очередь сидеть с бедным капитаном ..., и несколько человек, которые живут неподалеку, были очень добры, помогая мне расставлять цветы в тот день, и они нарезали для меня торт. К нам приехало много официантов-кули из Дурбана, а наши слуги и еще несколько человек, которых миссис Т. (очень добрая соседка) прислала помочь, мыли посуду весь день.

Не могу сказать, что мне понравился этот день, так как у нас было несколько тяжело больных пациентов, и двое бедолаг умерли в тот день, но нам удалось сохранить их палату (и одну из палат офицеров) закрытой для посетителей, поэтому их никто не беспокоил, и все прошло гладко и хорошо.

Когда посетители уходили, я спросил майора, могут ли санитары подойти и доесть пирожные и т. Д., Поскольку в урнах еще оставалось немного хорошего чая, и все они работали очень хорошо, поэтому он сказал старшине, что они могут. Меня позабавила одна вещь: я взял большую жестянку и отдал ее старшему сержанту, попросив его оставить несколько пирожных для ночных санитаров, но он указал мне, что все они были на месте; новость о чае и хорошем "скоффе" вывела их всех из палаток, и вскоре они быстро расправились с остатками.

Однажды я поехал в Дурбан, чтобы сделать кое-какие необходимые покупки, и в поезде встретил полковника Голуэя, П.М.О., который направлялся инспектировать госпитальные суда. Он был очень мил со мной и сказал, что если я захочу нанять сюда еще каких-нибудь сестер, я могла бы это сделать, и он возьмет их на работу; поэтому я нанимаю леди в качестве своего рода стажера и экономки. Ее муж на фронте, и она хочет помочь, и я думаю, что она сможет во многом меня разгрузить, присматривая за мальчиками по дому, раскладывая белье и т. Д.

Наши сестры работают ужасно хорошо, но некоторые из них не очень ладят с санитарями — большая ошибка: они, кажется, не в состоянии скрыть тот факт, что считают санитаров очень бесполезными и неспособными, и, следовательно, санитары не делают всего, что в их силах, работая с ними; это очень жаль, поскольку мужчины весьма желают и стремятся учиться и очень терпеливы при выполнении многих работ, которые, должно быть, очень тяжелы для них.

Наконец-то у меня есть милая белая женщина, которая присматривает за кафрскими прачками, и она будет заниматься накрахмаливанием и прочим для персонала. Двое кафров весь день мылись с младенцами, привязанными к их спинам, — такими веселыми, толстенькими и блестящими, маленькими чернокожими маврами. Я дал им пустой упаковочный ящик с небольшим количеством опилок и коврик, и малыши, и матери были в восторге.

На днях я действительно ездил верхом; миссис Д. любезно одолжила мне лошадь, и я поехал с майором в очень интересный монастырь траппистов. Отцы-трапписты обрабатывают много земли и обучают местных мальчиков различным ремеслам. Они собираются снабжать нас яйцами, овощами и т. Д., И майор договорился с ними, что они должны навестить наших пациентов-католиков, и, если кто-нибудь из них умрет, они похоронят их на своем церковном кладбище.

Нам понадобится лошадь для похорон, и нам предложили довольно симпатичное черное животное, так что я надеюсь, что к моим разнообразным обязанностям добавится забота о том, чтобы тренировать похоронную лошадь!

Я не очень люблю гулять здесь, здесь так много высокой травы, и ты покрываешься клещами (не говоря уже о естественном страхе человека перед змеями), так что случайный час или два верхом на лошади освежат меня, хотя до сих пор я почти не покидал лагерь, если не считать одного посещения церкви в Пайнтауне по воскресеньям.

На днях я получила письмо от секретаря Женского клуба Дурбана, в котором говорилось, что они сделали всех нас почетными членами — очень доброе и дружеское внимание с их стороны. Это хороший клуб, но будет ли у нас когда-нибудь время им воспользоваться, еще предстоит выяснить.

Здесь много странных животных: огромная сова становится совсем ручной и приходит покормиться к ночной сестре.

Мужчины пытаются подстрелить дикую кошку, но не могут подойти к ней близко. Услышав, как они говорили об этом, я была довольно напугана прошлой ночью (спала с открытыми дверью и окном), когда что-то выпрыгнуло из окна на мою кровать; Я почувствовала, как оно подкрадывается ко мне, и как раз собиралась нырнуть под одеяло, когда оно начало мурлыкать, и я обнаружила, что это был лагерный котенок!

XXXI

Пайнтаун, Натал,
июнь 1900 года.

Довольно сложно понять, о чем писать, что вас заинтересует. Работы всегда много, но она не носит захватывающего характера — просто постоянное продвижение вперед, с постоянно возникающими трудностями, через которые приходится пробираться.

Если бы у меня было время посидеть и поговорить с пациентами, я мог бы услышать много захватывающих историй, но большую часть своего времени я провожу с теми, кто слишком болен для долгих разговоров. Кажется, я рассказывал вам о прибытии офицеров и матросов из Моддера Спрута. Открытие большой палаты для этих офицеров вызвало некоторые трудности, так как она находится очень далеко от кухни, но вскоре мы привезли из Дурбана горячие банки, крышки и т. Д., И теперь кормление идет лучше.

Майор ... был очень болен отравлением трутомаином до того, как прибыл сюда. В этом климате его было трудно кормить, и он очень медленно набирался сил, но сейчас он хорошо идет на поправку. Затем был светлицей *мальчик* с острым ревматизмом, который сказал, что не был в постели шесть месяцев, и это было "просто божественно". Лейтенант (сын епископа) ростом 6 футов 6 дюймов, и нам приходится закутывать его ноги на стул за изножьем кровати. У него кишечная недостаточность, но не такая уж серьезная; на днях он позвал меня к себе и сказал, что его постигло самое горькое разочарование в его жизни — врач прописал ему яйцо, и он терпеливо ждал до чая, ожидая вкусное вареное яйцо, но он и не знал, что санитар принесет ему взбитое яйцо, и он почти выпил его, прежде чем узнал!

Затем есть младший лейтенант ..., которому на вид около шестнадцати, и который присоединился к своему полку всего девять месяцев назад, но он видел много сражений и был при Спирит-Копе, Питерс-Хилл и других битвах. Некоторые из его людей здесь, и они о нем высокого мнения; они говорят, что при Спирит-Копе все его старшие были либо убиты, либо ранены, но он вел людей вперед настолько спокойно и хорошо, насколько это было возможно; я думаю, что он получил за это "упоминание". Его капитан написал мне, так мило расспрашивая о нем, и сказал: "Он хороший мальчик, и слушается, когда летят пули". Он был тяжело ранен, и теперь у него кишечная недостаточность, но незначительная. Все остальные офицеры называют его "мальчик". Я надеюсь, что мы скоро сможем отправить его домой к его народу, поскольку я думаю, что он внес свою лепту.

Некоторые из этих офицеров уже начинают приходить в себя, и они *will* пойдут навестить офицеров в маленькой палате и убедят их угостить их там чаем, а затем вернутся и тоже нальют себе чаю. Они говорят, что "наверстывают упущенное за прошлые трудности"! Среди той же группы людей были двое или трое довольно сообразительных бойцов из Королевского командования, и мы не думаем, что они снова будут пригодны для службы на фронте в этой кампании: они будут вполне довольны остаться здесь и работать, как только достаточно поправятся.

Мы только что привели в рабочее состояние электрическое освещение; и, хотя оно довольно неустойчиво и часто гаснет, в целом это большое утешение.

В Дурбане был зафиксирован случай бубонной чумы, но, похоже, они не считают, что она может распространиться.

Прибыли еще двадцать санитаров "Скорой помощи Сент-Джона", и к концу мая все здания были достроены.

Я несколько раз катался на похоронном коне, и, поскольку он очень ручной в упряжи, я был поражен, обнаружив, что он довольно веселый и его трудно держать в руках; но мы выяснили, что когда-то это была скаковая лошадь, и, конечно, на нем никогда раньше не было седла.

Наш милый компаундер был ужасно болен аппендицитом и дизентерией. Нам приходилось писать каждое письмо его людям, но теперь я рад сообщить, что у него все хорошо. У нескольких санитаров кишечная недостаточность, в том числе у официанта из нашей столовой; так что "Чашке чая" приходится обслуживать нашу столовую из восемнадцати человек, и за ней нужно много присматривать.

Я ожидаю, что скоро мне дадут другого санитаря, но так много больных, палаты тяжелые, и для ночного дежурства нужно много людей. Каждые несколько ночей санитарам приходится выполнять закливание во время ночного (а также их обычного дневного) дежурства, поэтому они довольно склонны ворчать, и им трудно не заснуть; но я не думаю, что кто-то из них работает дольше, чем я, поскольку я часто хожу по ночам, когда поступают первые тяжелые случаи; поэтому они ворчат не слишком громко.

Сестры, казалось, порядком устали, поэтому я начал давать им по очереди ежемесячный выходной и присматриваю за их подопечными. Я нахожу это довольно полезным, поскольку у меня появляется хорошая возможность увидеть, как они справились, а также узнать, насколько хороши санитары; очень трогательно, насколько они добры ко мне: они хотят показать мне, что им можно доверять, и делают все возможное, чтобы избавить меня от неприятностей в эти "выходные". Начиная с старшего сержанта и ниже, они всегда были очень добры ко мне, и я уверена, что очень мало делаю для них (за исключением случаев, когда они больны и нуждаются в уходе), кроме как ругаю их за проступки, о которых сообщают сестры.

Интересно, догадываются ли они, что я все время чувствую, что сестры ожидают от них слишком многого!

Меня позабавило, когда на днях прибыл новый сержант с двадцатью солдатами; конечно, сначала они никого из нас не узнали, а когда я встретил их и сказал "Доброе утро", они просто разинули рты. На следующий день я отправил группу усталости прибраться в магазине посуды и белья; конечно, наша старая группа людей отдавала честь, когда я шел показывать им, что я хотел сделать; и я ожидаю, что новые люди получили от них несколько слов об их вялых манерах после этого, потому что с тех пор они очень чопорно выстраиваются и отдают честь всякий раз, когда они приходят за заказами или с сообщением. Я слышал, что армейским сестрам, как правило, не отдают честь.

Кажется, я уже говорил вам, как сильно мы страдали от блох поначалу; теперь они полностью исчезли. У нас двадцать кули и хороший санитар, отвечающий за них, и они выполняют всю санитарную работу, подметают, скребут и вообще содержат место в порядке (им также приходится рыть могилы), а поскольку мы избавились от всех упаковочных ящиков и все в чистоте, блохи исчезли.

Пока у нас было очень мало раненых — почти все с кишечной или дизентерийной инфекцией, с некоторыми случаями лагерной лихорадки, ревматизма и т.д.; офицеры-медики разочарованы таким малым количеством хирургической работы, но я не думаю, что возражаю, поскольку мы чувствуем, что на самом деле спасаем жизни некоторым из этих людей, просто усердно ухаживая за ними, и этого для меня достаточно; иногда мужчина видит, что я беспокоюсь о

пациенте, которому, кажется, не становится лучше или который идет на спад, и он подходит и говорит: "Ничего страшного, сестра, он бы спас жизнь некоторым из них". если бы его оставили в том Полевом госпитале еще на какое-то время, он был бы давно мертв; вы дали этому парню шанс. Приятно видеть первую группу мужчин, которые прибыли к нам такими безнадежно больными, такими изможденными, изголодавшимися, грязными и несчастными, которые сейчас ходят в своих синих костюмах, выглядят такими чистыми и сияющими, хотя все еще очень худыми.

Некоторые из них начинают нуждаться в развлечении, и привезенная мной шерсть для вязания и материалы для камвольных работ очень пригодятся; на самом деле, они скоро закончатся, но дамы из Дурбана любезно пообещали прислать мне еще.

На днях несколько мужчин шили шерстяные пояса в одном приходе, и к ним заглянул рослый шотландец и пригласил их прогуляться, но они отказались, сказав, что заняты, и было слышно, как шотландец пробормотал: "Они все превратились в цветущих модисток!"

Лейтенант (великан) очень хорошо ладит, и он всегда говорил, что я должна остаться и развлечь его или же подарить ему какие-нибудь игрушки, поэтому я начала для него кое-какую камвольную работу, и он более доволен и так же заботится о том, чтобы я снабдила его шерстью нужных оттенков, как любая пожилая леди. Лейтенант на соседней койке научилась вязать, а майор ..., дело об отравлении трутомаином, выглядит удивленным их младенчеством.

На днях у сестры Б. должен был быть выходной, и эти мальчики, подслушав ее наставления о себе, сочинили несколько стихотворений на эту тему (которые я прилагаю), и сестра еще некоторое время не услышит их в последний раз.

Каждое второе воскресенье у нас в приходах проходит служба, и книги гимнов, которые я принесла, очень полезны.

13 июня.—Последние несколько дней были очень напряженными и очень грустными.

7-го числа к нам прибыл поезд с пациентами — двумя офицерами и семьюдесятью тремя рядовыми, причем некоторые из них были в очень тяжелом состоянии. Большую часть первой ночи я не спал, помогая тяжелым пациентам, но один бедняга умер на следующий день (он так и не пришел в сознание после того, как попал сюда); в тот же день сестра слегла с легкой лихорадкой, так что мне пришлось взять на себя ее отделение, а там было несколько тяжелых случаев.

Санитары колются энтеросорбентами — шестеро из них защищены; и мне не хотелось оставлять их на ночь, поскольку некоторые из них склонны к бреду и пытаются встать с постели.

Л. было хуже всех, но до прошлой среды ему, казалось, не грозила какая-то особая опасность: в тот день я была санитаркой после обеда, и во время моего первого обхода я поговорила со всеми, и он выглядел почти как обычно, но во время моего второго обхода я обнаружила, что ему явно хуже, и пульс слабеет. Я вызвал его врача, и мы перепробовали все возможное, но вскоре он потерял сознание и умер в 7.30 вечера. Все санитары ужасно изрезаны; несколько из них родом из одного и того же места в Йорке. Он был таким прекрасным, сильным молодым человеком, и, кажется, только на днях он исполнял обязанности конюха, посадил меня на

черного пони и был так доволен, что я могу управлять им. По профессии он был мясником, грубоватым, но таким добродушным; я должна написать его бедной матери.

У него были военные похороны, и мы отпустили всех санитаров, кого можно было пощадить. Священник спросил меня, не хотели бы мужчины спеть гимн в церкви, поэтому мы спели "Здесь наша доля - короткая жизнь". Несколько человек прислали венки, и мужчины собираются изготовить деревянный крест. Это была первая смерть среди наших сотрудников. Из-за того, что заболело так много санитаров, а помещение было переполнено, мы были очень заняты, и многим мужчинам приходилось работать в восемнадцатичасовую смену каждые два-три дня: то есть, как обычно, по двенадцать часов в день и половину ночи. Так что у них сейчас тяжелые времена. Приложение:—

"ВЫХОДНОЙ"У СЕСТРЫ

Жила-была Сестра по имени Бейкер,
Кровати она делает превосходно,
Она тоже знает температуру,
И между "мной и тобой"
Является отличным средством для встряхивания лекарств.
Она показывает порок каждого мужчины — как с ним обращаться,
И предупреждает сестру Х., как ее встретить:
"№ 2, которому ты можешь доверять
Но покажи Т— корочку,
Что ж, тысяча против одного, что он это съест.
Она подробно рассказывает о лечении, в котором мы нуждаемся,
Все наши привычки, наши напитки, наша еда;
— Я повторяю, мистер Т.
Не осознает всего, но
Ему нельзя доверять из-за жадности.
"Мистер Н., однако, мудр,
При виде сваренных вкрутую яиц он вздыхает,
Я должен избегать их
И эта прекрасная корочка,
Ибо на меня полагается сестра Бейкер".

Вы можете спросить, откуда мы знаем, что было сказано

Преступник лежит там в постели,

Подслушано в темноте,

Произнесенное шепотом замечание,

И слезы горячего гнева он пролил.

За моралью далеко ходить не надо:

Корочка прокалывает тебя, когда ты слаб,

Подслушивая ночью

Это действительно неправильно

Потому что это может вызвать гнев и досаду.

(С извинениями перед авторами.)

XXXII

Пайнтаун, Натал,

июль 1900 года.

Со времени моего последнего письма у нас произошло много перемен пациентов: одних отправили обратно на фронт, а других отправили домой различными госпитальными судами. Так приятно видеть тех, кого привезли в тяжелобольном состоянии, способными спуститься к поезду такими веселыми, оживленными и безмерно благодарными.

В прошлом месяце мы отправили тридцать человек домой через H.S. Dunera и как раз надеялись, что у нас будет время отдышаться и постирать простыни и одеяла, когда получили телеграмму с сообщением, что нам следует ожидать еще семьдесят пять человек; так что нам пришлось повозиться, чтобы приготовить для них кровати и постельное белье, и они почти заполнили нас; но это была не такая *плохая* партия, как наши предыдущие, и раненых было довольно много для разнообразия.

У нас все еще не хватало рабочих рук, поэтому приходилось много заниматься сортировкой пациентов; превращать некоторые палаты в палаты для выздоравливающих, которые требовали лишь случайных визитов сестры и отсутствия ночных санитаров - за порядок в палате отвечал пациент—сержант.

Несколько санитаров все еще больны: у дежурного в столовой случился рецидив, и какое-то время он не сможет работать; второму дежурному также было очень плохо из—за тифа — он бредил больше недели, но я думаю, что теперь с ним все будет в порядке; это было неудобно, так как первый дежурный после приступа болезни может только ползать.

У нас был один человек в ужасном состоянии с двусторонним воспалением легких после тяжелой формы брюшного тифа. Затем у него открылся серьезный абсцесс на челюсти, и его пришлось оперировать; несколько дней его температура колебалась между 105 ° и 106 °, но сейчас он чувствует себя хорошо, и скоро его отправят домой.

Нас инспектировал полковник Клери, который, к сожалению, приехал в тот день, когда к нам поступили эти семьдесят пять человек, и до того, как мы всех их вымыли или убрали их снаряжение; но он был очень мил со мной и сказал, что доволен палатами и внешним видом пациентов, постельными принадлежностями и т.д.

У нас также было несколько других выдающихся посетителей — сэр Джон Ферли, сэр Уильям Стоукс и майор Бапти из R.A.M.C., получивший звание победителя в Коленсо.

Мы все были очень опечалены известием о смерти полковника Форрестера, который отвечал за санитарный поезд принцессы Кристиан и несколько раз привозил сюда наших пациентов.

Четыре месяца, в течение которых эта больница была предоставлена, оборудована и содержалась благодаря частной щедрости, теперь почти закончились, и через несколько дней мы станем государственной больницей. Затем мы получим наше жалованье и различные пособия от правительства; и сейчас мы занимаемся тем, чтобы отделить столовую сестер от столовой медицинских работников. Я ожидаю, что будет трудно держать наши магазины по отдельности, но мы захотим жить более экономно, чем они. На данный момент мы решили нанять одного повара, индийца, который последние несколько недель исполнял обязанности нашей доби и который, как мы слышали, хороший повар; его жена продолжит исполнять обязанности нашей доби; она такая хорошенькая, с кольцами в носу и браслетами на лодыжках и руках.

Я вполне ожидала, что меня заменит армейская сестра, когда госпиталь будет передан, но П.М.О. попросил меня "продолжать" (что в армии означает не то же самое, что в стране кокни!)

На днях приехала бедная мисс Х. Она уехала из Англии, как только услышала, что ее брат заболел здесь, намереваясь ухаживать за ним, и, кажется, я говорила вам, что он умер здесь (наша первая смерть среди офицеров). Ей было ужасно грустно. Я был ужасно занят в тот день, когда она приехала, но чувствовал, что должен пойти с ней на кладбище. Она квалифицированная медсестра, и мы были бы очень рады ее помощи, если бы она только приехала вовремя, так как ее брат так долго бредил, и нам пришлось по очереди сидеть с ним некоторое время; но все, что можно было для него сделать, было сделано.

Они, кажется, немного запутывают ситуацию; за последние несколько недель к нам прислали семь новых сестер; пару месяцев назад мы бы все отдали за нескольких из них, но сейчас температура намного спала, и многие койки заполнены выздоравливающими. У нас не было комнат для стольких сестер, поэтому пришлось поставить для них палатки.

Однажды мы отправили группу из более чем пятидесяти человек по домам, освободили несколько отделений (разместив оставшиеся ящики в других отделениях) и провели генеральную уборку; в тот же день мы получили телеграмму, в которой говорилось, что на следующий вечер нас ожидают семьдесят два человека, так что нам пришлось повозиться, чтобы высушить белье и все подготовить для них. Все они оказались выздоравливающими, и они спустились вниз, думая, что отправятся прямо на борт корабля домой, и, конечно, были

весьма недовольны тем, что их здесь остановили. На следующий день, когда они все устроились и их снаряжение было убрано, мы получили телеграмму с просьбой отправить шестьдесят человек в Дурбан на следующее утро домой!

Итак, снова началась большая суeta и проверка, и отобранным шестидесяти счастливицам пришлось забрать свое снаряжение со склада и обеспечить его удобствами для путешествия.

Мы уверены, что их приезд сюда вообще был ошибкой, и что они должны были сразу же подняться на борт корабля. Конечно, это дало нам ужасно много работы и не принесло им никакой пользы. Мы должны постараться, чтобы оставшиеся двенадцать отправились со следующей партией.

На днях прибыли пятнадцать новых санитаров, бойцов Императорской роты носильщиков (в основном набранных из беженцев и других жителей колоний). Некоторые из них довольно старые и бородатые, и во время их марша от станции было много шума. Так забавно заставлять этих почтенных джентльменов обходить палаты, когда они серьезно смотрят на меня через свои очки, а Томми довольно склонны их обманывать.

Некоторым из наших первых сотрудников из Сент-Джонса скоро придется уйти, поскольку их время истекло, и мы отпускаем всех тех, кто не очень увлечен работой, но, к сожалению, некоторые из увлеченных тоже хотят уйти. Мне жаль их терять, и я скорее виню в этом сестер.

Санитары были ужасно добры ко мне; двое из лучших были повышены до сержантов. Один, который в основном находился в офицерском отделении (дома он железнодорожный охранник), был великолепно терпелив со всеми ними; а другой - человек, который отвечал за санитарные работы и управлял кули.

В последнее время я немного каталась верхом, пока здесь были дополнительные сестры, а все сестры по очереди берут отпуск на несколько дней.

Однажды какие-то люди пригласили нас на пикник (покататься верхом), поэтому мы собрали все, что смогли, и, собрав компанию из двенадцати человек, поехали к очень красивому водопаду примерно в девяти милях отсюда, и они договорились о чаепитии в старинном фермерском доме неподалеку.

Возвращаясь при лунном свете, моя (похоронная) лошадь была так взвинчена, что я едва мог ее удержать, поэтому я ехал впереди с одним из мужчин, когда, услышав крик, мы поспешили назад и обнаружили, что старший гражданский хирург упал. Он был неважным наездником, и они посадили его на самую тихую клячу, но она споткнулась, и он слетел.

Ему удалось добраться домой пешком, хотя сначала он был без сознания несколько минут. Он был сильно потрясен, и ему пришлось несколько дней молчать.

На другой день мы отправились в аббатство Траппистов; когда мы приехали, нас некоторое время заставили ждать в комнате, а затем внезапно принесли еду — яйца-пашот, вкусный черный хлеб, мед, фрукты, чай и тамариндовое вино. Мы были удивлены, так как время было раннее, но мы чувствовали себя обязанными принять это, и все это было очень вкусно, хотя я отказался от тамариндового вина. Потом они показали нам это место.

То, что эти трапписты делают для туземцев, с их школами, мастерскими по пошиву обуви, шорных изделий, выделке кожзаменителя, скобяных изделий, книгопечатания, фотографии и т.д., действительно замечательно; но приносит ли туземцу какую-либо реальную и долговременную пользу обучение его всем этим вещам - совсем другой вопрос.

Кажется, что сейчас в больнице все идет более гладко, и даже если бы там было полно тяжелых пациентов (как это было вначале), теперь, когда санитары знакомятся со своими обязанностями, мы чувствуем, что могли бы справиться с работой без безнадежного ощущения неспособности сделать и половины того, что нужно для всех.

Нам очень повезло с нашей Специальностью: он очень хочет, чтобы все было сделано хорошо, и к нему всегда можно обратиться за помощью в любой трудной ситуации.

XXXIII

Пайнтаун, Натал,
август 1900 года.

Теперь мы являемся полноценным Военным госпиталем, вместо того чтобы быть частично гражданским, а частично военным. Все так много говорили о наступлении "бюрократизма", что я немного нервничал из-за перемен; но, за исключением только переходной стадии, все прошло очень гладко, и когда все привыкнут к военным порядкам, я думаю, все будет в порядке. Лично у меня будет гораздо меньше забот и ответственности, потому что теперь у нас есть лейтенант-квартирмейстер Королевского военно-морского флота, и мне не придется пытаться присматривать за бельем и другими запасами. Более того, прибыла группа индейцев и отправилась в лагерь с хорошим старостой, и они займутся стиркой, за которую я так долго боролся с беспечными кафрскими женщинами.

Мне пришлось присутствовать на большом приеме в Дурбане, когда ординаторы представили джентльмену, подарившему эту больницу, освещенный адрес. Было много речей и много "масла в огонь" для всего персонала. Мне подарили большую фотографию выступления.

У нас произошло много изменений в штате, и среди гражданских хирургов, которые ушли домой, только один из нас разобрался в установке электрического освещения, с чем, впоследствии, у нас возникли трудности. Я надеюсь, что мы скоро найдем санитаря, который разбирается в этом, потому что, когда гаснет свет и нам приходится ходить ощупью со свечами, мужчины не могут читать и находят долгие вечера очень скучными.

Я слышу много интересных историй, когда пытаюсь развлечь мужчин в таких случаях; на днях меня позвали насладиться шуткой — кто-то из них спросил ирландца, знает ли он, что означает "стратегия"? и он сказал: "Да, это означает примерно следующее, конечно, когда ты выпустишь свой последний патрон, не сообщай об этом врагу, но все равно шути, когда стреляешь!" Я не знаю, было ли это оригинально, но он преподнес это так, как будто так оно и было.

С тех пор, как я писал в последний раз, у меня было несколько дней легкой лихорадки, и я взял пару выходных и провел их в Умкомаасе с друзьями, у которых там хороший коттедж. Это самое

прекрасное маленькое приморское местечко, которое я когда-либо видела; такие чудесные леса вокруг коттеджа, с полутропической растительностью и множеством обезьян на деревьях; великолепные скалы и *такое* синее море. Я восхитительно отдохнул и вернулся намного лучше, но, конечно, столкнулся с различными трудностями, и они всегда заставляют пожалеть, что я туда не поехал!

Худшим, что мне пришлось уладить, была жалоба медицинского работника на сестру; они какое-то время неправильно терлись друг о друга, и, конечно, я подумал, что если бы я не ушел, то мог бы сохранить мир; однако, поскольку жалоба была определенной (хотя и несерьезной), а также *справедливой*, мне пришлось перевести ее в менее важную палату. Это очень задело ее чувства, и мне было жаль, так как, хотя она и не очень хороший менеджер, она очень хорошо относится к пациентам. Теперь она работает у другого врача, и в лагере воцарился мир.

Все гражданские хирурги и сестры ворчат по поводу новых военных правил и установлений, но я думаю, что они скорее склонны делать горы из кротовых нор - они действительно могут получить все, что хотят, если возьмутся за это надлежащим образом, но они не утруждают себя выяснением того, что *является* правильным способом. Возможно, я несколько избаловал сестер, разрешив им в любое время брать вещи, которые были срочно заказаны в моих магазинах, но теперь, когда здесь не так много тяжелых случаев, они должны научиться делать заказы надлежащим образом и в надлежащее время.

В одном отношении я боялся, что нашу систему изменят, но майор очень любезно устроил все так, как я хотел; находясь на Кейпе, я видел (и слышал об этом в других госпиталях), что при прибытии колонны с больными людей классифицировали и укладывали в постели с большим опозданием — иногда не раньше, чем через несколько часов после их прибытия. Одной из причин задержки было то, что каждый мужчина, если он мог ползти, должен был сам подняться в магазин, чтобы взять свой набор и расписаться за него; бедняги обычно выглядели ужасно больными и измученными из-за этого утомительного ожидания, прежде чем они могли получить еду или помыться, после (возможно) нескольких дней в поезде.

Здесь мы поступили совсем по-другому; как только мы получили телеграмму, в которой говорилось, что прибывают пациенты (и их количество), нам выдали все необходимое для этого числа; все кровати были застелены, и перед их приходом я обычно ходил и проверял, чтобы посуда для каждого человека была на его шкафчике, чистая рубашка, полотенце, мыло и фланель и т.д. Были готовы, чтобы мужчин можно было отнести прямо в их кровати, как только они придут, и без промедления выпить хороший тазик бовриля; затем те, кто был достаточно здоров, могли подняться в магазин. так поступили те, кто сдал свой набор и получил больничный костюм; и санитары забрали набор тех, кто был слишком болен (конечно, им не нужны были больничные костюмы).

Теперь всем, кто в состоянии, необходимо расписаться за свое снаряжение (простыни, одеяла и т. Д.); Но майор разрешает нам полностью оборудовать несколько кроватей в каждой палате до прибытия мужчин, и санитары расписываются за это снаряжение до прибытия мужчин, а затем они расписываются в книге, так что тяжелые пациенты все еще могут быть доставлены прямо к их кроватям.

Наши новые столовые работают хорошо; гораздо удобнее иметь повара с кухней, отдельной от той, откуда подается вся еда для пациентов, санитаров и другихлиц. Нам пришлось купить

новую плиту, но поскольку расходы были разделены между медицинскими работниками и сестрами, это обошлось не очень дорого. Наш повар из Медресе обслуживает нас очень хорошо. Я думал, что будет трудно разделить наши магазины, но он, кажется, управляет хорошо и экономно, к тому же он хороший повар и очень красиво все подает. Мы разделяем расходы по его зарплате с врачами, но у нас есть отдельные мальчики для официантов в столовой и для наших комнат.

Я оставил Джона для комнат сестер: он очень медлительный, но старый добрый человек и очень чистоплотный. Обычно эти мальчики уезжают домой на день или два, когда им выплачивают зарплату, но вы всегда оставляете часть причитающегося им на руках (иначе они не возвращаются); но когда больницу передали правительству, всем мальчикам заплатили вовремя, так что, конечно, все они освободились, но Джон пообещал вернуться через два дня, и я думал, что он вернется; но только шесть дней спустя я обнаружил, что он слоняется по работе с видом большого пса, ожидающего порки. Я сказал: "О, Джон, ты плохой мальчик, сестры больше не вернут тебя", и тогда он сказал, что его жена "сильно заболела", но я сказал ему, что, по-моему, кафрское пиво было очень вкусным, на что он ухмыльнулся, и мне пришлось простить его!

Уильям, наш славный мальчишка из столовой, так и не вернулся, так что мне пришлось отправиться в Дурбан к начальнику налоговой инспекции в полицейском участке, который обычно присматривает за всеми местными жителями и выдает им пропуска и т. Д. Я выбрал мальчика, которого мне рекомендовали, но он так и не появился, так что я подумал, что должен пойти снова и взять одного из них с собой из Дурбана, когда появился самый дорогой маленький кафр с запиской от мастера тока, в которой говорилось, что он был очень хорошим мальчиком, и его звали "Имденбе, сын Чолема, вождя Имсугелума, Умтента", так что я испытал некоторое облегчение, когда мальчик сказал, что его зовут "Дик"!

Я подумала, что он слишком мал ростом, чтобы дотянуться и поставить все на стол, но он очень быстрый, проворный и чистоплотный, и и повар, и Джон его очень любят; так что у нас все получается, и он выглядит совершенно мило в своих белых костюмах с красной тесьмой — все они носят что-то вроде купальных костюмов с короткими рукавами и ходят босиком.

Худшая часть кишечного сезона, похоже, уже позади, и мы очень расслаблены, и мы слышали, что то же самое происходит во всех больницах на этой стороне. Дни все еще очень жаркие, но ночи довольно холодные.

Я ожидаю, что вы слышали об этой Госпитальной комиссии больше, чем мы, но бойцы R.A.M.C. очень расстроены этим, поскольку они так усердно работали всю войну.

Я думаю, все согласятся с тем, что ни на одной войне о томми не заботились так хорошо, но, без сомнения, на фронте они сильно пострадали, особенно под Блумфонтейном, где внезапно на армию напала настоящая эпидемия кишечной инфекции (я полагаю, там было около 6000 случаев); но люди должны помнить, что они находились в 900 милях от своей базы, по единственной железнодорожной ветке, и на протяжении последних 250 миль почти все мосты были разрушены, так что все движение приходилось вести с предельной осторожностью по временным мостам, только несколько грузовиков переход за раз; кроме того, это был необычно сухой сезон, так что локомотивам часто приходилось бросать свои тяжелые составы, бегать за водой, а затем возвращаться за ней.

Трансвааль практически не мог поставлять ничего, чтобы прокормить войска, поскольку буры не сажали сельскохозяйственных культур.

Ежедневное получение достаточного количества пайков для людей и лошадей было практически всем, что могла сделать one rail, и когда возникала необходимость покинуть железнодорожную линию, войскам часто приходилось ждать неделями, чтобы наскрести пайки для перевозки с собой.

Я полагаю, что RAM были хорошо подготовлены к возможному количеству раненых, но когда неожиданная болезнь свалила людей тысячами, едва ли удивительно, что оказалось невозможным установить палатки и все необходимые медицинские принадлежности и удобства достаточно быстро.

Я полагаю, что больным и раненым сейчас в Блумфонтейне вполне комфортно; но, без сомнения, там были страдания, и Комиссия выяснит, можно ли было это предотвратить.

Плохому управлению, на которое жалуются на базе, не могло быть оправдания, и если это будет доказано, без сомнения, кого-то в этом обвинят.

Я знаю, что на однопутной железной дороге на этой стороне, которая проходит недалеко от нас, очень напряженно работали днем и ночью; в свое время ежедневно отправлялось восемь поездов только с цистернами для воды, не считая почти непрерывных поездов с людьми, лошадьми, мулами, припасами и т. Д.; удивительно только, что аварий было так мало.

Все сестры сейчас в отпуске, и поскольку у нас здесь есть еще сестры и очень мало тяжелых случаев, я собираюсь съездить в деревню с леди отсюда и надеюсь рассказать вам об этом, когда напишу в следующий раз.

XXXIV

Пайнтаун, Натал,
август 1900 года.

Прежде всего я должен рассказать вам о нескольких интересных днях, проведенных мною за границей. Я уехал отсюда вечером 20-го числа прошлого месяца с миссис Д., ее ребенком и маленькой няней-кафркой; она собиралась остановиться у друзей, у которых есть отель и магазин в Коленсо, и я нанял кровать в этом отеле и взял с собой седло, надеясь раздобыть там лошадь и исследовать окрестности.

В тот же день двое наших медицинских работников собирались на пробежку по пересеченной местности, но поскольку поезд состоял из двух секций, я увидел их на платформе в Марицбурге только поздно вечером.

В то же время я увидел, что другой офицер в хаки смотрит на меня, а затем узнал в нем известного лондонского хирурга, который возглавляет другой здешний госпиталь - конечно, я большепривык видеть его во фраке и цилиндре. В поезде ехала его жена, и поскольку они тоже направлялись в Коленсо, я был очень рад возможности быть с ними там.

Поезд так сильно раскачивало (сначала полз в гору, а затем сорвался с другой стороны), что заснуть было трудно, но малыш спал как ангел с маленькой кафрской девочкой, благополучно уложенной на пол.

В 4.30 следующего утра мы прибыли в Коленсо. Было очень холодно и очень темно, но мистер Эдвардс (владелец отеля) встретил нас, и вместе с ним мы, спотыкаясь, добрались через вельд до его отеля, который представлял собой всего лишь одноэтажную лачугу, поскольку их дом был разнесен бурами на куски. К сожалению, он не смог принять моих друзей, поэтому им пришлось остаться на вокзале.

Я был очень рад упасть в чистую постель и хорошенько выспаться, и ко времени завтрака я снова был совершенно свеж.

Затем я с досадой обнаружил, что не могу раздобыть лошадь, так как все они были заняты, и я надеялся, что смогу доехать до Ледисмита и Спирит-Коп; однако в конце концов у меня все получилось.

В то утро мы поднялись на холм Хлангвейн и увидели несколько действительно замечательных бургских окопов; среди бела дня их совершенно не видно, пока вы почти не войдете в них.

Затем мы увидели место, где полковник Лонг потерял свои пушки (там до сих пор лежат убитые кавалерийские лошади); и где бедный молодой лейтенант Робертс был смертельно ранен, пытаясь спасти их; и где майор Бапти, член Королевской гвардии, завоевал свой титул победителя — я думаю, за то, что отнес лейтенанта Робертса в донгу и оставался с ним и другими ранеными весь тот день интенсивной стрельбы, пытаясь успокоить их с помощью морфия, который у него был с собой.

Мы собрали столько снарядов и шрапнели, сколько смогли унести, и пошли обратно вдоль берегов Тугелы.

Я слышал, что багажный поезд будет проходить в 2.30 пополудни, поэтому я подумал, что к этому времени заеду в Ледисмит и посмотрю, есть ли какой-нибудь шанс попасть оттуда в Спирит Коп. Сейчас ходит очень мало пассажирских поездов (за исключением только почтовых), поэтому нам разрешено путешествовать в любом поезде, который случайно останавливается, но, конечно, они не обязуются придерживаться какого-либо определенного времени.

Сразу после обеда я отправилась на станцию — там не было ни начальника станции, ни какого-либо другого чиновника, но я встретила джентльмена, который сказал мне, что проделал весь путь пешком из Ледисмита и ожидал, что ему придется ждать почтовый поезд, который отвезет его обратно, поэтому он был очень рад, когда я сказала ему, что знаю, что следующий товарный поезд остановится там; он сказал, что его жена была в зале ожидания, поэтому мы пошли ее искать, и вскоре я узнала, что это миссис ..., секретарь Женской патриотической лиги в Дурбане, с которой я раньше не встречалась, и она сказала, что я знаю, что следующий товарный поезд остановится там. но с которыми у меня было много приятной переписки, поскольку они были очень добры, помогая нам.

Итак, мы вместе тренировались в Ледисмите, и по дороге они показали мне остатки большой плотины, которую буры соорудили, чтобы попытаться затопить Ледисмит, а также нейтральный лагерь Интомби; сейчас там нет больницы, только кладбище, к сожалению, полное могил.

Они сказали мне, что остановились в отеле "Роял" и что люди оттуда часто ездят в Спион Коп; поэтому я подошел к ним и побеседовал с управляющей, которая рассказала мне, что группа дам наняла фургон, чтобы выехать туда на следующее утро, и она подумала, что я легко смогу занять место. В конце концов я познакомился с этими дамами и узнал, что это жители Дурбана, которые были здесь, чтобы помочь на концерте для наших мужчин, поэтому они были очень добры и сказали, что мне лучше остаться на ночь (так как им нужно было выезжать рано утром) и поужинать с ними.

Я вышел и телеграфировал в Коленсо, чтобы не ждали моего возвращения, купил кое-что из необходимого, а затем осмотрелся по городу.

Отель, в котором я остановился, был пробит большим снарядом насквозь, который убил человека, сидевшего в холле, а у ратуши одним из снарядов Длинного Тома от башни отвалился большой кусок.

Затем я поднялся в монастырь, который сначала использовался как офицерские апартаменты, но был сильно разрушен снарядами. Добрые старые сестры были очень заняты с рабочими, латали дыры в стенах и т. Д.

Затем я пошел на кладбище, довольно долгая прогулка, и уже смеркалось, так что я не мог долго оставаться; там были ряды могил блокадников, и среди множества интересных имен я увидел графа Авы и бедного Джорджа Стивенса из *Дейли Мейл*.

Когда я вернулся в отель, было уже совсем темно, и я был рад ужину и не жалел, что рано лег спать. До Спион-Коп восемнадцать миль, и они не пришлют туда экипаж дешевле, чем за 5 фунтов, но за эту сумму у вас есть четыре лошади, и в экипаже могут поместиться шесть человек; я сказал управляющей, что с радостью заплачу 1 фунт за место, но в конце концов мне не разрешили ничего платить, так как, кроме меня, их было всего четверо, и они уже договорились заплатить 5 фунтов и не позволили мне разделить их.

Мы выехали в 6 утра с чернокожим водителем и маленьким белым мальчиком в качестве гида. Многие лошади, пережившие осаду, до сих пор не оправились; одной из наших по дороге стало хуже, и нам пришлось ждать, пока погонщик раздавил орех между двумя камнями и засунул его в глотку лошади, затем она продолжала бороться, пока в 9 часов утра мы не достигли краая у подножия холма и не остановились. По дороге мы проезжали мимо места, где был убит полковник Дик-Кунингхэм.

Мы перекусили, а затем отправились с нашим маленьким гидом вверх по Таба Иньяма, одной из вершин которой является "Спион Коп".

У нас был с собой январский номер "*Натального Меркурия*" с полным отчетом за *тот* день, так что мы смогли отследить позиции, и я так много слышал, как мужчины говорили об этом, что почувствовал, что достаточно хорошо знаю свой путь.

Конечно, мы поднимались со стороны Ледисмита (где были буры), но с вершины мы могли смотреть на Потжитерс-Дрифт и лагерь Копейщика и удивляться, как наши бедняги вообще

смогли подняться в темноте, когда буры были в таком хорошем укрытии над ними; *изатем* получить приказ возвращаться, должно быть, было ужасным разочарованием.

Мы видели много английских и бурских могил, и я сделал много фотографий, в том числе одну с крестом на том месте, где пал генерал Вудгейт.

Мы собрали кучи патронов (полных и пустых), консервные банки из-под аварийного пайка, пуговицы от солдатской формы и т. Д.; Карабкаться было слишком тяжело, чтобы обременять себя какими-либо патронами, но я купил несколько у кафров, которые собрались возле нашей повозки. Я собираю очень разнообразный запас боеприпасов, включая один патрон с мягким наконечником.

Они выжигали траву по всему подножию холма, и время от времени срабатывал патрон; мы надеялись, что огонь не наткнется ни на один случайный снаряд, пока мы будем там.

Перед нами открылся великолепный вид на хребет Дракенсберг. Вернувшись в наш экипаж, мы пообедали в окружении восхищенной толпы довольно голых кафров (которые, казалось, очень ценили наши останки), и мы отправились в обратный путь около 13:00. На обратном пути больной лошади стало хуже, и ей пришлось ввести несколько доз.

Когда мы подъезжали к Ледисмиту, я обнаружил, что проезжаем недалеко от городской больницы; поэтому, подумав, что жаль упустить возможность увидеть это место, я вышел из экипажа и пошел пешком через сугроб на реке Клип.

Сначала я проехал мимо нескольких офицеров на их пони, игравших в "Головы и стойки"; затем я приехал в лагерь для больных лошадей и встретил милого пожилого сержанта-ветеринара (который, как я выяснил, был колонистом, приехавшим из Кимберли, и, конечно, знал людей, с которыми я там познакомился); он сказал мне, что на его попечении 400 больных лошадей, но многие из них "выздоровливают", и если бы он знал, что мне нужна лошадь, он с радостью одолжил бы мне ее; он сказал, что если бы я остался еще на день или два, я мог бы послать за своим седлом, и он одолжил бы мне лошадь и конный денщик, чтобы я мог поехать в Булвану, Ваггон-Хилл, Лагерь Цезаря и другие места, которые мне бы очень хотелось посетить, но я не мог уделить им времени.

Затем он повел меня к хижинам сестер. Я обнаружил, что леди-суперинтенданта нет дома, но несколько добрых сестер Килберн напоили меня чаем и провели по больнице; сейчас поступило не так много случаев, но несколько очень тяжелых кишечных инфекций.

Сестры сказали мне, что, поскольку машина скорой помощи Красного Креста (запряженная восемью мулами) направляется в Ледисмит, я могу вернуться на ней. Я как раз собирался залезть внутрь, когда ко мне подошел джентльмен в хаки и спросил, не лучше ли мне подняться с ним наверх, поэтому я с радостью забрался наверх и обнаружил, что он врач (один из крупных гражданских врачей); он услышал, кто я такой, и позабавил меня, сказав, что хотел бы, чтобы я зашел в их столовую (представляете, застенчивый, заходящий в незнакомую офицерскую столовую!) вместо того, чтобы идти на чай с "этими уважаемыми женщинами", так как они показали бы мне больше этого места, и у них хорошая коллекция дикуинок, которые могли бы

меня удивить. заинтересовал меня (он смотрел на вещи, которые я подобрал). Это была очень веселая поездка, и он настоял на том, чтобы отвезти меня прямо в отель.

Я действительно должен рассказать вам об остальных моих путешествиях в моем следующем письме. Меня не было всего пять дней, но вы увидите, что я многое втиснул в эти дни.

XXXV

Пайнтаун, Натал,
сентябрь 1900 года.

Я просто закончу рассказывать вам о своих путешествиях, пока они свежи в моей памяти, а затем это письмо может подождать, пока не наберется достаточно материала, чтобы заполнить его.

Мне было очень жаль услышать от моего друга из машины скорой помощи о смерти сэра Уильяма Стокса (врача); он проболел всего четыре дня, и, кажется, только на днях он заходил в эту больницу и был таким веселым и жизнерадостным, и я знаю, что он собирался многое сказать Больничной комиссии в пользу здешних больниц и той работы, которую они проделали.

Я только что поужинал со своими друзьями в Royal, а потом автобус отвез меня на вокзал с моей тяжелой сумкой ракушек и т. Д., Как раз к 7.40 вечера на поезд обратно в Коленсо. Я ужасно устал, но комары были ужасны и не давали мне выспаться.

На следующий день меня пригласили на пикник к водопаду Тугела. Большая повозка, запряженная волами, была нагружена детьми, провизией и т. Д., И я поехал с еще несколькими людьми в шотландской повозке армейского корпуса, без рессор, запряженной четырьмя мулами, которые часто убегали и, казалось, имели укоренившееся нежелание придерживаться дороги (или, скорее, колеи); так что путешествие было довольно опасным и явно болезненным.

Мы проехали форт Уайли и увидели, где происходили все бои на холме Питера, и мы увидели грубый мост, который буры соорудили через Тугелу, просто подняв наши рельсы со шпалами и сбросив их в реку.

Мы пообедали недалеко от водопада — даже после этого очень сухого сезона это довольно сильное падение — а после обеда мы поднялись на окрестные холмы, включая Хартс-Хилл. На вершине этого холма находится большой мемориальный камень полковнику Тэкери, еще нескольким офицерам *и шестидесяти семи* солдатам 27-го Иннискиллингского полка, которые пали там, и мы также видели их могилу (огороженную) у подножия холма.

К тому времени, когда мы снова добрались до линии, дул сильный шторм и *поднималась такая* пыль, что некоторые из нас укрылись в домике пластунщика.

У него была прекрасная коллекция гильз и других реликвий; его коттедж использовался бурами как телеграфная станция, и мы выяснили, что он участвовал в крушении бронепоезда, когда Уинстон Черчилль был взят в плен.

Поскольку миссис Д. была с ребенком, а пыльная буря была по-настоящему сильной, этот человек любезно остановил товарный поезд своим красным флажком, и мы с комфортом вернулись в Коленсо в фургоне охраны.

Мне бы очень хотелось подольше побыть и в Коленсо, и в Ледисмите, там было так много интересного как к местам, так и к людям, которых я встретил; но я хотел посетить несколько мест по пути, поэтому я покинул Коленсо на следующее утро в 9.30. Моя первая остановка была в Чивели, где раньше была большая больница, но все, что осталось сейчас, - это маленькое закрытое кладбище с почти двумя сотнями могил; многие умерли от ран, но еще больше от кишечной инфекции. У них был хитроумный способ отмечать могилы: имя каждого человека, полк и т. Д. Было написано на листке бумаги, вложено в пузырек с лекарством и надежно воткнуто в холмик.

Я видел могилу бедного лейтенанта Робертса (на ней простой камень с надписью, но я слышал, что рассылают крест); его привезли из Коленсо на санитарном поезде вечером того дня, когда он был ранен. Начальник станции сказал мне, что помог вытащить его из поезда, и тогда он казался разумным и чувствовал себя комфортно, но в ту же ночь он умер.

Я видел очень красивый редут в Чивели, построенный королевскими инженерами, но им никогда не пользовались. Следующим поездом я сел на реку Муи. Прежде чем мы добрались до станции Фрер, мы миновали место крушения бронепоезда и могилы павших там королевских дублинских стрелков. Куда бы вы ни пошли, кажется, что повсюду разбросаны могилы, большинство из них обнесены колючей проволокой, а на некоторых установлен крест или начертаны инициалы человека на пустых гильзах.

В Эсткорте есть большая больница, но у меня было время только наскоро перекусить на вокзале, так как я хотел провести час или два в Муи-Ривер, чтобы осмотреть больницу, где я знал одного из врачей и куда, вероятно, нас направят, когда мы только приедем; в целом, я рад, что нас разместили там, хотя у них была более интересная хирургическая работа, чем у нас.

К сожалению, моя подруга была в отъезде, но суперинтендант любезно провела меня по дому, и я выпила чаю в сестринской столовой.

В них 950 кроватей, почти все под брезентом. Дул сильный ветер, и пока я был там, пошел дождь, а на Дракенсберге шел снег, и было очень холодно, так что все выглядели довольно несчастными. Это пустынное место на голом вельде.

Я снова уехал товарным поездом в 4.30 и к 9 часам вечера с грохотом добрался до Марицбурга, где намеревался переночевать.

Мисс ... любезно встретила меня на вокзале, и мы поехали к ней домой в рикшу; она принимала выздоравливающих медсестер, кормила их и давала им отдохнуть. Она очень беспокоилась о своих братьях, один из которых был реквизирован и вынужден был сражаться на стороне буров вместе со своим сыном (шестнадцатилетним мальчиком). Они были с Кронье в Паардеберге, а

сейчас находятся в плену на острове Святой Елены; другой брат сражался за нас и был взят в плен бурами, но освобожден, когда мы взяли Преторию.

Мисс ... хотела, чтобы я съездил в Хоуик, посмотрел тамошний водопад и большой лагерь для выздоравливающих, где 1600 коек; но поезд отходил на полчаса раньше, чем она думала, так что я пропустил его, и вместо этого она повела меня смотреть больницы Марицбурга, Форт-Нейпир, Грей-Хоспитал (теперь снова гражданский) и Гарнизонную церковь, последнюю, самую комфортабельную на вид больницу, которую я видел дальше по стране, но было немного странно видеть мужчин в больничных костюмах, бездельничающих и курящих возле церкви. шаги.

Я встретил сестру, с которой был знаком в Лондоне. Она была взволнована предстоящим матчем по крикету; а поскольку ей и всем одиннадцати сестрам был предоставлен недельный отпуск для подготовки к этому матчу по крикету, они, очевидно, так же небрежно относятся к работе, как и мы.

Я получил несколько приятных поздравлений от наших старых пациентов, которые сейчас дежурят в Марицбурге.

Я уехал оттуда около 6 часов вечера, пообедал в Инчанге с корреспондентом *Daily News* и вернулся сюда около 9.30 вечера. На станции были санитары, которые любезно отнесли мой груз диковинок и т. Д.

Два офицера-медика вернулись накануне вечером, и хотя они добрались до Ньюкасла, они видели не так много, как я, и сожалели, что я не предложил им лошадь для выздоравливающих в Ледисмите!

Я видел много больниц и познакомился со многими сестрами, и я собрал несколько намеков на небольшие способы, которыми мы могли бы улучшить эту больницу; но, хотя "я говорю это как не следовало бы", я не думаю, что в этой части есть какая-либо больница, где мужчинам было бы удобнее и счастливее, и я думаю, что сестер здесь лучше кормят, а счета за столовые у них не выше, чем в любой из больниц - более того, ниже, чем в большинстве из них.

Я был рад обнаружить, что у них было мирное время, пока меня не было, и никаких трудностей; и поскольку на самом деле там всего восемнадцать солдат и десять офицеров, мы все еще очень ослаблены; со дня на день мы ожидаем еще нескольких человек, но в настоящее время заболевших очень мало.

Вы спрашиваете о мужчинах и их письмах; поначалу, когда мы были так ужасно заняты, было довольно трудно делать все, что хотелось, но мы всегда стараемся писать для мужчин, которые слишком больны, чтобы писать самим, и я всегда видел, что у всех желающих были письменные принадлежности, и они помогали друг другу.

Говорят, в некоторых больницах базы бродячие посетительницы доставляли столько хлопот, мешая медсестрам, но я вполне мог бы нанять нескольких бродячих леди, чтобы они развлекали мужчин, писали за них письма и т. Д. Все друзья тех офицеров, которые были опасно больны, получали письма по почте.

Теперь, когда мы ослабли, конечно, у меня гораздо больше шансов поговорить с солдатами, и они рассказывают мне много историй о боях и о тяжелых временах, которые им пришлось пережить на фронте; но многое из этого вы услышите от мужчин, которые вернулись домой.

Я начинаю получать много благодарных писем от друзей наших пациентов на дому.

В последнее время с нашей зарплатой произошла некоторая задержка, и некоторые из сестер, которые здесь жили, ничего не получали с тех пор, как покинули Англию, поэтому были не в состоянии оплачивать свои счета за столовую, а мне пришлось оплачивать различные счета за столовую, когда я вернулся из поездки в другую страну, и я начал испытывать некоторое беспокойство по поводу того, смогу ли я и дальше кормить мою большую группу сестер; но теперь зарплата выросла, так что мы снова наладили отношения; и правительство выплачивает нам различные пособия - колониальное пособие, а также на столовую, слуг, топливо и т.д., так что мы чувствуем себя довольно обеспеченными.

Нам очень нравится большая пачка газет, которые Общество Красного Креста теперь присылает нам каждую неделю; целые недели *Times*, *Daily Mail*, *Daily Graphic*, *Daily Telegraph*, *Standard*, *Illustrated London News*, *Army and Navy* и др. Они - величайшее благо для всего лагеря.

Мужчины указывают мне на "симпатичных мальчиков" в иллюстрированных газетах, когда видят фотографии солдат, потому что по сравнению с ними все они здесь выглядят такими худыми и грубыми.

XXXVI

Пайнтаун, Натал,
сентябрь 1900 года.

Теперь мы снова по-настоящему заняты. Пациенты продолжают прибывать, иногда небольшими группами, иногда большими.

В начале сентября мы приняли тринадцать человек, которые находились в заключении в Претории в течение девяти месяцев. Они были очень слабы и истощены и так счастливы быть здесь; когда я принес им их первую корзину фруктов, они просто проглотили ее, так как не видели фруктов с тех пор, как уехали в глубь страны.

Затем у нас была довольно "трудная" группа офицеров, отправленных вниз по реке Муи. Там нет офицерских палат, поэтому этих людей разместили в гостинице более чем в миле от госпиталя, где у каждого была своя комната и прислуга, и они, похоже, приказывали и делали именно то, что им нравилось.

До сих пор у нас никогда не было более трех-четырех офицеров, достаточно здоровых, чтобы засиживаться за едой одновременно, поскольку они всегда поступали к нам действительно больными, и как только им становилось достаточно хорошо, они либо спешили обратно на фронт, либо их отправляли домой на госпитальных кораблях; но с этими офицерами с реки Муи (ни один из них не был серьезно болен) я внезапно обнаружил, что у нас было двадцать четыре

больных офицера, и что *шестнадцать* из них были достаточно здоровы, чтобы засиживаться за едой, и что им не подходило есть в палате, где было несколько человек. несколько человек все еще были серьезно больны; так что, в конце концов, для них пришлось соорудить большую палатку, а поскольку она находилась далеко от кухни, доставлять им горячую еду было затруднительно.

Офицер медицинской службы был гражданским лицом, и он, похоже, не думал, что имеет какое—либо отношение к ответственности за питание этих голодных выздоравливающих офицеров; на самом деле, каждый, казалось, был склонен сказать: "Это не моя работа" - а наши люди из Сент-Джонса не похожи на бойцов R.A.M.C., к которым, возможно, привыкли при случае обращаться в качестве официантов в столовой; также повар не был готов подавать ужин из нескольких блюд вместо единого "рациона" для каждого пациента.

Боюсь, мне пришлось побеспокоить бедного командира; но я знал, что если я этого не сделаю, офицеры будут жаловаться, что им нечего есть; и после того, как я с трудом справился с ужином в первый вечер (когда я обнаружил, что доброжелательные санитары бегут с рыбой перед супом и овощами после сладостей!), мы разработали планы по улучшению управления, и в течение дня или двух майор ходил на кухню и следил за тем, чтобы еду подавали в надлежащем порядке, а я получал ее и следил за тем, чтобы ее подавали в палатке, и четверо офицерских слуг прислуживали мне. им было приказано ждать каждую ночь, и санитарам оставалось только носить для них еду вниз. Так что теперь все работает нормально, и мне остается только заглянуть, чтобы убедиться, что у них есть все, что они хотят.

Некоторое время мы ожидали, что нас проинспектирует Госпитальная комиссия, но, наконец, мы услышали, что они вообще сюда не приедут, поскольку на этот госпиталь "не поступало жалоб"; поэтому я был бы очень раздосадован, если бы наш послужной список был испорчен на этом позднем этапе войны.

Нашим следующим приказом было подготовиться к отправке поезда, который должен был доставить нам семь офицеров и 108 рядовых из Претории (самый большой состав, который мы когда-либо получали). Поскольку здесь уже некоторое время были сестры по нашему правильному номеру, и им почти нечего было делать, конечно, как только мы начинали заняты, нам продолжали приходить телеграммы с просьбой отправить одну сестру на дежурство на корабль-госпиталь *Avoca*, или двух сестер на корабль-госпиталь *Dunera*, и так далее, и никто из них не хотел ехать, поэтому было немного сложно их рассортировать.

На самом деле, было так много приказов и встречных распоряжений, что я бы никогда не удивился, если бы получил телеграмму с приказом отправиться на корабле-госпитале или если бы у нас был приказ собрать весь госпиталь и доставить его в Преторию.

Перед уходом мистер Х. разрешил нам купить оставшиеся продукты по домашним ценам (отличная экономия на нашем беспорядке), а после того, как мы нашли небольшую кладовку, чтобы разложить их, я, довольно глупо, разрешила им использовать ящики для дров, которых здесь было очень мало; так что, если нам придется переезжать, все сестры намерены разбросать вокруг них бутылки с фруктами, банки с джемом, сардины и т. Д., Поскольку мы действительно не можем оставить наши запасы!

Я слышал, что армейские сестры на госпитальных кораблях в некотором ужасе от того, что я все еще остаюсь здесь главной, теперь, когда это военный госпиталь, и что в стране полно

армейских сестер; но П.М.О. был очень добр ко мне, и я очень рад "продолжать" до тех пор, пока я им нужен; единственное, мне бы очень хотелось немного посмотреть на работу поближе к фронту, и, поскольку представляется вероятным, что это место позже станет чем-то вроде дома для выздоравливающих, работа не помешает. это было бы так интересно.

Вчера несколько офицеров отправились в Дурбан и вернулись очень взволнованные слухами о том, что линия и проволока были перерезаны в Стандертоне, что 1700 пленных буров были освобождены, что Йоханнесбург окружен, и еще несколькими захватывающими новостями, но я осмелюсь сказать, что это неправда; я никогда не претендую на то, чтобы рассказывать вам о войне.

Постепенно мы получаем несколько ординарцев и унтер-офицеров R.A.M.C., и, конечно, они облегчают нам работу; но мы очень гордимся некоторыми солдатами Сент-Джонса, которые становятся отличными и наиболее эффективными медсестрами, а ведь еще полгода назад они действительно ничего не знали о сестринском деле.

У меня был большой триумф, когда прибыла большая группа мужчин (108 человек), поскольку все было выдано для них накануне и подписано санитарями, и через полчаса после их прибытия каждый мужчина был либо удобно устроен в постели, либо предварительно вымылся и был готов сесть за хороший обед, а после этого он поднимался на склад, чтобы сдать свое снаряжение; некоторые пациенты и некоторые из бойцов R.A.M.C. сказали мне, что во многих военных госпиталях потребовалось бы четыре или пять часов, чтобы разместить такое количество из них и накормить.

Среди них есть несколько очень тяжелых случаев, но также много выздоравливающих. У нас есть два отчаянно больных офицера, один - майор Королевской армии, который, боюсь, вряд ли поправится, хотя они делают для него все возможное, а другой - лейтенант стрелковой бригады, который долгое время был в бреду (кишечном) и очень болен, но я думаю, что он поправится. Я смог выделить ему специальных сиделок, когда это было необходимо. Также у нас тяжелый случай кишечной инфекции в мужском отделении; я не думаю, что когда-либо видел пациента с таким сильным кровотечением, и все же я думаю, что он придет в себя, хотя он почти скелет, и даже я могу легко приподнять его, пока меняют простыню. Я был очень доволен тем, с какой нежностью санитары ухаживали за этим мальчиком, поскольку ему требовалось большое терпение.

Теперь, когда у нас появилось немного больше времени, чтобы отдышаться, мы все больше заботимся о наших садах, но всякий раз, когда я что-нибудь сажаю, я задаюсь вопросом, буду ли я, случайно, здесь и увижу, как это вырастет. Теперь у меня есть несколько полезных фиалок и герань с листьями плюща. Некоторое время назад мне подарили двух прекрасных орпингтонских курочек и петуха. Они великолепно несутся, и яйца оказались очень полезными, но они не проявляли никаких признаков желания садиться, поэтому я попросила подругу подкинуть несколько моих яиц наседке и надеюсь, что скоро у нас появятся молодые орпингтоны.

У мужчин еще не было времени соорудить для меня курятник, поэтому нам приходится внимательно следить за сохранностью яиц, а наш маленький Член очень внимателен к ним.

На днях я ездил в Дурбан, чтобы сделать кое-какие покупки для столовой, и повидался с друзьями, а затем спустился на пристань, чтобы повидать наших санитаров и пациентов

(множество солдат Колдстримского и других полков, многие из них раненые из Претории), которые возвращались домой на *Монтроузе*. Я встретил знакомую сестру, и один из наших офицеров-медиков осматривал мужчин на борту, и один из людей, проводивших посадку, пригласил нас отправиться на тендере к *"Монтроузу"* на внешнюю якорную стоянку; так что у нас был приятный морской бриз, а офицеры на борту угостили нас чаем и предложили показать наши каюты, так что у нас был хороший шанс добраться домой!

Шестеро наших санитаров уходили домой с дежурства, и все они пришли попрощаться, и мы получили от них и старых пациентов настоящие "проводы", когда покидали корабль.

Сегодня несколько человек устроили пикник в красивом местечке под названием Кранц-Клуф. Они пригласили всех, кого мы могли выделить, присоединиться к ним, поэтому я отпустил шесть сестер, и четверо офицеров-медиков и четверо выздоравливающих офицеров также отправились с ними в повозке, запряженной волами, в 8 часов утра, и они вернулись только в 9 часов вечера. Я был занят весь день, присматривая за этим местом в целом, чтобы следить за тем, чтобы ничем не пренебрегали, пока так много людей было в отъезде.

Ночная сестра и ночной спец обе ушли, так что сейчас я отправил их спать на несколько часов, а сам писал рядом с лейтенантом... (стрелковой бригады), но я уверен, что сегодня ему лучше, и ночью он склонен ко сну; время от времени я позволяю санитару посидеть рядом с ним, пока я обхожу остальные палаты, чтобы убедиться, что с ними все в порядке; сейчас 2 часа ночи, поэтому я позвоню двум сестрам и лягу спать, и утром мне не нужно торопиться, если не поступят новые приказы.

XXXVII

Пайнтаун, Натал,
октябрь 1900 года.

В последнее время у нас было много дождей, и местность снова выглядит прелестно: почти видно, что растет в саду.

Иногда дождь идет три дня без остановки, и Южная Африка без солнца всегда выглядит очень мрачной, но когда снова выходит солнце, это компенсирует мрачность.

Стало очень жарко раньше обычного, и на днях термометр показывал 94 ° в тени.

В прошлом месяце мы взяли в плен еще пятьдесят человек, побывавших в плену у буров; многие из них были кавалеристами-йоменами; их отправили сюда через залив Делагоа; один из них принес попугая, а также несколько маленьких птичек.

Затем, на днях, мы приняли восемьдесят человек из Чарльзтауна, почти всех выздоравливающих, и такое смешанное множество полков — шотландцев, ирландцев, австралийцев, новозеландцев и тасманийцев, и одного маленького австралийского горниста пятнадцати лет, которого все мужчины балуют.

Бедный майор Королевской армии, который, как я вам говорил, был очень болен, умер в начале этого месяца; это было очень печально, поскольку он так хорошо знал, что означают все плохие симптомы, когда они появляются.

Кажется, я рассказывал вам также о лейтенанте ..., который так долго был безнадежно болен. Мы провели с ним очень тревожное время, так как бред продолжался так долго, что мы начали опасаться, что он станет постоянным, но наконец он пришел в себя и оказался таким милым пациентом. Сейчас у нас очень мало офицеров.

Предполагалось, что натальские добровольцы вернутся в Дурбан 2 октября (они уже год были на фронте), но буры атаковали конвой близ Данди, и всем им было приказано возвращаться.

Дурбан готовил им великолепный прием, и мясо для большого обеда, которым мэр собирался их угостить, было действительно приготовлено! Они вернулись домой примерно через неделю, и мы все отправились на вокзал, чтобы проводить их, среди них было много наших старых пациентов.

Мне не повезло, я сильно упала во время верховой езды в начале месяца, и я только начинаю снова ползать, испытывая сильную боль из-за поврежденной почки. Один из офицеров-медиков был болен и попросил меня потренировать его пони в любое удобное для меня время (ему не нравилось, что мальчик-кафр выводил его на прогулку), поэтому, когда майор и еще один мужчина попросили меня поехать с ними, чтобы нанести несколько визитов людям, которые были очень добры к нам здесь, я подумал, что это хорошая возможность потренировать пони. Отсюда до станции хороший участок мягкого песка, и все пони были свежими, поэтому мы позволили им разбежаться; потом я увидел, что на железнодорожном переезде маневрирует поезд, поэтому я хотел остановиться, пока мы не запутались на линии (здесь, конечно, нет ворот), и как раз в этот момент один из мужчин потерял шляпу; мой пони рассердился, когда его проверяли, и немного взбрыкнул, а потом внезапно развернулся и перепрыгнул через поваленное дерево, и я поехал не по той стороне, споткнувшись о ветку дерева. Я не могу понять, почему я упала, за исключением того, что я была так уверена, что не смогу оторваться, что никогда не думала о том, чтобы удержаться, и готовилась отшлепать его за то, что он такой глупый.

В тот момент я не чувствовал особых повреждений, хотя думал, что у меня будет большой синяк чуть выше бедра, и когда они поймали моего пони, я снова сел в седло, и мы снова поехали; к счастью, большинство людей были на улице, но в одном месте мне пришлось слезть, а когда дело дошло до повторного седла, я простоне смог спрыгнуть, и мне пришлось снизойти до того, чтобы сесть на стул, а когда я вернулся домой, то почувствовал себя очень плохо и был вынужден лечь в постель.

К счастью, было много сестер, которые выполняли эту работу, и все шло хорошо, пока я лежала, и теперь я могу заниматься хозяйством и надеюсь скоро снова побывать в палатах, но сейчас там очень тихо.

У нас довольно забавные "размолвки" между офицерской столовой и сестринской; как раз сейчас картошки очень мало, так как военные скупили ее всю; Я обнаружил, что повар использовал мою для офицеров, так как она закончилась, поэтому я сказал им, что мне пришлось заплатить 32 6 шиллингов за мешок, но я должен был бы взять с них больше на фунт! они подумали, что я заплатил слишком много, и попросили командира, который направлялся в

Дурбан, принести им сумку. Когда он вернулся, ему пришлось признаться, что ему пришлось отдать 35 шиллингов. за сумкой, а ее так и не оказалось на вокзале, и у него не было квитанции, и он не знал названия магазина!

Нам постоянно приходится производить небольшой обмен продуктами питания и т. Д., Но необходимо очень внимательно следить за нашими запасами.

Наш милый маленький чертенок Дик — иначе Имденбе, сын Чолема, Вождя Имсугелума, Умтента — заболел дома и захотел вернуться домой к своей матери, так что теперь у нас есть еще один мальчик для столовой. Осмелюсь сказать, Дик прокрадется обратно, когда потратит свои деньги.

Джон, большой слуга, все еще здесь и является отличным слугой. Когда мы только приехали, мистер ... позволил ему позаботиться о своей лошади (конечно, заплатив ему дополнительно), но потом, когда другие офицеры-медики тоже обзавелись лошадьми, майор сказал, что один мальчик должен присматривать за ними всеми — так как были трудности с кормом и т.д. — но когда мистер ... сказал Джону, он сказал: "Нет, сэр, я никогда не отдам Томми; Томми он чистый, он толстый, он счастливый, и Джон любит его; Джон очень заплачет, если босс даст Томми нового мальчика". Но бедному Джону пришлось отказаться от него, и я думаю, что ондействительно плакал. В моей комнате есть роскошь в виде большого шкафа-купе со стеклянными дверцами, и Джон очень гордится этим предметом мебели; я думаю, он любит смотреть на себя в зеркало. Однажды я обнаружила, что он вывернул мои платья и превратил их в пыль внутри — я ожидала, что теперь он займется уборкой ящиков, но тут я подвела черту! Он содержит наши комнаты в прекрасной чистоте и абсолютно честен. На днях он постучал в дверь одной из сестер, когда она принимала ванну, и когда она сказала ему, что он не может войти, он сказал: "Это всего лишь я, старина Джон", - и был очень обижен тем, что она не открыла дверь.

Кажется, я рассказывал вам, как он пошел домой после получки и задержался слишком надолго: то же самое повторилось на днях, и когда он снова появился, крадучись, со своей метлой и ведром (с таким видом, словно ожидал, что я его ударю), я сказал: "О, Джон, я просто иду к учителю за другим мальчиком", а он ответил: "Нет, миссис, я никогда не оставляю сестер, но моя жена очень больна, и идет сильный дождь, и в моем краале очень хорошее кафрское пиво", так что мне пришлось простить его, поскольку он был честен в этом!

В последнее время среди сестер произошло много перемен, но сейчас они кажутся счастливыми и хорошо работают; они стали намного более довольными с тех пор, как провели несколько дней за границей, поскольку это заставило их осознать, что во многих отношениях здесь им лучше.

С наступлением лета пресмыкающиеся становятся очень неприятными; среди прочих, которые залетают в мою комнату, - кузнечики, саранча, летающие жуки (огромные твари) и комары. Когда их становится очень много, мне приходится выключать свет и ждать, пока я не услышу, как все они направляются к электрическому свету снаружи.

В доме шесть кошек, и две из них настаивают на том, чтобы спать в моей комнате (конечно, моя дверь и окно всегда открыты); одна всегда спит на моем комод, а другая на корзине для белья,

поэтому я чувствую себя в безопасности, что змеи не залетят, поскольку кошка всегда дает знать, когда кто-то рядом.

Однажды ночью маленький полосатый кот принес в мою комнату самое необычное существо: оно было похоже на маленького краба, бегало по кругу и пищало, как заводная мышь.

На днях пошел дождь, и тогда на нас обрушилась настоящая напасть из летающих муравьев, которых я никогда раньше не видел в таком количестве.

Они покрывали стены наших комнат, и некоторые сестры не смогли поужинать, так как они были таким толстым слоем на столе в столовой. Мужчины в палатах собирали их полными ведрами; затем, через пару часов, все они снова ушли, без какой-либо видимой причины в своем безумии.

У нас в саду растут всевозможные овощи и цветы, которые хорошо подходят для дождливой погоды, но дождливые дни довольно скучны для мужчин, и, похоже, в сельской местности снова начинаются болезни.

На днях я получил письмо от Дж. из Кронстада, в котором говорилось, что он здоров, но ему смертельно надоело походы по Свободному штату. На самом деле, все мужчины, кажется, сейчас так устали от войны; это очень хорошо - мириться с трудностями и скудным пайком в течение нескольких месяцев, но когда это растягивается до года, всем становится достаточно.

На днях мы получили телеграмму с просьбой прислать врача к офицеру, который заболел во время отпуска примерно в часе езды отсюда. Доктор ... пошел навестить его и нашел, что ему довольно плохо, поэтому на следующий день выехала группа санитаров и доставила его сюда. Сейчас у нас несколько довольно тяжелых случаев, но у нас есть много людей, которые могут за ними присматривать, и нет той тревоги, которая была у нас поначалу, когда мы были завалены кишечными больными, а санитары были так беспомощны.

Мы слышали, что лорд Робертс скоро приедет сюда, но слухов так много, что мы не знаем, чему верить.

XXXVIII

Пайнтаун, Натал,
ноябрь 1900 года.

Конечно, вы слышали, что бедный принц Кристиан Виктор умер в Претории от кишечной инфекции. Он был похоронен там на военном кладбище, и в соборе была служба; я слышал, она была очень впечатляющей — присутствовало около 1000 военнослужащих.

Я хотел бы быть в Претории, когда была зачитана Прокламация об аннексии Трансвааля. Я слышал, что это было очень хорошо. Лорд Робертс прибыл с большим эскортом (в том числе несколькими прекрасными индейцами), и многочисленные оркестры сыграли "Боже, храни королеву", а затем был поднят Королевский штандарт, а затем снова "Боже, храни королеву". После этого лорд Робертс должен был приколоть не менее шести крестов Виктории — он стоял

на ступенях старой голландской церкви, — а затем мимо маршем прошли 10 000 солдат. Я полагаю, что марш-бросок занял два часа, хотя пехота покинула Площадь у "дублера".

Об этом очень трудно судить, но многие здесь, похоже, думают, что война еще ни в коем случае не закончена; однако, если лорд Робертс действительно отправится домой, у нас будет К. из К., чтобы завершить это дело.

Главным, что вызвало интерес здесь в начале месяца, были некоторые трудности с тремя гражданскими хирургами, которые все еще были здесь (из тех, кто уехал с нами). С тех пор, как правительство взяло больницу в свои руки, возникла некоторая неразбериха относительно того, должны ли они получать зарплату медицинским работникам, нанятым дома, или тем, кто нанят здесь; после некоторой переписки они были недовольны условиями и думали, что их плохо лечат; а затем пришла телеграмма, что им следует готовиться к переезду в Англию, поскольку в их услугах больше не нуждаются. Я ожидаю, что они все уладят, когда вернутся домой.

Было непросто собрать их в спешке, и им пришлось договариваться о продаже своих лошадей и т. Д.

Они устроили прощальный званый ужин, на котором мы все присутствовали.

Армейский медицинский отдел немного выбивает из колеи; конечно, вы должны делать в точности то, что вам говорят, и вам говорят делать что-то так внезапно: просто приходит телеграмма, и очень часто на следующий день вы переезжаете.

Полковник Голуэй (П.М.О.) уехал домой, и мы очень скучаем по нему; он был особенно мил каждый раз, когда бывал здесь.

В последнее время у нас было очень тихое время. В Марицбурге закрывают несколько коек и прислали нам очень хорошего надзирателя и пятнадцать санитаров R.A.M.C. — некоторые из них со стажем в шесть-семь лет.

Сначала сестры с трудом могли понять, что эти мужчины были действительно хорошими медсестрами, поскольку они так привыкли к тому, что большую часть ухода за больными приходилось выполнять самим, пока они не показали каждому конкретному санитару, как это делается; поэтому теперь они думают, что у армейских сестер в мирное время, должно быть, очень легкая жизнь!

Однажды вечером мы пригласили несколько человек на ужин, а потом они устроили для мужчин такой хороший концерт. Кое—кто из санитаров помогал - один из них прекрасно играет на скрипке, а маленький австралийский мальчик "играл на горне".

В другой раз священник, у которого школа для мальчиков выше по линии, привел всех своих мальчиков навестить нас, и они сыграли матч по крикету с медицинскими работниками и санитарями.

Еще одно развлечение было очень популярно среди мужчин, хотя и довольно необычно для пациентов больницы; у нас здесь сейчас дежурит лейтенант королевской авиации, и когда он пошел на ремонтный склад, чтобы купить лошадь, он был несколько удивлен, что ему охотно передали очень симпатичного животного, когда он сказал, что ему это понравится; но когда они

доставили его сюда, оно тут же сбросило с ног всех конюхов по очереди и оказалось плохим австралийским прыгуном!

Тогда мужчины, пациенты и санитары, захотели попробовать с ним свои силы, а некоторые австралийские бушмены великолепно умеют держаться. Теперь он становится совсем ручным и лишь немного взбрыкивает, когда они впервые садятся верхом. Ежедневная езда на бакджампере позабавила весь лагерь; и я бы просто с удовольствием попробовал свои силы в том, чтобы держаться, но мой поврежденный бок еще некоторое время не позволит мне ни на чем ездить, хотя я неплохо справляюсь со своей работой, двигаясь медленно.

У них здесь было очень "разношерстное" поголовье лошадей, и многие люди, похоже, думают, что война могла бы уже закончиться, если бы у них поначалу было больше лошадей.

Английские скакуны сработали великолепно, но местная пища оказалась неподходящей для них, а маленькие бурские пони гораздо лучше приспособлены к пересеченной местности и скудному питанию.

Они так привыкли прокладывать себе дорогу в вельде, что почти никогда не ступают ногой в яму; а ночью они будут клевать всякую всячину, от которой английская лошадь задирает нос.

Сначала люди не думали, что бурские пони достаточно велики, чтобы нести необходимый вес, но теперь они обнаружили, что это так, и что одежда на них лучше, потому что они не всегда голодны, как, по-видимому, бывает с несчастными крупными лошадьми. Тем не менее, старые добрые лондонские автобусные лошади проделали очень полезную работу с оружием.

У них было много лошадей из Новой Зеландии, Австралии и Аргентины — эти последние часто были очень вспыльчивыми животными.

Поскольку все мужчины, похоже, очень довольны этими бурскими пони, было бы неплохо после войны основать здесь большую государственную племенную станцию, в какой-нибудь стране со здоровой травой. Один человек сказал мне, что они могут отправить лошадей в Англию примерно за 20 фунтов стерлингов на время путешествия, и что, если оно будет предпринято надлежащим образом, выращивание лошади не должно стоить больше 5 фунтов стерлингов или, возможно, 7 фунтов стерлингов за размещение четырехлетнего ребенка на борту корабля, так что они могли бы высадить одну из лучших лошадей в Англии менее чем за 30 фунтов стерлингов, где так много проблем с получением нужного вида лошадей в достаточном количестве. Они подошли бы для работы практически в любом климате, поскольку здесь приходится мириться с такими быстрыми перепадами температур.

Недавно у нас был майор R.A.M.C., частично в качестве пациента, частично в качестве посетителя. Он был в Ледисмите во время осады, и у него была очень тяжелая работа (так много врачей заболело); затем его отправили на госпитальное судно в качестве пациента, и очень скоро командующего отозвали, и его назначили главным, пока он все еще болел. Он был в ней трижды, и, похоже, у него было много работы и беспокойства, а теперь ему приказано отправиться наверх и возглавить больницу на 500 коек, а он ни в малейшей степени не пригоден для этого. Они не пощадят ни одного члена Королевского медицинского общества, которого сейчас отправят домой с инвалидностью, поскольку, похоже, хотят сначала отсеять всех

гражданских хирургов. Этот человек хочет, чтобы его кормили как можно тщательнее; сначала я всегда бегала за ним с яичными хлопьями или каким-нибудь небольшим количеством корма, но теперь ему начинает больше нравиться обычная еда.

Я много слышал от него об осаде: он говорит мне, что это было ужасно - нести ответственность за больных людей и не иметь возможности достать для них что-нибудь. Одно время на его попечении было 400 тяжелобольных, и все, что он мог достать для них, - это пять, а иногда и шесть маленьких банок сгущенного молока в день, когда все они нуждались в молоке. Он говорит, что у солдат не было времени на выздоровление: они три дня не вставали с постели, а потом сразу отправлялись в окопы; бедняги были так ужасно слабы, что им приходилось посылать повозку, запряженную мулом, чтобы перевезти их обратно. Они дали им в руки винтовки и ночью отвезли их обратно.

Также на короткое время у нас был еще один майор для "отдыха и подпитки"; он член парламента, когда находится дома, но был здесь с Йоменри. Сейчас он тоже идет на поправку.

Мне подарили самого милого щенка — маленького черного спаниеля. Его окрестили "Бобс", и он повсюду следует за мной.

Я должен рассказать вам небольшой анекдот о некоторых офицерах, которые были здесь. В Ховике есть большой госпиталь для выздоравливающих, и, похоже, никому не нравится туда ходить, но одно время мы были так переполнены офицерами (и желающих было еще больше), что майор выбрал троих или четверых, которые были практически здоровы, но еще не совсем готовы к тяжелой работе на фронте, и отправил их в Ховик. Мы дали им несколько бутербродов и фруктов, чтобы утешить в дороге, а в Марицбурге они купили бутылку шампанского и отлично пообедали в поезде. В вагоне, кроме нашей компании, был еще один невысокий мужчина в штатском, поэтому они пригласили его пообедать, но он отказался. Пока они обедали, все говорили о том, как хорошо они здесь провели время, и о том, как им не повезло, что командующий подбил их отправиться в "Приют для потерявшихся собак" (так называется Хоуик) — все говорили, что это ужасная дыра, и, конечно, они преувеличивали все плохое, что слышали о ней. Когда они добрались до Хоуика, маленький человечек в штатском вышел, и к нему подошел санитар, отдал честь и взял его сумку, и он оказался полковником, ответственным за Хоуик!

21-го числа мы отправили шестьдесят человек, а через несколько дней из Стандертонa прибыло семьдесят человек, все предполагаемые выздоравливающие, но у двоих из них развился явный кишечный грипп, и поскольку они некоторое время находились в Стандертоне, болея чем-то другим, они, должно быть, заразились там. Я боюсь, что дальше ситуация с кишечником снова ухудшается, но, конечно, в этом сезоне их всегда больше, и они лучше подготовлены к решению этой проблемы сейчас.

Большая больница в Эсткорте была перенесена в Преторию, и, по-моему, количество коек в Марицбурге сократилось с 1600 до 200; и теперь мы слышим, что они опасаются нехватки коек на этой стороне.

На днях приходил человек из Департамента вооружения, чтобы узнать, не пора ли установить новые раковины в театре и иным образом улучшить здания, так что не похоже, что мы

собираемся закрываться прямо сейчас; но я думаю, что если работа продлится и в Новом году, они обязательно пришлют вместо меня армейского суперинтенданта, поскольку было бы слишком "неправильно" оставлять меня здесь сейчас, когда вокруг так много армейских сестер (некоторые больницы уже закрыты), и ни в коем случае не все они будут исполнять обязанности суперинтендантов.

XXXIX

Эсминец "Канада" между Кейптауном и
улицей Св. Елена, декабрь 1900 года.

С тех пор, как я писал тебе в последний раз, у нас было волнующее время; лучше я начну с самого начала и расскажу тебе о потрясениях.

В начале месяца мы услышали, что полицейский находится поблизости, и подумали, что он придет осмотреть нас, а потом мы узнаем свою судьбу.

Вместо этого в одно из воскресений наш майор получил телеграмму с просьбой на следующее утро съездить к полицейскому в Дурбан "по срочному делу". В понедельник все были так взволнованы, что не знали, как работать, и я видел, что все офицеры медицинской службы были готовы подстеречь бедного майора, как только он вернется, поэтому я держался в стороне, думая, что он устал и что мы услышим новости после того, как он выпьет чаю.

Но очень скоро он пришел в мою комнату и сказал: "Ну что, сестра, не хотела бы ты завтра поехать в Англию?" Я только сказал: "Нет, сэр, не особенно; я думаю, что сейчас там будет довольно холодно, и я хотел бы дождаться окончания войны", но я подумал про себя: "Что же пошло не так, что он хочет отправить меня отсюда?" потому что мы вместе пережили несколько очень тяжелых периодов; но потом он объяснил мне, что его выбрали, чтобы отправиться домой ухаживать за больными на корабле, на котором должен был отплыть лорд Робертс — "Канада" - и он должен был выбрать двух сестер и нескольких хороших санитаров, чтобы взять с собой; он подумал, что поездка пойдет мне на пользу, поскольку я не очень хорошо себя чувствовала после несчастного случая, и он подумал, что я, конечно, могла бы вернуться, если бы захотела, но (конечно) Скорее всего, я не вернусь сюда в качестве суперинтенданта. Я совсем не возражал против этого, так как в течение некоторого времени мне хотелось посмотреть какую-нибудь работу дальше по стране, и кажется вероятным, что со временем это место станет больше похоже на "Лагерь отдыха", а не на больницу неотложной помощи.

Во всяком случае, он, казалось, хотел, чтобы я пошла с ним, так что через десять минут я приняла решение идти, и мы решили взять с собой сестру (одну из нашей первоначальной группы сестер); а потом нужно было выбрать санитаров.

Было 17.30 вечера в понедельник, когда я получил приказ о походе, и майору пришлось выехать на следующий день в 12.17, а нам - следовать за ним в 3.40, так что вы можете себе представить, что мы спешили, и в ту ночь мы почти не спали.

Лейтенант Королевского военно-морского флота был временно назначен ответственным до тех пор, пока военкомат не пришлет майора; моя старшая сестра взяла на себя обязанности суперинтенданта вместо меня, и я должен был показать ей все подробности о счетах столовой, складах, белье, стирке и т. Д.; Организовать отправку моей собаки обратно людям, которые мне ее подарили (поскольку я не смог бы высадить ее в Англии); отправить мое седло в Марицбург на продажу, чтобы освободить место в моем седельном сундуке для упаковки диких вещей и т. Д.; не говоря уже о моих собственных сборах и куче других вещей, о которых нужно позаботиться.

Я не смог навестить ни одного из многочисленных друзей, которые были так добры к нам; но перед отплытием корабля я смог написать пятнадцать прощальных писем с извинениями и сумел отправить их на берег.

Нужно было еще многое уладить со слугами: наш добрый повар из Медресе должен был уехать на следующий день, и все черные мальчики сказали, что они "не останутся, если большой босс и маленькая миссис уедут в Англию"; но, возможно, они снова остепенятся.

Все санитары столпились на станции, чтобы проводить нас, и так подбадривали нас; Джон и другие черные мальчики вытирали глаза, Чарли держался за моего маленького Бобса, который скулил и пытался идти со мной — но он вернется в очень хороший дом.

Когда мы поднялись на борт в Дурбане, то обнаружили, что кораблю пришлось отойти на внешнюю якорную стоянку. Мы были разочарованы тем, что не смогли даже съездить в город попрощаться, и действительно, мы могли бы провести еще одну ночь на берегу, поскольку лорд Робертс спустился только на следующий день.

Наш хороший друг мистер Т. из Пайнтауна любезно зашел на борт, чтобы попрощаться, и привез нам прекрасную корзину с цветами, часть из которых мы поставили в каюте лорда Робертса.

Пятьдесят человек должны были уехать на следующий день после нас, так что в больнице они будут налегке, и П.М.О. сказал, что ему не следует посылать больше, пока он не разберется с персоналом.

Лорд Робертс поднялся на борт со своим штабом в 6 часов вечера 5 декабря, и мы сразу же отплыли. В Дурбане на борт поднялось всего 400 военнослужащих, но мы слышали, что после Кейптауна у нас должно быть 1200.

"Канада" - великолепное судно с самым красивым участком верхней палубы, который я когда-либо видел на любом судне. От Дурбана до Кейптауна салон был очень пуст; кроме нас с сестрой, на борту была только одна дама, жена капеллана из Винберга — они отправились на Цейлон с кораблем, груженным бурскими пленными.

Помимо лорда Робертса, у нас на борту находятся генерал Ян Гамильтон, генерал Келли-Кенни, генерал Маршалл, лорд Стэнли и другие.

Мне показали копию приказа о создании Медицинской роты на борту этого корабля: в нем говорилось: "включить двух специально отобранных сестер" — это звучало как выбор индейки на Рождество!

На борту есть госпиталь на восемьдесят четыре койки, но, поскольку предполагалось, что это будут в основном люди с истекшим сроком службы, а не больные, мы не ожидали, что будет много работы.

У нас на побережье установилась прекрасная погода, и лорд Робертс сошел на берег, чтобы выслушать обращения как в Восточном Лондоне, так и в Порт-Элизабет; после Порт-Элизабет была очень сильная зыбь, пока мы не достигли Кейптауна, и бедной сестре было так плохо, что мы были очень рады, что больница все еще пустовала.

Прежде чем мы добрались до Кейптауна, ко мне подошел лорд Робертс, и у нас была довольно долгая беседа; он очень хотел, чтобы у нас было все необходимое для больницы.

Он сказал мне, что леди Робертс и две его дочери присоединятся к нам в Кейптауне; и две сестры, которые ухаживали за ней, возвращаются домой с мисс Робертс, которая была больна.

В Кейптауне лорд Робертс устроил великолепный прием, о котором я получил несколько хороших фотографий. Когда я смог сбежать с корабля, я поехал в город и телеграфировал своему брату в Кимберли, чтобы сообщить ему, что я возвращаюсь домой, но после этого я подумал, что мог бы также поинтересоваться, случайно ли он в Кейптауне, поэтому я пошел в его клуб и был очень удивлен, обнаружив, что он в городе; поэтому я оставил записку, чтобы договориться о встрече с ним на следующий день.

На следующий день было воскресенье, и мы с сестрой отправились на службу в собор (которую посетил лорд Робертс со своими сотрудниками), а затем нас встретил мой брат и пригласил на превосходный обед в отель Mount Nelson.

После ленча сестра отправилась навестить друзей в Винберге, а мы с братом отправились навестить разных друзей в пригороде и закончили ужином с семейством С. в их прекрасном доме в Кенилворте. Было приятно встретиться со столькими старыми друзьями, а потом я вернулся спать на борт.

На следующее утро я совершил набег на Общество Красного Креста и "Рассеянных попрошайек", чтобы выпросить игры, карты, книги, табак и т. Д. Для мужчин по дороге домой; и через несколько часов они прислали мне великолепный запас. Потом в клубе был "Женский день", так что я нашла время забежать туда пообедать со своим братом, и у него были несколько старых друзей по Кимберли, которые тоже обедали с ним. После этого на борт поднимались войска, так что мне пришлось вернуться к своим обязанностям.

Меня назначили леди—суперинтендантшей на время путешествия, и еще двух сестер послали помогать нам - также трех сестер-католичек, которые ухаживали за больными в Блумфонтейне, получили билет домой на "*Канаде*" и должны были быть "доступны для исполнения обязанностей", если они мне понадобятся.

10 декабря жители Кейптауна устроили лорду Робертсу пышные проводы, и ее Превосходительство *Дорис* проводила нас в море.

У нас очень удобные каюты, и майор (который является помощником капитана на борту) пригласил нас с сестрой посидеть за его столиком в салоне с четырьмя другими офицерами, так что о нас хорошо заботятся.

Очень многие мужчины ранены, некоторые из них отправляются домой на операции. Перед отплытием нас отправили двадцать человек прямо в больницу, и вскоре мы начали заполняться там и приступать к работе.

Прежде чем мы достигли острова Святой Елены, умер один бедняга из йоменов; он не казался особенно плохим, когда поднялся на борт, но он пришел в больницу, сказав, что чувствует себя "немного не в себе"; температура у него была всего 100 °, но мы сразу же приняли его, и у него, очевидно, только начинался рецидив (кишечный), а затем у него был ужасный септический абсцесс и другие осложнения, поэтому нам пришлось изолировать его в маленькой каюте, чтобы добраться до которой, нам пришлось пройти мимо всех конюшен — на борту было несколько лошадей, включая чарджера. бедный лейтенант Робертс ехал верхом, когда упал. Однажды вечером ему было так плохо, что сестра ... вызвалась посидеть с ним, но когда я пришел сменить ее в 7 утра, мы оба увидели, что он умирает, и сестра предложила остаться, чтобы я не заразился; но она выглядела такой измученной (она плохой моряк). Я подумала, что с нее хватит, а другие сестры вполне могли бы справиться с больницей, поэтому отправила ее продезинфицировать и лечь спать.

Бедняга умер около 10 часов утра, а днем его похоронили при участии лорда Робертса и всего его персонала. Я не думаю, что есть что-то более торжественное, чем похороны в море; медленный марш на корму, и читается панихида, а затем двигатели останавливаются, и наступает такая тишина, когда прекращается постоянный шум винта; затем небольшой всплеск, когда тело, тяжело нагруженное и зашитое в одеяло, соскальзывает в море, а затем прозвучало скорбное "Последнее сообщение": двигатели снова заводятся, и мы все возвращаемся на свои посты.

Я не назначал постоянную ночную сестру, за исключением случаев особой необходимости; но мы по очереди дежурили по ночам, и ответственная дежурила до двенадцати, а затем (если все было тихо) ложилась спать, и ее снова вызывали в 4 часа утра, чтобы осмотреться; но если она долго не ложилась спать, мы освобождали ее от дежурства на следующее утро; у нас были очень хорошие санитары, и мы обнаружили, что этот план хорошо сработал.

XL

Эсминец "Канада" (приближается к острову Святой Елены, на обратном рейсе к мысу), *январь 1901 г.*

Сейчас я возвращаюсь на Кейп после шестнадцатидневного отпуска в Англии; время стремительное, среди снега и слякоти; но сначала я должен рассказать вам о путешествии домой.

Мы достигли острова Святой Елены 16 декабря, и лорд Робертс и почти все остальные сошли на берег на несколько часов. Я не уехал, так как был занят в больнице. Несколько человек были тяжело больны кишечной инфекцией, а один - двусторонним воспалением легких; конечно, в госпитале для них было ужасно душно, но лорд Робертс очень любезно сказал, что мы можем воспользоваться частью верхней палубы (которая была зарезервирована для него и его семьи),

если так будет лучше для людей; поэтому мы установили ширму и поместили туда двух или трех человек, которые, казалось, больше всего нуждались в свежем воздухе, и они были так благодарны.

Там всегда был хороший запас льда и хорошее стерилизованное молоко; один человек (который был очень болен) не мог его принимать, но для него я смог достать свежее молоко, так как на борту было две коровы. "Скофф" для выздоравливающих был превосходным, и все они были в восторге от разнообразия продуктов, поставляемых ротой, после однообразия армейских пайков. И офицеры корабля, и стюарды были очень добры во всех отношениях, помогая мне получить то, что я хотел для людей.

Между 16-м и 21-м у нас была очень жаркая погода, а 20-го числа у нас произошла еще одна печальная смерть - молодой сотрудник скорой помощи Сент-Джона, которого 16-го госпитализировали с острым ревматизмом (у него был кишечный инсульт в Южной Африке). Это было мое ночное дежурство, и в 11.45 мне показалось, что он выглядит не очень хорошо, и я обнаружил, что его температура поднялась до 105 °, а пульс был очень плохим; мы сделали все, что было возможно для бедного мальчика, но его температура продолжала повышаться, а сердце отказывало; он ужасно задыхался, и было так трудно достаточно приподнять его на койках; к часу ночи его температура достигла 106,6 °, и он знал, что умирает, и смог сказать мне, куда написать его матери. Очень скоро после этого он умер.

Это было ужасно печально для других мужчин, поскольку, конечно же, все они не спали и находились в такой ужасно тесной каюте — один человек на койке над ним и еще двое рядом с ним; и, похоже, этим двоим мужчинам действительно не повезло: они провели время в Южной Африке, а потом упали как раз тогда, когда были уже на подходе к дому.

Симпатичный сержант, лежавший на соседней койке, увидел, что я очень переживаю за этого бедного мальчика, и сказал: "Не бери в голову, сестра, никто не смог бы сделать для бедного парня больше, чем ты, чтобы дать ему шанс; но я знаю, что видел, как много людей погибло на поле боя, но гораздо хуже видеть, как один умирает здесь, между палубами". После этого мы отнесли его в маленькую ванную, и на следующий день его похоронили.

Я обнаружил, что один из пациентов в госпитале был студентом бакалавриата, который служил на фронте.

И лорд, и леди Робертс проявляли большой интерес к мужчинам, и лорд Робертс обычно подходил ко мне утром и спрашивал, как они пережили ночь; и он спрашивал о мужчинах, которым было особенно плохо, по имени: конечно, они были ужасно довольны, когда я им назвала.

Они оба несколько раз обошли больницу, а на Рождество спустились вниз и пожали руки всем мужчинам в больнице, пожелав им счастливого дня, а затем прислали большой засахаренный торт и немного шоколада для мужчин, которые были достаточно здоровы, чтобы насладиться им, а для самых больных - шампанское; мужчины это очень оценили, и был большой спрос на конверты, чтобы забрать "кусочек торта Бобса домой".

Многие из красивых корзин с цветами, доставленных на борт леди Робертс в разных портах, были доставлены в больницу, и мужчины особенно ценили красивый "Юнион Джек", доставленный на борт на Мадейре, сделанный из красной герани, голубых и белых фиалок.

К 22-му стало прохладнее и довольно сыро, поэтому все мужчины вернулись в госпиталь (с верхней палубы). 24-го одному из пациентов-офицеров потребовалось обезболивающее для небольшой операции на руке; и я провел напряженную ночь в больнице, так как у одного человека случился припадок, и нескольким пациентам с кишечным трактом было очень плохо.

В День Рождества было приятно видеть около двадцати офицеров и от сорока до пятидесяти солдат на ранней службе причастия, а еще у нас была служба в госпитале. Зал был довольно полон на утренних службах в 9.15 и в 10 утра — их было слишком много, чтобы все могли присутствовать на одной службе.

Во время завтрака мы с сестрой нашли на своих тарелках два огромных чулка со всякими дурацкими подарками в них. У нас был очень приятный день и веселый званый ужин вечером.

В тот вечер мы добрались до Мадейры и снова отплыли только в 2 часа дня следующего дня, так что утром я с несколькими людьми сошел на берег. 28-го мы бросили якорь в Гибралтаре в 8.30 утра, и пушки прогремели такое приветствие лорду Робертсу! Мы пробыли там до часа дня следующего дня, и я снова сошел на берег с несколькими друзьями и хорошенько осмотрел город.

Сэр Джордж Уайт и его дочь поднялись на борт, а затем лорд и леди Робертс сошли на берег.

Всю дорогу домой у нас была довольно хорошая погода, но после Гибралтара корабль сильно креноило; запись в судовом журнале гласила: "шторм от свежего до умеренного, море беспокойное (!)". Двум сестрам было довольно плохо, поэтому мы с оставшейся сестрой были заняты между больными офицерами и госпиталем; и, хотя ни одна из нас не страдала морской болезнью, я не могу сказать, что нам особенно нравилось, когда нам приходилось протирать губкой тяжелого брюшного тифа на верхней койке (чтобы добраться до него, нам приходилось вставать на ящик, а в проходе стоял человек, чтобы держать наш таз с водой; никогда не было полной уверенности, что при следующем броске ему не придется выливать всю воду ни на нас, ни на нашего пациента); и ежедневное спринцевание руки офицера, страдающего брюшным тифом. тех, кому была сделана операция, было почти столько, сколько я могла выдержать в те суровые дни; поэтому мы были рады, когда ветер стих и все сестры смогли занять свою очередь на ночное дежурство и т.д.

Лорд Робертс был ужасно мил со мной за то, что присмотрел за людьми на борту, и спросил, не хочу ли я чем-нибудь, с чем он мог бы мне помочь; поэтому я сказал ему, что только хотел убедиться, что они позволят мне вернуться и продолжить работу, а не отправят на родину; поэтому он очень любезно послал за своим секретарем и попросил его написать Генеральному директору, что он будет обязан, если мои пожелания по этому поводу будут учтены. Разве это не было любезно с его стороны? Если бы я не был так удивлен, я бы попросил разрешения снова поработать у того же Майора, но он просто так по-доброму, неформально болтал на палубе, что я не понимал, насколько он мог бы помочь мне, если бы я догадался попросить.

Я встречал Новый год в "Дауне в больнице", и кочегары так шумели, чтобы отпраздновать это событие, стучали лопатами и так далее. К счастью, к тому времени всем нашим пациентам стало

лучше, хотя некоторые из них все еще были очень больны; все, кроме очень больных, были чрезвычайно взволнованы мыслью о возвращении домой.

Мы пришли несколько раньше положенного времени, поэтому вечером 1 января нам пришлось бросить якорь в бухте Суонидж, а затем прибыть и бросить якорь у Кауза на следующее утро, в 10 часов утра, стоял сильный мороз, и нам всем не терпелось поскорее попасть домой; но во второй половине дня лорд Робертс сошел на берег, чтобы быть принятым королевой Викторией в Осборне. Он вернулся графом и кавалером ордена Подвязки, и, я полагаю, королева вручила ему V.C., выигранный его сыном при Коленсо.

В ту ночь мы бросили якорь у Нетли, и стоял невыносимый холод; мы прибыли в Саутгемптон в 9.30 утра 3 января, и такая толпа собралась там, чтобы приветствовать лорда Робертса. Конечно, прошло некоторое время, прежде чем он ушел и мы смогли высадить наших пациентов; но как только мы вошли в док, на борт поднялись несколько санитаров из Нетли с хорошим запасом свежего молока, которым очень любили в больнице, и, в конце концов, мы были благодарны за то, что всех тяжелых пациентов благополучно доставили в Нетли — трое из них были очень тяжело больны, и несколько раз мы думали, что они не доживут до возвращения домой.

Всегда немного грустно прощаться с людьми, которых ты хорошо узнал на борту корабля, но рядом с домом тебе далеко не так плохо, как на фронте.

У нас был приказ явиться в Военное министерство, и, после того как мы очистили госпиталь, мы смогли уехать около 13:00

На следующий день я позвонил в Военное министерство и вручил письмо лорда Робертса, и мне сказали, что я должен вернуться; они дадут мне знать, когда — и затем я отправился в отпуск.

15 января я получил телеграмму с просьбой вернуться на корабль для обратного рейса 19-го. Все время, пока я был в Англии, было ужасно холодно, и я спешил купить новую форму и другие необходимые вещи, распаковать вещи, "привести себя в порядок" и снова упаковать вещи.

Когда я поднялся на борт "*Канады*", я был рад обнаружить, что эта Сестра тоже возвращается, и трое наших первых медиков.

Корабль был очень переполнен (122 человека в салоне), и там было шестнадцать сестер и еще одна леди; но моя старая подруга, стюардесса, была настолько любезна, что мне выделили маленькую каюту для себя.

Как раз перед тем, как мы отчалили, "*Манхэттен*" врезался нам в корму и сначала отбросил нас с таким грохотом к причалу, что люди, стоявшие там, упали плашмя, как кегли (а шел дождь, так что они могли провалиться в грязь толщиной в несколько дюймов!); а потом мы оторвались от наших швартовов, и на борту все еще оставались несколько посетителей и посадочные офицеры. После небольшого волнения им удалось встать на якорь у Нетли, и они обнаружили, что повреждения были нанесены в основном шлюпочной палубе (одна лодка была затоплена) и перилам — это было бы серьезнее, если бы наш паровоз не был готов к отходу, поэтому они смогли сразу взять судно под контроль — но там нам пришлось оставаться весь следующий

день на ремонте, и было очень мучительно тратить это время на борту, тем более что у меня есть родственники, которые живут в паре миль от того места, где мы стояли на якоре.

Перед отплытием мы услышали, что королева тяжело больна, и я боюсь, что в последнее время она была очень слаба и очень обеспокоена войной; поэтому мы все испытываем беспокойство, и каждый вечер, когда оркестр играет "Боже, храни королеву", и все встают во время салюта, мы спрашиваем, как она.

XLI

Пароход "Викторианец" (между кейптауном и Дурбаном), февраль 1901 г..

Как только 2 февраля мы увидели остров Святой Елены, у нас сломались двигатели, и нам пришлось простоять несколько часов, пока их ремонтировали.

Затем, когда мы медленно плыли к якорной стоянке, Ее Величество *Фетида* сообщила нам, что наша Королева скончалась 22 января; так что мы должны были петь "Боже, храни *короля*" последние одиннадцать дней.

Все мужчины шутили, играли в игры и т. Д., Когда пришло известие, и тогда на корабле воцарилась такая печальная тишина, что все игры были отложены. Весь следующий день, пока шел ремонт, мы находились на острове Святой Елены. *Монгольские* войска прибыли с 600 пленными бурами, а на прошлой неделе у них было 1300 человек из Саймонс-Тауна. С тех пор как мы были здесь в последний раз, некоторые заключенные предприняли попытку побега, а также подняли жестокий мятеж среди солдат Вест-Индского полка, который был там расквартирован.

Мы бросили якорь в Тейбл—Бэй после очень небогатого событиями плавания (без работы в больнице, за исключением пяти случаев немецкой кори) 8 февраля, но не подходили к борту до следующего вечера; а затем (поскольку мы получали свежие приказы примерно каждые полчаса) мы спокойно оставались на борту до 11-го, когда *Канада* снова вышла в море.

Единственное, что было определено, это то, что офицеры-медики и сестры, которые были в Натале раньше, должны были вернуться в это командование, но как туда добраться, было другим вопросом; корабля, на котором они предполагали отправить нас, еще не было, и казалось вероятным, что, когда *Канада* уйдет, мы останемся на пристани, сидя на своих ящиках.

Сестра - и я были единственными сестрами, которые раньше бывали в Натале, поэтому мы провожали остальных поездом в Преторию и Эландсфонтейн.

Затем подошел "*Город Вена*", и судно было так переполнено, что едва смогло принять медицинских работников, и нам с сестрой пришлось ждать, чтобы отплыть на каком-нибудь другом судне; но нам сказали, что мы можем отправиться в Винберг и поселиться в больнице, пока они не найдут для нас места, оставив наш тяжелый багаж на складе в доках.

Там нас десять дней продержали в ожидании корабля, и это было очень скучное время, так как мы боялись уходить далеко на случай, если для нас поступят какие-нибудь внезапные приказы.

Винберг - очень красивое местечко в сосновом лесу; но хижины были кишмя кишат тварями, так что спать было трудно, и хотя мы оба не очень разборчивы в еде, она была так плохо сервирована и грязна, что мы не могли ею насладиться.

Я не могу понять этого беспорядка, так как сестрам приходится оплачивать все свои карманные расходы в размере 21 шиллинга в неделю на еду, и они не получают ничего похожего на ту хорошую еду, которая была у нас по цене 14-15 шиллингов в неделю (хотя фактическая стоимость еды в Кейптауне меньше), и у них нет разнообразия. Там было несколько сестер из Претории, которые проходили набор после enteric, и мне было так жаль их, так как еда была абсолютно непригодна для выздоравливающих; и они сказали мне, что за ними очень хорошо ухаживали все время, пока они болели в Претории, и поэтому им не хватало бережного питания, к которому они привыкли.

Конечно, мы не очень много узнали о больнице, поскольку не были на дежурстве и были всего лишь "жильцами", но сестра, которая приехала с нами, была на дежурстве и совсем не обрадовалась; у сестер было так много мелких правил, что они, казалось, тратили свое время на попытки их обойти — нехороший больничный тон.

Мы вообще не нашли никаких новостей в кейптаунских газетах, но, безусловно, война, похоже, еще не закончилась; говорят, что все гражданское движение и почта к северу от Де-Ара остановлены.

Ходили слухи, что в тридцати милях от Кейптауна находятся буры, поэтому всех пленных буров высылали из Саймонс-Тауна. На "Львиной голове" (части Столовой горы) было установлено несколько морских орудий, и туда были отправлены дозоры Городской стражи, а также некоторые регулярные войска.

Городская стража была очень энергична и постоянно тренировалась. Однажды я захотел поговорить с одним из таможенников и обнаружил, что все они упражняются со своими винтовками в таможенном сарае, и таможенным делам пришлось подождать.

Тогда, конечно, вы слышали, что в Кейптауне была чума, и была некоторая тревога, что она может распространиться среди солдат и таким образом искалечить нас; но они, похоже, энергично борются с ней, и пока что она практически распространяется только на цветных.

Как обычно, это началось среди крыс на Южном рукаве, в доках; большое количество из них умерло, а остальные всем скопом отправились в Грин-Пойнт, где находится большой военный лагерь, так что санитарные службы были весьма встревожены.

Тогда туземцы испугались и захотели вернуться домой; но правительство остановило это, не разрешив никому из них путешествовать поездом, кроме как по специальным разрешениям; отчасти это было сделано для предотвращения распространения чумы по стране, а также потому, что было бы трудно завершить работы в доке, если бы туземцы очистились.

В то же время на Кейп-флэте строится большое поселение для местных жителей (где им всем придется жить) и легкорельсовая дорога, чтобы привлечь их к работе.

Крыс покупают по три пенса за штуку, и несколько сотен их тел ежедневно кремируют на газовом заводе.

Наконец мы прибыли в Кейптаун и встретились с почтальоном, но он сказал, что не может сказать, когда мы должны сесть; поэтому мы пошли к нашему другу, офицеру по отправке, и сказали ему, что, если в ближайшее время транспорт не прибудет, мы сами оплатим проезд до Наталя почтовым катером, а не будем тратить больше времени в Винберге; но он пообещал, что мы сядем на корабль до следующей почты и сэкономим наши деньги, чему мы были очень рады; но мое личное мнение таково, что мы все еще ждали бы в Винберге, если бы не зашли в Кейптаун. Город и взволнован по этому поводу!

Мы нанесли визит в больницу Йоменри в Мейтленде, где брат сестры находился в качестве пациента (но ему становилось лучше), и я нашел там нескольких старых друзей среди персонала.

Наконец, 20-го числа мы получили приказ присоединиться к *викторианскому* полку в Кейптауне. Шел проливной дождь, но сестра ... сразу же отправилась ловить такси, пока я торопливо собирал вещи, оплачивал нашу столовую и т. Д. Прежде чем она вернулась, нам позвонили с просьбой поторопиться, так как скоро отходит корабль; мы погрузили наши вещи в такси и едва успели на поезд в Винберге, который (по счастливой случайности) был экспрессом, поскольку большинство поездов слоняются без дела на всех пригородных станциях.

В Кейптауне мы поспешно поехали на такси в офис РМО за распоряжениями, но нам сказали ехать прямо на корабль; у ворот дока я отправил сестру с нашими маленькими вещами на корабль, сказать, что мы прибываем, а сам пошел к агентам, и мне повезло, что я нашел пустую тележку и заставил их погрузить на нее наш тяжелый багаж, хотя они сказали, что для *викторианской* было слишком поздно, так как она уже некоторое время гудела; тем не менее, я сел в тележку и потащился к Южный рукав. Там я нашел сестру - она выглядела очень печальной, поскольку на борту ей сказали, что нас не ждали, и для нас не было места, и "где были наши письменные распоряжения?"

Конечно, у нас *не было* никаких письменных распоряжений, поскольку все было сделано по телефону; но я не хотела отставать, поэтому, взяв свою сумку и сказав сестре, чтобы она принесла свою, я поднялась по трапу, который они собирались убрать, и попросила разрешения встретиться с командиром, сказав им, что я ничуть не возражаю, если здесь нет каюты, но мы можем путешествовать по палубе! Как раз в этот момент суетливо подошел офицер по посадке и сказал, что он думал, что мы не сможем спуститься вовремя, но что все в порядке, и они должны были освободить для нас место! Так что вскоре несколько солдат перенесли наш багаж на борт, и когда погрузили наш последний ящик, офицер по посадке ушел, и мы отчалили.

Все каюты действительно были заняты, но после некоторой задержки двум бедным молодым офицерам пришлось поселиться вместе с другими и уступить нам свою каюту.

"Викторианская лодка" довольно неряшлива — лодка для перевозки скота, когда она дома. На борту двести пленных буров, которые направляются в пункт назначения близ Ледисмита; четверо из них - офицеры, они размещены на верхней палубе, но не связывайтесь с нами. Они кажутся довольно высокомерными людьми (один из них был комендантом), и они очень вежливы с нами, всегда готовы подвинуть нам стулья или сделать что-нибудь, чтобы помочь нам.

В салоне около двадцати офицеров и жена одного офицера.

Корабль не привык, чтобы на борту были дамы, но все очень добры к нам, а стюарды очень внимательны (стюардессы нет).

Я сижу рядом с командующим, полковником из Австралии, который неудачно упал с лошади и возвращается в Австралию для вербовки (это судно доставит людей с истекшим сроком службы из Дурбана в Австралию, а оттуда вернется с полным грузом людей и лошадей); он и его сын оба сражались здесь.

Совсем недавно он был пациентом в больнице, где мы разместились, и он очень прямо говорит о плохом управлении там, после того как за ним очень хорошо ухаживали в другой больнице на севере страны.

Есть очень приятный и очень ирландский врач, специализирующийся в области медицины. Последние пятнадцать месяцев ему было нелегко путешествовать со своим полком, и сейчас он отправляется в Австралию для набора после лихорадки; он хочет, чтобы мы поехали с ним, поскольку они, вероятно, пришлют пару сестер, и нам уже обещали "хорошо провести время" в Австралии, пока корабль там; Сестра говорит, что хотела бы поехать, но я хотел бы сначала досмотреть это шоу.

Жену офицера всю дорогу укачивало в ее каюте, так что нам пришлось немного поухаживать за ней. Было немного тяжело, но даже сестра ... держалась хорошо - мы заключаем, потому что мы соблюдали обязательный пост из-за плохого питания в Винберге перед тем, как подняться на борт! Мы должны были подумать, что кормление на этой лодке очень плохое после *Канады*, но после Винберга оно первоклассное.

Теперь мы скоро будем в Дурбане, и тогда, как говорят, нас, возможно, придется поместить в карантин на десять дней (из-за чумы на Кейптауне), но мы надеемся, что наши услуги могут так срочно потребоваться на фронте, что они забудут поместить нас в карантин!

XLII

Больница общего профиля, Натал,
март 1901 г..

Мы прибыли в Дурбан 23 февраля, и в конце концов нам разрешили приземлиться без карантина.

Был субботний полдень, и на борт для нас не поступало никаких распоряжений, и к тому времени, как пленные буры были выгружены на берег и мы смогли доставить наш багаж на берег, премьер-министр Дурбана покинул свой офис; так что мы чувствовали себя свободными делать все, что нам заблагорассудится, до следующего дня, когда (хотя и в воскресенье) мы, *возможно*, сможем явиться сами.

Если бы мы были новенькими сестрами, прибывающими сюда, это могло бы быть неловко, но нас это вполне устраивало.

Сестра - только что села на вечерний поезд до Пайнтауна, чтобы погостить у друзей, и я пообещала телеграфировать ей, если мы понадобится в воскресенье; в противном случае она вернется в понедельник.

Затем добрый сержант-майор помог мне погрузить наш багаж на тележку и отвезти его в медицинский склад, где он был бы в полной безопасности; а после этого я отправился навестить друзей на Берее, и они очень любезно приняли меня.

От них я узнал многое; среди прочего, что наш старый госпиталь был превращен в лагерь отдыха на 300 коек, и что они думали, что у нас будет шанс вернуться туда, но по разным причинам они настоятельно советовали нам не делать этого, если мы могли этого избежать; что наших бывших медицинских работников уже отправили дальше в глубь страны (мы надеялись снова работать у них, но не преуспели в этом).

В воскресенье утром я пошел доложить "о себе" майору ..., и он был очень приятным и добрым, захотел услышать все о нашем путешествии домой и т. Д., И спросил меня, куда мы хотим отправиться? Поэтому я сказал ему: "как можно ближе к фронту"; тогда он сказал мне, что натальский военкомат приказал нам возвращаться в Пайнтаун, но, если я хочу, он телеграфирует ему с просьбой разрешить нам отправиться в глубь страны и что мы можем оставаться у наших друзей, пока он не получит ответа.

Я провел тихое воскресенье в Дурбане, встретился со многими друзьями и вечером сходил в церковь.

На следующее утро я встретил сестру на вокзале, и первое, что она сказала мне (прежде чем я успел изложить ей приказ), было: "Сестра, я не поеду в Пайнтаун, я лучше уйду в отставку, если они хотят отправить нас туда". И тогда я сказал ей, что наша судьба зависит от телеграммы из Р.М.О.; и пока мы шли в офис, она рассказала мне многое из того, что слышала о Пайнтауне — конечно, мы едва ли можем судить, насколько это на самом деле правда, но, во всяком случае, некоторые из сестер, которые сейчас там, похоже, думают, что они приехали в Южную Африку только для того, чтобы повеселиться, и что они ведут себя так, как ни одна леди не захотела бы подражать.

Было довольно странно, что мы оба получили один и тот же совет из совершенно разных источников: "Не ходи туда".

Мы вместе отправились в офис и пробыли там некоторое время, но телеграммы не пришло; они подумали, что нам, вероятно, следует уехать *куда-нибудь* почтовым поездом в 6 часов вечера. Нам посоветовали взять с собой немного еды, если мы поднимемся наверх, так как питание по

дороге было ненадежным. Так что я запаслась своей корзинкой с чаем и купила немного тушеного мяса и прочего на случай, если мы пойдем.

Весь день нам приходилось торчать возле офиса или в пределах слышимости телефона, а в 5 часов вечера нам пришла телеграмма с просьбой отправиться почтовым поездом в больницу общего профиля.

Один из медицинских работников любезно помог нам донести наш багаж до вокзала и обеспечил для нас экипаж.

Путешествие из Дурбана всегда нелегкое, но нам удалось немного выспаться, и на следующее утро, когда мы завтракали в Гленко, мы были рады встретить майора ... из королевских инженеров, нашего старого пациента, который проделал великолепную работу на этой стороне; он направлялся в Ледисмит.

Немного дальше мы встретили двух офицеров, которые приехали с нами в *Канаду*, поэтому они зашли в наш вагон и разделили с нами ланч, и мы заварили чай из моей чайной корзинки. В Ньюкасле на платформе был генерал Хиллиард, а также сестра, которую мы знали.

Не успели мы добраться до места назначения, как сержант К. подошел поприветствовать нас — он был в Пайнтауне — и тоже отправился с нами домой; похоже, он совсем не рад, что его направили сюда, и уже пытается что-то изменить.

До сих пор эта больница была "Стационарной больницей", но ее только что превратили в "Больницу общего профиля", поэтому говорят, что в настоящее время там довольно беспорядок.

Сестре и мне выделили палатку, в которой были только кровать и одеяла — больше ничего; в тот день дежурство нам не требовалось, поэтому мы спустились в магазин для кули и купили несколько дешевых простыней, ведро, таз и т. Д.; Также столовые принадлежности, поскольку, как нам сказали, тарелок, чашек, ножей или чего-либо еще не было. Многие люди здесь предпочитают спать в одеялах, но поскольку армейские одеяла темно-коричневые, по текстуре напоминающие попоны, и поскольку они явно были не новыми (а удовлетворительная стирка и дезинфекция армейских одеял здесь до сих пор остается нерешенной проблемой), мы предпочли положить между ними несколько простыней!

Воздух здесь прекрасный и свежий, мы находимся на высоте 5000 футов над уровнем моря-днем всегда жаркое солнце, но по ночам очень холодно.

В первую ночь нашего пребывания здесь произошла самая неприятная вещь: у сестры, которая приехала с нами в *Канаду*, были два больших ящика пуховых подушек, подаренных ей принцессой Уэльской — которую мы теперь должны научиться называть королевой Александрой — с просьбой отправить их мужчинам в госпиталь поближе к фронту. Она пообещала мне, что, если я поеду в глубь страны, у меня будет одна из коробок для распространения.

Когда мы прибыли сюда, я нашел телеграмму от нее, в которой говорилось, что она проезжала мимо нашей станции около 8.30 вечера и не мог бы я встретиться с ней? Она была одной из сестер, которые высадились в Кейптауне, но теперь направлялись в больницу на этой стороне. Итак, когда мы привели в порядок нашу палатку, мы пошли к леди-суперинтенданту и сказали, что, если мы действительно не нужны на дежурстве, не могли бы мы после обеда спуститься в

участок, чтобы встретиться с этой сестрой? Она сказала, что, конечно, мы могли бы; она сожалеет, что ей нужно написать несколько писем, иначе она бы спустилась вместе с нами.

Когда мы добрались до станции, то обнаружили, что пришли слишком рано, и вокруг стояло много санитаров и несколько офицеров (которых мы, конечно, не знали), поэтому я сказала сестре: "Я за то, чтобы погулять снаружи, пока не услышим приближающийся поезд"; и мы уже собирались уходить с платформы, когда к нам подошел офицер и очень грубо спросил: "Кто ты?" Мы просто представились и уже уходили, когда он снова остановил нас и спросил, что нам нужно на станции? К этому времени сестра ... кипела от гнева, но нам пришлось объяснить, что мы получили разрешение встретиться с сестрой. Я думаю, если бы я сказал, что ожидаю коробку с вещами от Королевы, он бы согласился, но я не собирался на это размениваться; и, короче говоря, он не поверил, что нам дали отпуск, и сказал, что нас не пустили на станцию и мы должны вернуться в лагерь.

Конечно, мы вернулись в ярости от его грубости, а потом обнаружили, что он здесь главный! Я предполагаю, что леди-суперинтендант забыла сказать ему, что мы получили отпуск (или что-то в этом роде), но он, возможно, поверил бы нам на слово и не был бы так груб с нами перед множеством санитаров, а она была очень на него сердита.

На следующее утро, когда нас официально представили ему, он, я думаю, раскаялся и пригласил нас на пикник на следующий день, когда несколько наших знакомых собирались приехать сюда, частично для осмотра больницы, а частично для этой экскурсии. Сестра ... пошла с ними, но в ту ночь у меня было ночное дежурство, поэтому я отпросилась.

Это "Продовольственный пункт" (поскольку так далеко от базы было бы трудно купить еду частным образом), поэтому мы не получаем так много "пособий", но "скофф" кажется очень неплохим; в лагере пекут хлеб; и пока вы можете достать приличный хлеб, вы можете быть довольны.

Мы находимся как раз на границе с Трансваалем, и вокруг полно буров; две или три наши колонны бродят по округе, и они говорят, что к нам часто присылают больных и раненых.

Кажется, большинство здешних сестер ездят верхом, но я пока не могу привыкнуть к этому снова. Две ночи назад ночные сестры пережили небольшое волнение, когда в лагерь галопом прискакали две лошади, и они — с помощью выздоравливающего офицера — поймали и привязали их. Они надеялись, что им разрешат оставить их у себя, но, к несчастью, их забрали несколько йоменов; но они говорят, что очень часто здесь проходят табуны лошадей, и иногда несколько убегают или остаются слишком больными (или слишком уставшими), чтобы идти дальше; и тогда санитары ловят их и продают сестрам за 1 или 2 фунта стерлингов!

Я думаю, здесь около 500 кроватей, почти все под брезентом. Есть несколько деревянных построек, и среди них есть небольшая комната, которую сестры используют как дежурную, и ночные сестры (их две) сидят там, и у них есть небольшая плита для кипячения воды и так далее. Рядом с палатками для пациентов нет устройства для подачи горячей воды — раньше у нас были (и я видел их и в других больницах) котлы на колесиках с кули для поддержания огня, и если вода не всегда была горячей, кули вскоре узнавали об этом от санитаров.

Однажды командир спросил меня, есть ли у меня все, что я хотел, и я ответил: "Нет, мне нужно много всего для людей, в том числе горячая вода"; но он сказал, что никогда не слышал об этих передвижных котлах и, похоже, считает их ненужной роскошью.

В лагере сестер у нас есть удобная комната, которую они используют как гостиную, со множеством мебели, "реквизированной" из домов в округе. На днях офицер прислал нам много фарфоровых тарелок, взятых из бурского отеля; они были очень кстати, так как большинство из нас пользовались эмалированными тарелками из наших чайных корзиночек и так далее. Мы едим в палатке — просто длинный стол и скамейки без спинок.

Наши спальные палатки в основном большие квадратные, называемые палатками Е. Р.; предполагается, что они вмещают четыре кровати, так что нам, возможно, придется туго укладываться, но сейчас мы с сестрой одни. Некоторые сестры сделали свои палатки очень красивыми и натянули занавески, чтобы разделить их. В настоящее время мы используем наши боксы как умывальники и т. Д., А поскольку Больнице общего профиля выделено определенное количество мебели для сестер, мы намерены не покупать ничего, что на самом деле не нужно, пока не увидим, что они собираются нам дать.

XLIII

Больница общего профиля, Натал,
март 1901 г..

Теперь я прошел (как в прямом, так и в переносном смысле) свой первый за две недели период ночного дежурства, и это было неприятно; но когда думаешь, насколько хуже это должно быть для войск, отправившихся в поход, это не имеет значения.

Я всегда думал, что Южная Африка *без солнца* была довольно бедным местом, и, живя в палатке в сезон дождей, я утвердился в этом мнении.

Дождь пошел в первую ночь, когда я заступил на дежурство, и за две недели у меня было всего четыре погожих ночи: в остальные ночи шел дождь — обычно как из ведра.

В первый день, когда я лег спать, в палатке было очень жарко и душно, поэтому я некоторое время не спал, но уже спал днем, когда начался дождь, и вскоре он разбудил меня, брызгая мне в лицо; затем я обнаружил, что дождь льет потоками, а наша палатка была так плохо поставлена, что вокруг нее не было траншеи, что через нее протекал глубокий ручей. Мне пришлось грести на веслах и поднимать с пола все наши пожитки, перекидывая большую их часть на кровать сестры; и она была весьма удивлена, когда, подойдя позвать меня, обнаружила, что я крепко сплю под макинтошем и зонтиком, моя кровать - простой островок, и ей негде забраться в свою кровать!

Большинство сестер были готовы к этому и имели подходящую одежду, но прошло несколько дней, прежде чем я смогла ее раздобыть, так что очень скоро у меня не было ни одной сухой вещи.

Прежде чем я оставляю эту тему, я могу также рассказать вам, как правильно одеваться, и тогда вы сможете представить нас сидящими на скамейке в нашей столовой — и я уверен, что никто, увидев нас, не подумал бы, что мы сестры; с нашими фонарями, подвешенными позади нас, мы больше похожи на шахтеров или что-то в этом роде!

Первое, что необходимо, - это пара резиновых сапог до колен, поскольку трава между палатками высокая; затем у вас должны быть бриджи с очень короткой саржевой юбкой (некоторые вообще не носят юбку на ночных дежурствах!), Затем макинтош. Когда нет дождя, вы заменяете макинтош "британским теплым" пальто — это короткое пальто цвета хаки, которое носят как офицеры, так и рядовые, из очень грубой шерсти с теплой фланелевой подкладкой. В качестве головного убора у нас есть матросская шляпа, или шерстяная шапочка, или су'вестер, на ваш вкус. Белые шапочки и фартуки совершенно невозможны, когда приходится переходить от палатки к палатке.

Конечно, нет никакой возможности что-либо высушить до того, как снова выглянет солнце, и, когда мы встаем с постели, не стоит убирать это; вместо этого вы кладете все, что хотите, чтобы *попытаться* сохранить сухим внутри, и накрываете все это всеми ковриками, одеялами и макинтошами, которые попадутся вам под руку.

Наша палатка была настолько безнадежно испорчена, что через несколько дней нам разрешили перебраться в другую, и в той, с деревянным полом, нам было лучше.

Я так устал после переноса наших вещей в новую палатку и после тяжелого ночного дежурства под проливным дождем, что спал как убитый, а когда проснулся вечером, то обнаружил, что в палатке все перевернуто, и явные следы того, что у меня укрывалась корова!

Сестры посмеялись надо мной и сказали, что я, вероятно, не проснулся бы, если бы это был бурский командос.

Есть много людей, которые очень больны. Предполагалось, что я буду отвечать за ночное дежурство медицинской части (около 250 коек), и это включало кишечные палатки примерно на 100 коек. Похоже, у них мания перекладывать людей, поэтому часто было трудно найти тяжелых пациентов; в кишечных палатках обычно были только ночные санитары, так что предполагалось, что мужчин, которым ночью требовалось много внимания, отправляли на линию приема кишечника, независимо от того, был у них кишечный грипп или нет. Чтобы избежать для них этого риска заражения, мы, сестры, старались делать все для них в их собственных палатках так долго, как только могли, и бедняги были так благодарны нам, а дневные сестры (которые в равной степени стремились, чтобы их не отправляли вниз) рассказывали нам, что мужчины всегда уверяли медиков, что ночью у них есть все, что они хотят. Вы знаете, что дома, если больной человек просыпается и остается один на несколько минут, он думает, что им пренебрегают, но этим беднякам, должно быть, приходится проводить много часов в одиночестве в темных палатках, и все же они никогда не жалуются; они знают, что очень многие умирают от кишечной инфекции, и, кажется, их ужасает мысль о том, что их отправят в такую очередь.

Это действительно было довольно неприятно - плестись в темноте по высокой траве между палатками; и было так скользко от грязи и дождя, что я дважды падал, и потребовалось некоторое время, прежде чем я смог найти свой фонарь и чайник, который я только что вскипятил и нес вниз, чтобы приготовить припарку для бедняги с пневмонией: это было очень

досадно, так как, конечно, требовалось время, чтобы снова вскипятить чайник. Дневная сестра оставляет все готовым вместе с льняным семенем в миске, так что мне остается только залить его водой, а затем я готовлю все для следующего раза; таким образом, мы можем получать довольно горячие припарки, хотя палатки находятся далеко от огня.

Мужчины, бывало, очень сожалели о том, что мы постоянно мокрые; и многие выздоравливающие мужчины умоляли меня позволить им бодрствовать с очень больным человеком и давать ему пить и т. Д., Обещая прийти и забрать меня, если ему что—нибудь понадобится, чтобы мне не нужно было так часто ходить туда-сюда, - но, конечно, я не мог позволить ему этого сделать.

Один мужчина (новозеландец) сказал мне: "Ну, сестра, я часто ворчал из-за необходимости дежурить два-три часа дождливой ночью, но я никогда не знал, что какой-либо женщине приходится заниматься этим по двенадцать часов подряд; я больше не буду ворчать на свою долю в спешке".

На днях к нам прибыл большой конвой из восьмидесяти больных и раненых из колонны генерала Френча. Они провели восемь дней в повозках, запряженных волами, преодолев семьдесят две мили; бедняги, они были рады забраться в постели.

Через два дня отсюда однажды ночью они застряли в сугробе, и буры спустились и открыли по ним огонь, убив капрала и рядового гвардии и ранив еще двоих. Один мужчина был ранен в бедро, и сестра уложила его поудобнее в постель, и врач сказал, что они не должны ничего предпринимать до следующего дня; мужчина спал как убитый более двенадцати часов, и когда он проснулся утром, сестра сказала ему что-то о том, что ему было удобно, и он сказал: "Да, сестра, я не собирался упускать пять минут наслаждения этой кроватью, потому что я не был на кровати уже пятнадцать месяцев".

Этот конвой также привез много бурских женщин и детей, но они отправились в лагерь примерно в трех милях отсюда.

Если вы или кто-либо из ваших друзей потрудитесь прислать мне какие-нибудь иллюстрированные статьи или журналы, я буду с большой благодарностью принят, или вообще что-нибудь, чем можно развлечь мужчин. Мы также должны быть очень рады теплой одежде, поскольку приближается зима, и сотрудники Красного Креста перестали присылать великолепные большие пачки бумаг, которые наши люди раньше так ценили; на самом деле, большинству людей, похоже, надоело присылать вещи, которыми мы были так хорошо снабжены поначалу. Бедные Томми чувствуют себя немного обиженными из-за отсутствия бесплатных запасов табака или сигарет, и я бы все отдал, чтобы иметь свой старый запас теплых рубашек, свитеров, шерстяных шапочек и т. Д. Для мужчин, которым приходится возвращаться к тяжелым испытаниям в походе.

Теперь, когда дождь прекратился, дни у нас совершенно чудесные, но ночи очень холодные; говорят, что чуть позже здесь, наверху, станет очень холодно.

За первые две недели моего ночного дежурства погибло шесть человек, и это было ужасно печально, поскольку чувствовалось, что у них так мало шансов, и я действительно не понимаю, почему с ними не следует лучше "покончить"; но сестры, кажется, думают, что это естественный порядок вещей, и что мы должны просто "сделать все возможное, а остальное оставить".

Генерал был здесь на днях и сказал, что у всех солдат должны быть стаканы вместо кружек, но я полагаю, он не знает, что у каждого из них еще нет кружки!

Имеется одна кишечная палатка (последняя открытая) на четырнадцать коек, и в их оснащение входят только четыре кружки и вообще ни одной чашки для кормления. Однажды ночью я обнаружил, что мужчину, у которого не было кишечной инфекции, отправили туда ради ночных санитаров, так как он был очень болен; поэтому мне пришлось позаимствовать для него кружку из другой линии, а на следующий день я купил ему необходимые принадлежности в магазине кули; но это не принесет большой пользы, так как санитары, вероятно, не примут должных мер предосторожности, чтобы помыть его отдельно.

Сейчас здесь несколько новых офицеров R.A.M.C., и один из них кажется энергичным; я не знаю, что пошло не так, в чем он копался, но одна из сестер слышала, как он сказал сержанту: "Больничные скандалы тут ни при чем", так что мы можем только надеяться, что здесь все наладится.

Однажды ночью здесь было большое оживление. Из соседней колонны прибыл больной майор в запряженной мулом коляске; командующий увидел его и сказал, в какую палатку идти, но он так и не прибыл. После долгих поисков по лагерю ни офицера, ни его мулов найти не удалось; затем гелиограф заработал, и в конце концов его нашли на следующей станции, а когда его привезли обратно, он сказал, что командир был с ним так груб, что он подумал, что не останется, и отправился в гостиницу!

С тех пор как я сменилась с ночного дежурства, я и две другие сестры выполняли только "дневное дежурство", что означает присмотр за лагерем, пока все остальные сестры не на дежурстве; это потому, что сестер здесь больше, чем положено по количеству: если бы их было только нужное количество, две сестры, у которых есть очереди, дежурили бы каждый день по очереди; но глупость в том, что если бы каждой из нас предоставили большую палатку с кишечноротовыми препаратами (вместо того, чтобы одной сестре держать всю очередь на руках), мы могли бы заниматься действительно полезным уходом; а так нет никакой необходимости. днем нужно многое сделать, помимо того, что побродить вокруг и попытаться поговорить с мужчинами и немного подбодрить их.

На днях один из них представил мне эти строки собственного сочинения; он был в палатке, когда я был на ночном дежурстве, где произошел очень тяжелый случай:

(Австралийским солдатом.)

Вы можете говорить о наших солдатах и матросах,

И о наших храбрых Колонистах тоже,

Но о наших Медсестрах ничего не думают,

С такими нежными и верными сердцами.

Они перенесли большие трудности и выстояли

Испытания, выпавшие на их долю,

И таким образом заставили беречь их имена
На Площади каждой Казармы.
Так что троекратно поприветствуйте наших Сестер
Которые показали нам, что они будут делать
Чтобы помочь делу Старой Англии
Ухаживая за нашими больными солдатами.

XLIV

Больница общего профиля, Натал,
апрель 1901 г..

Теперь наша палатка заполнена — нас в ней четверо, — так что мы чувствуем себя довольно плотно набитыми. Одна из четверых - сестра, которая была в Индии и где-то ночевала в кемпинге, поэтому она думает, что знает все о палатках и о том, как в них жить; мы предпочитаем торговать этим, и когда идет дождь, мы убеждаем ее, что она должна пойти и ослабить натяжные веревки на случай, если они сморщатся от влаги, и вытащить колышки, поскольку она знает о том, как это сделать, гораздо больше нас; или, если ночью начинается сильный ветер, мы будим ее и предлагаем ей молоток, чтобы она пошла и вбила колышки для палатки!

Ветер здесь поднимается так внезапно, что нам приходится быть осторожными и не оставлять ничего непривязанного, иначе оно может оказаться за много миль над вельдом, прежде чем мы проснемся.

Теперь я отвечаю за линию медицинских палаток и нахожу эту работу очень интересной, хотя приходится сталкиваться со многими трудностями.

Буры, похоже, очень плотно засели в округе; они захватили обоз с 250 лошадьми отсюда до Х., а на днях они забрали 600 голов крупного рогатого скота у лояльного фермера всего в шести милях отсюда, и ему пришлось спастись бегством.

Несколько драгун, которые прочесывали местность в течение нескольких недель, проезжали здесь на днях, и одна из их бедных лошадей в изнеможении упала недалеко от моей палатки; отдохнув, они подняли ее и пошли дальше, но вскоре сержант вернулся и сказал, что он снова упал, и они собираются пристрелить его, не мог бы он одолжить несколько мулов и снасти, чтобы убрать его тело с тропы? Я сказал: "О, не стреляй в него — мне очень нужна лошадь, и я принесу ему овсянки и бренди из магазина". Он сказал, что я мог бы забрать его, если бы присмотрел за ним, или же пристрелил; но когда мы вышли, то обнаружили, что мужчины уже застрелили бедное животное.

Вокруг так много мертвых лошадей, мулов и быков, что ходить куда-либо за пределы лагеря довольно неприятно, и иногда мы слышим, что буры положили мертвого мула (а однажды мы слышали несколько мертвых кафров) в наш водопровод, и это вызывает у нас некоторую брезгливость, поскольку мы не можем даже вскипятить нашу питьевую воду здесь. Некоторые пациенты-офицеры рассказывают нам, что они не пили ничего, кроме кипяченой воды, на протяжении всей кампании, пока не попали сюда, и теперь они не могут заставить ее вскипятиться для них.

Я начинаю получать газеты из дома, и мужчины очень ценят их, особенно шесть номеров *Daily Mail*, которые приходят каждую неделю; я приношу по одному в каждую из своих палаток, а затем они обмениваются ими. Конечно, они месячной давности, но, несмотря на все это, это последние новости, и послушать их собираются толпы людей с других направлений.

После долгих хлопот я извлек коробку с подушками, присланную королевой, и это действительно сокровища: красивые большие пуховые подушки, обтянутые красной саржей, с надписью "Подарок принцессы Уэльской". Было немного трудно понять, кому их подарить, так как, конечно, все мужчины хотели по одному. Я пытаюсь раздать их инвалидам, которые отправятся домой, когда достаточно поправятся, поскольку они будут очень полезны в путешествии, а мужчины вряд ли смогли бы взять их с собой в поход.

В начале этого месяца у нас здесь было много волнений: однажды утром нас разбудили в 5 часов утра звуки крупнокалиберных орудий, а со временем мы услышали, что буры ночью взорвали несколько водопропускных труб и захватили поезд с провизией; затем появилось сообщение по гелиографу: "С рассвета идут ожесточенные бои", и им нужны медики; поэтому двое мужчин отправились на машинах скорой помощи, но, похоже, никто из наших не был ранен; пять или шесть буров были убиты, и двое их раненых были доставлены сюда: один бедняга с осколочным ранением. из головы вряд ли выживет; он выглядел просто неотесанным деревенским парнем в вельветовых брюках, но на носовом платке у него написано "Ф. Ж. Жубер", так что он может быть каким-то родственником генерала.

Охраннику поезда пришлось несладко, так как у него отобрали ботинки, а затем заставили нести мешки с провизией для них вверх по крутому склону.

В настоящее время они остановили движение поездов по ночам. Я действительно думаю, что железнодорожники были ужасно отважны в выполнении своей работы, когда они никогда не могли быть уверены, что линия не заминирована.

У нас был приказ не выходить за пределы лагеря в течение нескольких дней, и командующий обошел его и записал всех мужчин, которые были в состоянии взять винтовку в случае нападения; и, конечно, все мужчины разъезжали вооруженные.

У нас здесь был тихий Пасхальный день. Сестры ожидали, что несколько офицеров 5-го драгунского полка придут на чай, но они не пришли, так как всю ночь гонялись за бурами.

Несколько дней спустя буры сожгли гостиницу и магазины в Ингого, и сюда поспешили перебросить часть войск, чтобы преследовать их, но, конечно, они ушли.

Здесь по-прежнему очень много смертей; на днях у нас было четыре случая за двадцать четыре часа; один из умерших был врачом, которого я немного знал (он путешествовал с нами по

побережью, когда мы только вышли). Он тренировался здесь, поэтому его жена смогла приехать и побыть с ним, и она осталась в нашем лагере. У бедняги было заболевание сердца. Конечно, он был не в моей очереди, но у сестры офицерского отделения был случай в театре, и когда он спрашивал обо мне, леди-суперинтендант спросила, не хочу ли я пойти посидеть с ним, если смогу ненадолго оставить свою очередь. Мне удалось провести с ним большую часть дня, а вечером он умер, и на следующий день мы с его женой поехали на похороны.

Линия для приема кишечных препаратов сейчас заполнена, поэтому в одной из моих палаток разрешили дежурить ночным санитарам, и мы собираем туда тяжелых пациентов.

Вас бы позабавил "осмотр аптечки" здесь: когда объявляют об осмотре, волнение велико, и санитары, чуть ли не рвущие на себе волосы, настолько отвлечены, что, если у сестры какие-то тяжелые случаи, она должна ухаживать за ними сама, иначе поймет, что на них не обратят внимания, пока осмотр не закончится! Все оборудование палаты, кружки, тарелки, ведра, веники и т.д., должно быть разложено у входа в палатку, чтобы офицеры могли пересчитать. В домашней больнице, когда происходит "инвентаризация", вы знаете, что все, что изношено, повреждено или действительно утеряно, будет заменено, и вы рады шансу исправить ситуацию; но здесь меня уверяют, что все должно *быть* правильно, иначе санитаров оштрафуют или накажут; поэтому, чтобы избежать этого, он прибегает к стратегии.

Как только офицер (в сопровождении надзирателя и санитаров) признает одну палатку исправной, вещи могут быть убраны снова, и тогда на помощь приходят пациенты (которые полностью включаются в игру), самые проворные убегают со стаканом лекарства к одному санитару, у которого его не хватает, или с ведром к другому; Я знал, что хорошая метла выполняет свои обязанности на трех разных линиях, осторожно уклоняясь.

Я обнаружил, что одна из здешних старших сестер обратилась ко мне, когда я сначала выбирал сестер для выхода в свет; но у меня было из чего выбирать, и я не ошибся, решив, что другие больше подходят для этой работы! Другая сестра, кто же выйти со мной на днях пришел сюда, но она не очень хорошо, так как она пришла, и думает, что жизнь здесь-это очень грубо, так что она пытается сделать обмен.

Сестры могут уйти отсюда, только убедив других поменяться с ними местами; и нелегко заставить кого-либо поверить, что это желанное место жительства. Я еще не пробовала, так как хочу придерживаться этого, если смогу (конечно, я мало что могу сделать, но я могу сделать так, чтобы нескольким мужчинам было удобнее), но большинство остальных пытаются поменяться.

Наше мясо в основном состоит из бычьего мяса, и оно настолько жесткое, что его трудно разделать; примерно раз в неделю мы получаем тощую баранину.

С хлебом все в порядке, но в последнее время несколько раз не доставляли масло, и нам приходится обходиться без него. Мы покупаем шоколад и печенье в магазине coolie store, чтобы заполнить трещины.

На днях у нас был конвой с больными, который находился в пути семь дней, и одному бедняге было так плохо от дизентерии, что он умер через час после того, как его забрали из машины скорой помощи; на самом деле эти долгие дни метаний в машинах скорой помощи кажутся худшими из трудностей, с которыми приходится мириться беднякам, особенно тяжелобольным или раненым. Видите ли, большинство фургонов тянут примерно шестнадцать мулов, и иногда

они идут рысью, а иногда и пешком, но иногда они становятся по-настоящему упрямыми и не двигаются с места; и тогда, после долгой тяги, взбучки и криков, они срываются с места большими прыжками и пускаются галопом. Они редко бывают на чем-то, что можно было бы назвать дорогой, и гораздо чаще на пересеченной местности.

Человек, получивший тяжелое ранение, может рассказать вам все о том дне, когда его сбили с ног, — он не хочет много рассказывать о долгом дне под палящим солнцем, когда он лежал, мучимый жаждой, там, где упал, до того, как подошла Рота носильщиков; а потом, возможно, о темной ночи, когда земля покрылась инеем или шел дождь; он содрогается, когда рассказывает вам о стонущих людях, которые лежали вокруг него, и которые постепенно перестали стонать, и о том, как он начал думать, что скорая помощь будет слишком поздно, чтобы забрать и его тоже, — но о том, что он просто не может вынести, когда говорит вам. примерно такова агония, когда тебя несколько дней мотают со сломанной костью в одной из этих повозок.

Не так уж плохо, когда бои идут где-нибудь у железной дороги, поскольку тогда раненых вскоре помещают в санитарные поезда, и они чувствуют себя довольно комфортно; но долгие дни путешествия в фургонах ужасны.

Колонна генерала Дартнелла проходила здесь на днях, и они расположились лагерем примерно в двух милях от нас на десятидневный отдых. С ним около 3000 человек, и они почти завалили нас больными, в то время как многие отправились прямо в санитарный поезд.

Майор ..., телохранитель главнокомандующего, был с этой колонной и приехал повидаться со мной; его жена была в Кейптауне, когда я был там в последний раз, и отправилась домой на "Канаде". Вы знаете, как он заботится о своих лошадях и т. Д. Дома? Он приехал повидаться со мной в очень ветхой старой повозке, запряженной крупной лошадей в паре с грубым маленьким бурским пони. Его форма была в лохмотьях, и мы немного зашили ее для него, прежде чем он вернулся; у них сейчас очень тяжелые времена.

XLV

Больница общего профиля, Натал,
май 1901 г..

В последнее время здесь было несколько больших беспорядков, но я думаю, что, возможно, в чем-то они пошли на пользу.

Не думаю, что я рассказывал вам о трудностях, с которыми мне приходилось бороться, когда я был на ночном дежурстве, и которые меня очень беспокоили.

Я полагаю, что в Армейской сестринской службе существует общее правило, согласно которому сестры раздают все лекарства и стимуляторы; и, конечно, я ожидал сделать то же самое здесь, но когда я добрался до очереди на ночное дежурство, я обнаружил, что дневная сестра предоставила все это санитарам для раздачи днем, а ночные санитары раздавали их ночью. Обычно там были хорошие санитары, которым вполне можно было доверять, но время от времени появлялись посторонние люди, и, конечно, я не мог быть уверен, что стимуляторы и т.

Д. Были введены правильно. Дневная сестра не дала мне отчета о том, чем занимались мужчины, но это было передано санитару.

Я не совсем знала, что делать, но я пошла к леди-суперинтенданту (после встречи с сестрой энтерального направления) и сказала ей, что если я буду нести ответственность за то, что они были даны, не могла бы она организовать, чтобы мне выдали отчет, поскольку в противном случае я не могла бы сказать, что все было сделано в соответствии с указаниями; но если было бы правильно оставить это в руках санитаров, я бы *попыталась* убедиться, что все в порядке, но не несла бы ответственности, если что-то пойдет не так. Казалось, она думала, что у дневной сестры не будет времени выложиться полностью (в ее ведении была только одна строчка, в то время как у ночных сестер у каждой было по пять или шесть строчек). Как бы то ни было, она вообще ничего не предприняла в этом вопросе, так что я просто вмешивался, как мог, и всегда старался быть рядом, когда требовались важные лекарства, так что я не *думаю*, что многим пренебрегали. Затем, в прошлом месяце, дежурила другая ночная сестра, которая не очень ладила с санитарями, и она сообщила об одном из них за того, что он спал, и он быстро ответил, сообщив о ней за то, что она не выполняла свои обязанности и не давала лекарства и т.д., так что все это пришлось делать ему.

Затем начались волнения, и теперь сестрам приходится выкладываться по полной, и я думаю, что они собираются назначить третью ночную сестру, так что, думаю, со временем все пойдет более гладко.

Леди-суперинтендант только один раз была на моей линии с тех пор, как я за нее отвечаю.

На днях у меня был любопытный случай, который доставил нам немало беспокойства, — случай с молодым младшим капралом, который тяжело заболел малярией, но ему стало лучше, и он мог сидеть в постели. Однажды вечером я ушла от него очень веселая и оживленная, а на следующее утро случайно встретила ночную сестру, когда она уходила с дежурства, и она сказала: "О, сестра, я забыла сообщить, что ваш младший капрал в палатке 3 выглядел не очень хорошо, и сегодня утром ему было плохо". Я подумал, что сначала пойду и посмотрю на него, вместо того чтобы начинать свой обход в палатке 1, и был потрясен, обнаружив бедного мальчика совершенно без сознания и почти без пульса. Конечно, я послал за доктором и принес бренди, грелки и т. д.; доктор подумал, что все кончено, но ввел стрихнин; он сказал, что, должно быть, это был тиф, а не малярия, и что это означало перфорацию. Как бы то ни было, мальчик начал приходить в себя; я почти не отходил от него весь день, но теперь, думаю, могу сказать, что он вне опасности; Я действительно думаю, что это была болезнь сердца, возможно, эмболия, но я редко видел, чтобы человек приходил в себя после того, как был так близок к смерти.

Конечно, вы слышали, что бедный старый *замок Танталлон*, корабль, на котором мы впервые вышли в море, затонул на острове Роббен. Пассажиры и почта были спасены, и я обрадовался, когда прибыло милое, мягкое одеяльце, которое она прислала моим людям; я завернулся в него под своими простынями, и мне стало намного удобнее.

Любопытно, что так много кораблей, на которых я путешествовал, пошли ко дну: много лет назад я совершил путешествие вдоль побережья на *замке Драммонд* и спустился вниз на *Курляндском замке*; я также возвращался домой с Тенерифе на *Фесе* — все они пошли ко дну, и теперь *замок Танталлон* разделит их судьбу.

Однажды вечером примерно в трех милях отсюда были большие танцы, на которые отправились двенадцать сестер, а в другой вечер были какие-то театральные представления. Осмелюсь предположить, что я ошибаюсь, но почему-то эти торжества кажутся немного неуместными, пока все еще продолжается война. Некоторые сестры, похоже, думают, что пришли сюда, чтобы повеселиться как можно больше, и они очень мало говорят, кроме мужчин, с которыми танцевали, и так далее.

В последнее время дует сильный ветер, и палатки четырех пациентов разнесло в клочья; похоже, большую часть времени на дежурстве мы тратим на поддержание палаток мужчин на высоте (при этом штормовой ветер дует вокруг тяжелых пациентов не больше, чем это абсолютно необходимо), а большую часть свободного от дежурства времени занимаемся своими собственными колышками для палаток и т. Д. Конечно, ветер здесь всегда означает пыль, и иногда кажется, что камни взлетают и бьют тебя по лицу, и, если не проявлять особой осторожности, молоко пациентов вскоре наполняется песком.

Действительно, если бы мужчины не страдали из-за них, некоторые из наших трудностей были бы забавными. Когда этот госпиталь был "Полевым стационаром", все мужчины носили теплые серые фланелевые рубашки; когда он стал "Общим", им вместо этого выдали белые хлопчатобумажные рубашки и белые фланелевые жилеты. Поначалу все было в порядке, но недавно больница расширилась, и, хотя хлопчатобумажных рубашек в наличии предостаточно, фланелевые жилеты закончились. Сейчас началась зима, и у нас много мужчин с ревматизмом и жалобами на грудную клетку, и в палатках очень холодно, но беднягам выдают только хлопчатобумажные рубашки. Я знаю, что в магазине полно старых "грейбеков", но из-за того, что это теперь называется больницей общего профиля, они некорректны и поэтому не могут быть выданы, и мужчинам приходится ждать, пока поступят новые жилеты! Мы все хлопотали по этому поводу, как могли, и купили в магазине фланелевые рубашки на самый худой случай (мужчина всегда очень благодарен за лишнюю рубашку, которую можно взять с собой, когда он уезжает, чтобы они не пропали даром), и теперь, наконец, старые "грейбексы" были розданы. Наконец-то у них появились котлы на колесах, так что мы можем доставать горячую воду в палатки; но почему мы должны так долго ломать голову, чтобы добыть вещи, которые так сильно влияют на здоровье и комфорт людей? Леди-суперинтендант всегда говорит, что она не знает, как нам следовало поступить в Ледисмите; но мы все отвечаем, что нам следовало попытаться внести изменения, но мы не можем понять, почему мы должны были так сильно "вносить изменения" здесь, с открытой линией до базы.

Мне действительно интересно, когда закончится война: бедные Томми так устали от нее, что начинают использовать все средства, чтобы их отправили домой; видите ли, большая часть военного азарта уже прошла, и теперь им просто приходится продолжать странствовать по стране, разрушая фермы и привозя бургских женщин и детей в лагеря беженцев. Обычно они собирают по пути больше обездоленных, чем рассчитывали, и, поскольку им приходится их кормить, рационы для войск заканчиваются, и людям урезают рационы наполовину (а иногда и на четверть); а некоторые колонны на этом пути не ели ничего, кроме "мили мил" (индийской кукурузы), да и то не слишком много, в течение нескольких дней, прежде чем они встали лагерем. Иногда у них был такой скудный рацион, что мужчин приходилось наказывать за то, что они крали у своих лошадей порции мучной муки. Когда они проезжают через деревню, первое место, куда они направляются, - это пекарня, и она очень скоро очищается, и вы видите мужчин, идущих дальше с буханками, перекинутыми через плечо, и, скорее, с ружьями

наготове. Если учесть, что они обычно маршируют весь день под палящим солнцем, и что летом ночи часто бывают сырыми, а зимой они обычно морозные, и людям приходится просто лежать голодными на своих макинтошах (без палаток), в шинелях, а иногда и с одним одеялом; что у них почти никогда не бывает возможности выстрелить в буров, но по ночам в них постоянно стреляют снайперы — стоит ли удивляться, что они совершенно устали от всего этого?

Мы не слышали так много о том, что буры находятся поблизости с тех пор, как прошла колонна генерала Дартнелла, и теперь сестрам, как правило, снова разрешено ездить верхом.

Наша палатка - последняя на этом конце лагеря, и когда нам сказали, что мы не должны отходить от лагеря дальше, чем на милю в любом направлении (кроме как вдоль линии), было странно выходить после окончания дежурства на несколько сотен ярдов за свою палатку, а затем садиться на травянистый гребень, когда темнело, и смотреть на мигающие гелиографы, и гадать, означают ли маленькие огоньки, которые мы видели, наших людей или буров, разбивших лагерь. Иногда нам казалось, что они совсем рядом и наблюдают за нами, и мы возвращались в свои палатки, чувствуя себя довольно жутко, и брали напрокат лишний кусок бечевки, чтобы перевязать дверь нашей палатки!

А потом, когда мы слышали вдалеке выстрелы, всегда возникал спор, стоит ли вставать и перевязываться на случай, если скоро привезут раненых, но в целом мы решали доесть нашу обычную норму часов в постели.

Сейчас люди любезно присылают мне английские газеты, как из Англии, так и переданные из Дурбана, и они мне очень нравятся; солдаты были особенно рады на прошлой неделе, когда им попался старый еженедельный выпуск "*Таймс*", в котором генерал Буллер и генерал Робертс упоминали некоторые из полков, к которым они принадлежали.

Ночами становится ужасно холодно; вокруг резервуаров для воды висят большие сосульки, и когда один из них переполнился, вокруг него образовалось целое море льда; вода в наших палатках часто замерзает, и ее довольно трудно разбить, чтобы умыться утром.

Ночные сестры очень страдают от холода; в следующем месяце мне снова придется дежурить по ночам, и мне будет очень жаль бросать свою работу, так как пациенты ужасно благодарны за то, что кто-то может для них сделать, а у меня сейчас хорошие санитары.

Вечером мы ложимся спать сразу после ужина, чтобы попытаться согреться.

XLVI

Больница общего профиля, Натал,
июнь 1901 г..

Слава богу, зима скоро закончится. Я никогда не ощущал ничего подобного здешнему пронизывающему холоду.

В целом, в последнее время в округе все было довольно спокойно, хотя однажды линия была под угрозой и некоторые поезда задерживались; а на другой день прошел слух о боях

неподалеку, и говорили, что мы потеряли несколько орудий, но я не думаю, что в этом сообщении было много правды.

Дела в больнице также идут немного лучше. У нас новая женщина-суперинтендант, вторая отправилась домой на корабле-госпитале.

Были еще одни большие танцы, на которые ходило большинство сестер, и некоторые другие развлечения.

Однажды ночью мы все (моя палатка была полна) легли спать, пытаюсь согреться, когда кто-то постучал по брезенту, и сестра из Санитарного поезда просунула голову внутрь; вы знаете, она была моей старой лондонской подругой.

Ее поезд остановился здесь на ночь, и, поскольку она слышала, что наши мужчины страдают от холода, она привезла им благородный подарок - фланелевые куртки. Они действительно были сокровищами: конечно, я хотела использовать их все для своей линии, но пришлось проявить щедрость и отдать несколько сестер, у которых действительно были проблемы с грудной клеткой и ревматизмом.

Кстати, о ревматизме — у меня был один пациент с ревматизмом, которому поначалу было довольно плохо; ему не становилось лучше, он оставался таким беспомощным, что санитару приходилось поднимать его. Я не совсем понимал, что с ним делать, и начал думать, что, если бы на моем месте был хирург из R.A.M.C., улучшение было бы гораздо более быстрым, чем у гражданского хирурга, который был ответственным! Затем, однажды, моему мужчине стало плохо в соседней палатке с этим человеком, поэтому я попросила разрешения спуститься вниз и кое-что сделать для него как-нибудь вечером, после того как мы закончили дежурство, поскольку я знала, что ночная сестра будет слишком занята, чтобы пойти к нему, когда она впервые отправится дальше — а здесь всегда есть часовой интервал после того, как дневные сестры покидают лагерь, и до того, как ночные сестры спускаются вниз. Каково же было мое удивление, когда, добравшись до палатки, я обнаружил там своего пациента-ревматика, играющего в карты! Он притворился, что не может сесть в постели.

Я только сказал ему, что, по-моему, ему пора ложиться спать; а на следующий день я вручил его доску офицеру медицинской службы, когда он пришел в себя, и сказал, что, если он не возражает отметить его "в порядке", я подумал, что ему было бы полезно посидеть на солнышке в середине дня, если санитар уложит его в постель после чая. Можете себе представить, бедняга чувствовал себя совсем ничтожеством, и через несколько дней он сказал гражданскому хирургу, что, по его мнению, чувствует себя в состоянии вернуться к службе, так что мы пожали друг другу руки и расстались хорошими друзьями. Я надеюсь, что его не застрелят, иначе я пожалею, что не дал ему еще немного расслабиться!

В последнее время у нас было довольно много пациентов-буров; один бедный молодой капитан потерял ногу. Один старик привык ползать на костылях, но однажды ночью его поймали, когда он скользил без них, а за забором была найдена бурская женщина с его одеждой; так что теперь всех буров собрали вместе и выставили охрану.

Сейчас я снова нахожусь на ночном дежурстве и нахожу санитаров более внимательными, а за пациентами (в целом) лучше ухаживают.

В первую ночь моего дежурства я как раз читал отчеты и пытался выяснить, где самые тяжелые случаи, чтобы навестить их в первую очередь (теперь на моей стороне 285 коек вместо 250, которые были у меня раньше), когда начальник тюрьмы пришел сказать мне, что неожиданно прибыл конвой с больными из колонны генерала Баллока, и один человек был ранен по дороге, у него кровотечение из раздробленной руки. Я помог хирургической сестре в спешке подготовить операционную, а потом она осталась на операцию, а я пошел навестить остальных. Их было всего пятнадцать человек, и они были черны как полотно и очень замерзли; но выглядели они не так уж плохо и были рады оказаться в укрытии с перспективой ночлега.

Дежурный офицер попросил меня дать им все, что я захочу, и он закажет это позже, пока ходит в театр с чемоданом; начальник тюрьмы раздобыл им всем немного Бовриля, и вскоре мы договорились, кому из них можно подать с ним хлеб; а потом у меня не хватило духу настаивать на обычном мытье, так как было ужасно холодно, но я позволил им всем завалиться в кровати, а потом взял бутылку виски и чайник и напоил их всех горячим питьем; об этой куче людей больше ничего не было слышно (кроме храпа) в течение многих лет. часы! Бедняги, они были совершенно измотаны, и офицер медицинской службы вполне одобрил это, сказав только, что, по его мнению, у них могло быть две бутылки виски вместо одной, но вы же знаете, я строгий трезвенник!

Устроив их, я начал свой обход и вскоре обнаружил, что в худшем случае у бедняги была пневмония; к счастью, он находился в здании (а не в палатке), так что его можно было поддерживать в относительном тепле. Ночной санитар был не очень умным юношей, но он был довольно бдительным и послушным, и в течение четырех ночей я проводил с этим человеком каждую свободную минуту и действительно думал, что мы должны вытащить его; затем на пятую ночь дневная сестра встретила меня в очень плохом настроении и спросила: "Что *ты* думаешь? они перевели нашего бедного О. в кишечную палатку с сильными сквозняками; после всех усилий, которые мы приложили, чтобы привести его в чувство! Я уверен, что он там умрет". Я спросил, почему его перевезли, поскольку не было никаких признаков кишечной инфекции, и она ответила, что не может понять никакой причины, но санитар сказал ей, что "доктор сказал, что он умрет, и он не хотел, чтобы там, наверху, кто-то умирал".

Бедняга, он действительно умер на следующий день, и, конечно, он *мог* сделать это в любом случае, но смещение его тогда просто лишило его единственного шанса.

Все время, пока я был на ночном дежурстве, было очень холодно, но две ночи были такими ужасными, что, думаю, я никогда их не забуду. Сестра - сейчас со мной, так что мы ворчим вместе; те две ночи дул *сильный* ветер, а потом пошел мокрый дождь, который резал, как ножи, и почти парализовал; во вторую из этих двух ночей я с трудом добрался до дежурки и плюхнулся у огня, который был очень слабым, но у меня не было сил даже разжечь его; через некоторое время вошла Сестра, промокшая насквозь и посиневшая от холода; она поставила свой фонарь, а затем подошла к огню и пристально посмотрела на меня, и через некоторое время я понял, что это не так. укусив, сказал: "Сестра, ты действительно выглядишь больной". Я попыталась рассмеяться, но, думаю, мы обе были гораздо ближе к тому, чтобы расплакаться от холода; поэтому я с трудом поднялась, чтобы заняться огнем, и заварила немного чая, и через некоторое время сестра сказала: "Знаешь, сестра, когда я вошла, мне показалось, что ты

выглядишь так, словно вот-вот умрешь, а если бы это было так, у меня положительно не было сил взяться за работу, чтобы приготовить тебе горячее питье или что-нибудь еще".

Я сказал ей, что, по-моему, мы оба слишком крепкие, чтобы умереть от холода, а потом нам обоим (почувствовав себя немного лучше от чая и тепла) пришлось снова уйти, чтобы дать бренди некоторым тяжелым больным. После этого они наняли еще одну ночную сестру, так что работа была не такой тяжелой, и мы могли дольше оставаться в дежурке, чтобы согреться, но у нас не было дождя (равно как и холода), за исключением этих двух ночей.

Прошлая ночь была полна волнений: днем бедный молодой австралиец сошел с ума, его поместили в палатку охраны, и он пытался завладеть штыком часового. Затем поднялся большой переполох, потому что командир обнаружил, что один из связистов пьян, и привел его в палатку охраны. Затем сестра обнаружила, что где-то бродит санитар, который, как предполагалось, был особенным при молодом лейтенанте Королевской армии, который слег с лихорадкой, и санитар, казалось, не знал, чего он хочет; поэтому сестра помчалась в палатку и нашла лейтенанта очень расстроенным и сказала, что санитар совсем спятил и отказался пойти за начальником тюрьмы, когда тот приказал ему это сделать; он сказал, что не может рассказать сестре, какие безумные вещи вытворял санитар; поэтому ей пришлось послать за офицером медицинской службы, который немедленно уволил санитаря и назначил другого.

Выпивки стало уже не так много, как было поначалу, но все же они иногда находят способы напиться. Некоторое время назад был большой скандал из-за того, что выздоравливающим офицерам разрешили водить машину или разъезжать верхом, и они обычно ездили в соседний город и привозили оттуда виски и шампанское. Я не думаю, что поначалу в этом было много вреда (за исключением того, что это был плохой пример для мужчин), и какое-то время на это не обращали внимания, пока у них не набралось очень шумных мужчин, а потом однажды выяснилось, что один из них страдает Д.Т.

Я рада, что я не здешняя леди-суперинтендант: мне было бы трудно понять, где провести черту с нынешними сестрами; сначала им была предоставлена полная свобода, и их даже поощряли ходить на танцы, ездить верхом на пикники и т. Д. С мужчинами; Затем, когда об их поведении начали говорить, власти вывесили в нашей столовой объявления с правилами, касающимися поведения, в котором не была бы виновата ни одна леди, правилами, которые на самом деле были оскорблением для нас, но которые мы не можем назвать ненужными, потому что есть всего несколько сестер, которые не виноваты. неважно, что они делают — одного из них видели в отеле на следующей станции, курящим сигареты с самым нежелательным спутником!

Мы можем только надеяться, что война скоро закончится и мы все разойдемся по домам; в противном случае, чем скорее такие сестры будут отсеяны, тем лучше. Похоже, что в последнее время дома они выбирали сестер очень небрежно, и, хотя здесь много сестер, которые усердно и хорошо работают, все они, вероятно, будут поставлены в один ряд с теми, кто просто "легкомысленен" и позволяет говорить о себе.

XLVII

Уитенхедж, Капская колония,
октябрь 1901 г..

Прошло много времени с тех пор, как я писал тебе, но какое-то время все шло своим чередом, почти так же, как и тогда, когда я писал в последний раз, и писать было не о чем, а потом, в последнее время у меня были ужасные времена, поэтому я не чувствовал склонности к писательству.

После того, как я закончил свою очередь на ночном дежурстве, я вернулся на свою линию, но вскоре заболел и почти три недели был свободен от дежурств; сначала от дизентерии, а потом мой поврежденный бок снова заболел.

К тому времени, когда я снова приступил к работе, погода значительно улучшилась, и мои палатки стали очень легкими. Я получил из дома несколько великолепных коробок с литературой, а также табак, трикотажные изделия и несколько игр для мужчин. Я научил их играть в хальму, и это было очень популярно; они привыкли считать, что это соревнование между различными родами Войск — зелеными всегда были добровольцы, желтыми - йомены, красными - обычные солдаты, а синими - военно-морской флот или колонисты; иногда им удавалось заставить представителя каждого рода играть за мужчин, и тогда возникало большое волнение по поводу того, кто выйдет первым.

Мужчины из моей компании наняли фотографа, чтобы тот сфотографировал их, и подарили мне увеличенную копию. Вы можете понять, что мы были довольно небрежны, когда я скажу вам, что мы обычно варили ириски в дежурке во время дневного дежурства. Я думаю, мы все очень устали от рациона питания, и мы все худели, а когда человек достигает этой стадии, у него появляется своего рода тяга к сладкому, поэтому ириски были очень популярны.

Какое-то время что-то пошло не так с устройством стирки, и мы не могли постирать наши вещи, так что неделю или две нам приходилось стирать самим, а поскольку утюгов было очень мало, нам приходилось гладить наши вещи, кладя их под матрасы и спя на них!

Колонна разбила лагерь на ночь неподалеку от нас и прислала нам несколько больных, включая большое количество случаев кори, которых пришлось отправить в Изоляционный лагерь. У них там не было сестер, и было довольно тяжело и очень скучно; но тележка с провизией отправлялась каждый день, так что мне часто удавалось посылать им свертки с бумагами и т. Д.

В начале сентября вся городская стража была при оружии, так как совсем рядом с нами произошло некоторое разграбление запасов; и ходило много слухов, что на нас собираются напасть (из-за винтовок и боеприпасов, которые принесли пациенты). Поэтому винтовки и т. Д. Были отправлены на следующую станцию.

После этого в Данди начались новые бои, а затем натальским добровольцам снова было приказано выступить.

Все это время я была очень расстроена и пыталась перейти на другую станцию; но у некоторых из нас были довольно веские основания полагать, что из-за того, что так много сестер подали заявки на обмен, их заявления так и не были отправлены в Р.М.О.!

Затем в больнице устроили "Следственный суд", и я был вынужден дать кое-какие показания: и это было просто ужасно - делать это. После этого я почувствовал себя так плохо, что написал в РМО напрямую, чтобы сказать, что, поскольку я не смог добиться обмена, можно ли мне уволиться? поскольку мой брат только что был в Натале, и я предложил погостить у него перед отъездом в Англию.

Наконец я получил отпуск, а позже - разрешение уйти в отставку.

Очень к моему большому удивлению, примерно в это же время я узнал, что меня "упоминали в депешах", а чуть позже - что я был награжден Королевским Красным Крестом; я уверен, что ничего не сделал, чтобы заслужить его, и не сделал так много, как многие другие; но, конечно, все равно это очень приятно.

Перед отъездом я получил такое ужасно доброе прощальное письмо от мужчин моего рода, в котором они благодарили меня за то, что я для них сделал.

В последнее время у нас было довольно много "Джентльменов-солдат", и среди них было несколько чрезвычайно приятных парней. Один из них, оказавший особенно большую помощь, был офицером на одном из больших лайнеров, которые приходили сюда до войны. Сейчас он работает наводчиком на одном из бронепоездов, и это было очень волнующее время.

Мой брат был в Дурбане, поэтому я уехал однажды в 3 часа ночи, чтобы присоединиться к нему; накануне вечером я лег спать в поезде, но мне помешали заснуть маневровые двигатели, выпуск пара и т. Д. Я была единственной дамой в поезде, пока мы не продвинулись немного дальше по линии. Вскоре после старта мы задержались на час, так как накануне произошло серьезное столкновение, и из-за повреждения телеграфной линии нам пришлось предоставить пилотный двигатель.

Это была очень неровная линия, и поезд так сильно раскачивало, что я почувствовал настоящую морскую болезнь; затем, когда мы с грохотом спускались с крутого холма, раздался внезапный взрыв, который, конечно, заставил нас подумать о буре и многих других вещах, и мы остановились такими ужасными рывками, что все мы и наш багаж перемешались на полу. Как только мы смогли выпутаться, мы выглянули наружу — вполне ожидая увидеть отряд буров, — но увидели только одного человека, яростно размахивающего руками, и мы остановились как раз в тот момент, когда обогнули крутой поворот, и сразу же оказались в хвосте тяжелого поезда с углем, который застрял на нашей линии; взрыв был туманным сигналом, который они установили, чтобы остановить нас, и это спасло нас от очень неприятного столкновения с крутым откосом.

Я сказал брату, что переночую у друзей в Пайнтауне и присоединюсь к нему в Дурбане на следующий день; но, когда я уезжал, получил от него телеграмму, в которой говорилось, что мне лучше сразу приехать, так как ему, возможно, придется отплывать на следующий день, поэтому, *по пути*, я телеграфировал своим друзьям, чтобы они меня не ждали.

Я очень рано позавтракал в Гленко (и, как обычно, умылся в кране на платформе!), и мы так поздно добрались до Эсткорта, где должны были пообедать, что к тому времени у меня сильно разболелась голова, и я смог подняться только на чашку чая с булочкой.

Инчанга - это место, где всегда обедают, едут ли они вверх или вниз, и мы должны были быть там около 7 часов вечера, но около 8.30 вечера мы застряли на запасном пути примерно в миле от Инчанги; и там нам пришлось оставаться почти час, потому что лорд Милнер обедал в Инчанге, и нам пришлось ждать, пока он проедет; мы не благословляли его за то, что он так долго сидел за ужином, в то время как мы умирали с голоду! К этому времени я почувствовал себя по-настоящему больным и подумал, что, возможно, отчасти это из-за нехватки еды, поэтому заставил себя съесть немного супа и немного цыпленка; затем я снова устраивался в поезде (радуясь, что это был рейс до Дурбана "без остановок"), когда мне в руку сунули еще одну телеграмму от моего брата, в которой говорилось: "Кроватей нет, если возможно, спите в Пайнтауне; уезжаю не раньше следующего дня". Я застонал, но снова выбрался наружу, с открытой сумкой и разбросанными ковриками, подушкой, книгами и прочим, как раз в тот момент, когда поезд тронулся. Я сунул свои пожитки в руки изумленного маленького кафрского мальчика, который помог мне собрать вещмешок, и, конечно, мне пришлось оставить свой тяжелый багаж, чтобы он сам о себе позаботился.

Мне не пришлось долго ждать "Кафр Мейл", который *делает* остановку в Пайнтауне, но я знал, что все мои друзья уже легли спать, поскольку они меня не ждали, и, конечно, никто не собирался встречать поезд, а их дом находился довольно далеко от станции, и постоянно лил дождь! так что я чувствовал себя довольно несчастным. Меня посадили в карету одну, и после того, как мы тронулись в путь, оказалось, что в ней нет света, и я почувствовала себя по-настоящему больной и пожалела, что заставила себя ужинать!

Однако, как только мы въехали в Пайнтаун, я выглянул, и кто-то окликнул меня, и это был один из моих лучших старых санитаров из Пайнтауна (сейчас работающий на линии). Казалось, он был так рад меня видеть, что мне захотелось обнять его, но я сдержалась! Как только он проводил поезд и запер станцию, он взвалил на плечо мою сумку и проводил меня до дома моего друга. Все они крепко спали, но вскоре впустили меня, и я не знаю, когда еще я был так рад оказаться в удобной постели, как в ту ночь. Прошло чуть больше восьми месяцев с тех пор, как я последний раз спал в доме.

На следующее утро мне принесли в постель восхитительный завтрак — горячие булочки и т. Д.; вы не представляете, каково это - после лагерной кормежки иметь красивый поднос, накрытый салфеткой, и все такое вкусное; и мне очень не хотелось покидать и свою постель, и своих добрых друзей; но около полудня я снова сел на поезд до Дурбана, забрал свой багаж на вокзале, а затем нашел своего брата в отеле "Марин".

У меня было время повидаться с несколькими друзьями и сделать несколько очень необходимых покупок, а затем мы поднялись на борт "*Замка Арундел*", чтобы отправиться вдоль побережья в Порт-Элизабет.

Вы не представляете, как забавно было снова подняться наверх: дом в Пайнтауне был бунгало, так что мне не пришлось подниматься по лестнице, пока я не поднялся на борт корабля. Мне все еще кажется, что я должен пригибать голову каждый раз, когда вхожу в дверь, и когда ночью стучат, я всегда просыпаюсь и думаю, не взять ли мне молоток и не заняться ли колышками для палатки; а потом, когда я понимаю, что я не под брезентом, я испытываю такое удовлетворение от возможности лечь и снова заснуть.

Мы не стали останавливаться в Порт-Элизабет, а отправились поездом прямо сюда, где у моего брата примерно трехдневная работа. У нас в распоряжении очень уютный маленький домик с садом, полным таких прекрасных цветов — роз Марешаля Ниля и других.

Это симпатичный маленький городок, и многие люди, самые приятные и дружелюбные, заходили ко мне. Недалеко от Уитенхаге все еще водятся дикие слоны, но у меня не было времени познакомиться с ними.

Сегодня служитель Голландской реформатской церкви повел нас посмотреть Рибекский женский колледж; такие хорошие здания и такие привлекательные ученые. У них есть детский сад, а потом все стандарты, вплоть до самых высоких — те, которые готовятся к экзаменам в университет. Местный судья повел нас посмотреть несколько питомников, которые рассылают цветы по всей Южной Африке. После бесплодия Натальского нагорья эти массы цветов были просто прелестны, и мне подарили прекрасный букет гвоздик.

Сегодня вечером у нас ужинают несколько человек, а завтра мы возвращаемся в Порт-Элизабет, где пробудем, вероятно, дней десять.

XLVIII

Кимберли, Южная Африка,
декабрь 1901 года.

Из Уитенхейджа мы вернулись в Порт-Элизабет, где у моего брата было около недели работы, а затем нам пришлось еще несколько дней ждать парохода; но там были несколько старых друзей по Кимберли и много других людей, которые звонили, так что я очень приятно провел время.

Порт-Элизабет был немного встревожен чумой; у них было около сотни случаев, и примерно половина из этого числа умерла, но на тот момент в больнице находилось всего двенадцать человек.

Однажды я отправился с тремя дамами в местечко, которое они называют "Красный дом", и устроил восхитительную прогулку вверх по реке Зварткопс. В другой день миссис ... отвезла нас с братом в загородный дом своего отца "Краггакама", примерно в четырнадцати милях езды; красивый дом-бунгало и такой чудесный сад, окруженный густым полутропическим лесом, с маленькими тропинками, ведущими в лес; вокруг много обезьян и других существ.

Мы пообедали там и нашли в саду только что созревшую клубнику.

Из Порт-Элизабет мы собирались сразу вернуться в Кимберли, но после долгих телеграмм было решено, что мой брат должен отправиться в Аудсхорн, место, расположенное далеко от железной дороги, где дела долгое время ждали суда, поскольку для судьи путешествие туда считалось небезопасным.

Чтобы добраться до Аудсхорна, нужно было плыть пароходом в Моссел-Бей, а почтовые пароходы, как правило, не заходят в Моссел-Бей. Более того, Порт-Элизабет был зараженным

портом (чумой), и почтовые пароходы не стремились забирать оттуда пассажиров, поэтому предстояло преодолеть множество препятствий.

Я упаковал свой тяжелый багаж и отправил его в Кимберли; затем был подан сигнал "*Норманну*", и мы спустились на пристань, где нас должен был осмотреть врач на предмет симптомов чумы! а потом начальник порта увез нас на специальном буксире.

На следующее утро они высадили нас на берег в Моссел-Бей, и там нам пришлось ждать несколько часов, поскольку комендант очень сомневался, какой маршрут для нас самый безопасный; в окрестностях все еще было много буров, и, хотя они, вероятно, не захотели бы нам мешать, они, несомненно, были бы очень рады захватить нашу повозку с провиантом, а также наших лошадей и мулов; а у командующего был настолько слабый гарнизон, что он мог выделить нам лишь небольшой эскорт.

После некоторого времени, проведенного в проводке, было решено, что мы должны поехать в Джордж и переночевать там. Багаж и провизию отправили в повозке, запряженной мулом, и после раннего ленча мы отправились в путь на двух повозках с плащами, запряженных четырьмя лошадьми в каждой.

Расстояние составляло около тридцати миль, и мы разошлись только один раз — у реки Брак, где пили чай, и там нас встретил эскорт из шести велосипедистов из Джорджа, и люди из Моссел-Бей повернули обратно. Велосипедисты были очень умными ребятами; некоторые из них выезжали вперед, а остальные очень уверенно ехали вместе с нами вверх и вниз. Уже темнело, когда мы подъехали к Джорджу, и комендант и мировой судья выехали нам навстречу, а затем остались и поужинали с нами в отеле.

Джордж - красивое место, с улицами, обсаженными прекрасными старыми дубами, и большими лилиями арум, растущими в полях вокруг.

Прямо перед отелем был небольшой крепкий форт из мешков с песком и маленькой пушкой, и, конечно же, там было очень строгое "Военное положение"; пикеты на каждой дороге, и никто не мог покинуть деревню или войти в нее без разрешения, и даже с разрешением вы должны были оказаться в рядах пикетов к заходу солнца. Никого не должно быть возле его дома после 9 часов вечера, а к 10 часам вечера все огни должны быть погашены

Мы должны были переночевать в Джордже, и комендант сказал нам, что он уже выслал патруль из людей, которые должны были переночевать на вершине перевала Монтею и встретить нас там на следующее утро; он хотел, чтобы мы тихо ускользнули рано утром, и его патруль вскоре присоединится к нам и поедет с нами, пока мы не встретим отряд, который высылали из Аудсхорна нам навстречу.

В подчинении у коменданта около 300 человек. Почти все они местные, фактически многие из них буры, но он был вполне уверен в их лояльности и сказал, что бедняги сильно страдают из-за этого, повстанцы сжигают их фермы и причиняют им весь возможный вред. Как раз когда мы были там, он был очень опечален, потому что один из его разведчиков, совсем молодой парень, принадлежавший Джорджу (и очень популярный в тех краях), был жестоко застрелен ими после того, как ему пришлось сдаться.

На следующий день мы тронулись в путь на наших тележках около 6.30 утра, и все, казалось, думали, что это будет рискованная поездка. После того, как мы проехали некоторое расстояние, наш водитель начал останавливаться и выглядел испуганным (он мог говорить только по-голландски), и мы разглядели, что он видит несколько оседланных лошадей выше по горе, и он подумал, что это буры поджидают нас. С некоторым трудом мы объяснили ему, что ожидаем, что джорджский эскорт встретит нас в начале Перевала, и тогда он согласился ехать дальше; но все мы испытали некоторое облегчение, когда подошли к лошадям и обнаружили, что они принадлежат настоящим окружным конным войскам и что поблизости они не видели никаких буров.

В тот день мы проехали от сорока до пятидесяти миль по прекрасным горным пейзажам, которые напомнили нам Швейцарию (за вычетом снега); прекрасные папоротники, прохладная, капающая вода и довольно высокие горы вокруг.

Мы выехали только один раз на завтрак-ланч на реку Дум около 10 утра; командос Шипера оказали им честь посещением этого места с целью мародерства незадолго до того, как его поймали.

Около полудня в доме Хаймена нас встретили капитан и двадцать два человека из Аудсхорна, и люди Джорджа отправились обратно. Мы благополучно добрались до Аудсхорна около трех часов дня и рассчитывали пробыть там дня три-четыре, но работа оказалась тяжелее, чем ожидалось, и мы пробыли там целых две недели. Это было довольно удачно для меня, так как я снова заболел с очень острым приступом дизентерии и не должен был быть готов к путешествию намного раньше.

Жители Аудсхорна были чрезвычайно добры, и, когда я поправился, у меня было несколько очаровательных поездок на фермы и в другие интересные места. Это богатый фермерский район, и я впервые увидел что-либо о разведении страусов и табака; поэтому меня многое заинтересовало; здесь также выращивают виноград и другие фрукты, и в этой стране хорошо выращивают кукурузу.

Страусы особенно хорошо себя чувствуют на всем протяжении реки Олифант. У меня есть несколько хороших фотографий этих неуклюжих созданий.

Военное положение было очень строгим, и (помимо тех же правил, что действовали в Джорджии, о которых я вам говорил) фермерам не разрешалось держать на своих фермах ни лошадей, ни съестные припасы на случай, если они понравятся бурам; — все лошади должны были продаваться в Отдел по ремонту лошадей по фиксированной цене, и можно было увидеть, как фермеры и другие жители округа, которые привыкли держать много хороших лошадей, приезжают в город с волами в двуколках; и поскольку им не разрешалось держать на своих фермах больше недельного запаса еды или фуража, а также поскольку некоторые из них жили за много миль отсюда, им приходилось проводить значительную часть времени в дороге, добывая свой паек, поскольку, конечно, вола - очень медленные путешественники.

Когда мы были там, они убирали кукурузу, и все это приходилось возить в город и продавать военным по мере того, как они ее срезали.

Оудсхорн, расположенный далеко от железной дороги, уже некоторое время испытывал острую нехватку провизии (бакалейных товаров и т. Д.), И военные власти не разрешали отправляться с

побережья ни одному фургону без сильного сопровождения (без которого не часто можно было обойтись); но конвой был отправлен до того, как мы туда добрались, так что еды было вдоволь, а в нашей повозке с провизией было несколько предметов роскоши, которые, похоже, были оценены на двух званных обедах, которые мы устроили.

От Аудсхорна нам оставалось еще больше дня пути, чтобы пересечь на железную дорогу на Принс-Альберт-роуд, а лошадей было так мало, что раздобыть приличных животных было нелегко. Мы отправили багажную тележку (с мулами) вперед, и, в конце концов, мы с братом (и наш человек) уехали в легкой повозке с плащом, запряженной двумя довольно хорошими лошадьми, а у других мужчин было четыре винта в повозке побольше. Пейзаж, когда мы пересекали Звартберг, был очень *величественным*, но не таким *красивым*, как перевал Монтегю. Это была очень тяжелая работа для лошадей, и мы много шли пешком. Наша первая вылазка была возле пещер Канго, где их недавно посетил бурский командос; а затем нам пришлось дать лошадям хорошенько отдохнуть в отеле "Виктория", высоко на Звартберге.

Когда мы догнали нашу багажную тележку, мы были несколько встревожены, обнаружив, что у нее нет тормозов: дорога невероятно крутая, так как она зигзагами спускается с горы; поэтому сержант, ответственный за наше сопровождение, оставил солдата помочь мальчику спустить мулов.

Мы приехали около семи часов вечера, но в тот вечер не было никаких признаков тележки с багажом, и комендант (который выехал нам навстречу, а затем пообедал с нами) забеспокоился, потому что с ней остался только один солдат, поэтому он послал еще несколько человек им навстречу.

Нам пришлось лечь спать без нашего багажа, испытывая сильную тревогу, поскольку все, казалось, думали, что буры очень хотели бы заполучить его, а также мулов.

Я видел много колючей проволоки в Южной Африке, но никогда не видел столько, сколько в Принс-Альберте; ночью ее натягивают даже поперек деревенской улицы, и вы не можете пройти и ярда, не запутавшись в ней.

На следующее утро, если мы хотели успеть на наш поезд (а поезд ходил только один раз в день), мы знали, что должны быть в отъезде к 7.30 утра; но по-прежнему никаких признаков нашего багажа; а потом, наконец, мы услышали, что все в порядке, но сломалась перекладина сбруи, и им пришлось провести ночь на вершине горы; туда въехал солдат и вернулся с новой сбруей; итак, после того, как мы посидели у наших ворот с комендантом, со свежим запасом повозок и новым эскортом, пока не стало слишком поздно. с опозданием, чтобы *возможно* было успеть на наш поезд, нам пришлось решить подождать до следующего дня, и пришлось отправить различные телеграммы о железнодорожном вагоне и т. Д.

Примерно через два часа пропавшая тележка с багажом прибыла в полном порядке, в сопровождении очень усталого водителя и солдат.

Мы провели приятный день в Принс-Альберте, а на следующий день (отправив багаж рано утром) легко проехали двадцать восемь миль на отличных лошадях (любезно предоставленных

нам комендантом) до железнодорожной станции на Принс-Альберт-роуд. Мы вышли из строя только один раз, в Краале Ботера, где нас встретил последний эскорт, сержант подошел, чтобы отдать честь и сказать нам, что он и его люди "тщательно обыскали холмы с 4 часов утра и сегодня не видели буров!" но в Краале Ботера нам рассказали о недавнем визите командос Пайпера.

Так закончились наши 150 (с лишним) миль пути по Колонии в рамках этого "вида войны", ни разу не испытав волнения при виде вооруженных или враждебных буров. Около тридцати часов в жарком и пыльном поезде мы добрались до Кимберли.

Унылая старая местность Карру выглядела почти так же, как когда я видел ее десять лет назад, за исключением того, что через каждые несколько сотен ярдов на линии стоит блокпост, и часовой в рубашке без пиджака расхаживает взад-вперед со своей винтовкой, в то время как остальной гарнизон (около полудюжины человек) приходит посмотреть на поезд и пропеть "Документы". У них ужасно однообразная жизнь, и каждый бросает им каждый клочок литературы, который у него есть.

XLIX

Кимберли, Южная Африка,
январь 1902 года.

Мне кажется, прошло всего около десяти лет с тех пор, как я был здесь в последний раз; и *как* изменилось это место! Многие из моих старых друзей уехали, и так много умерли, что я начинаю почти бояться спрашивать о ком-либо на случай, если услышу о его смерти.

Конечно, они прошли через все ужасы четырехмесячной осады, и до сих пор можно увидеть множество следов от бурских снарядов; один из них проделал дыру в стене нашего заднего двора и зарылся в стену кухни: Питер (кот) нашел эту дыру очень удобной, когда выходил навестить своих друзей.

У многих людей до сих пор сохранились бомбоубежища или "блиндажи" в их садах, где они обычно укрывались во время обстрелов, а затем ночью возвращались в свои дома, чтобы приготовить еду и т.д.

На шахте "Де Бирс" есть большой паровой гудок, и во время осады всякий раз, когда дозорные видели, что буры готовятся обстрелять город, раздавался гудок, и все бросались в укрытия; и даже сейчас, когда звучит гудок, люди вскакивают и, похоже, готовы бежать.

Присутствующие здесь гражданские лица не могут не отметить то, как мистер Сесил Родс работал во время осады; а его вдумчивость и забота о женщинах и детях были выше всяких похвал. Одно время многие сотни из них находились в безопасности в одной из шахт на глубине 1000 футов под поверхностью, и он приложил бесконечные усилия, чтобы отправить им вниз подходящие припасы; они находились в довольно просторных помещениях, имели хороший запас электрического света и т.д. Конечно, военные не в восторге от его помощи, но,

естественно, они не оценили бы человека, который всегда любил поступать по—своему и делать то, что считал лучшим, - и который тоже это делал!

Первое, что сделали буры, это захватили водопроводное сооружение в нескольких милях от города и перекрыли подачу воды; но владельцы шахт пришли на помощь, откачав воду из хорошего источника в одной из своих шахт, которая годами доставляла им неприятности, поднимаясь и сильно затрудняя разработку этой шахты; так что проблема с водой никогда не доставляла им особых хлопот, хотя буры постоянно пытались повредить насосное оборудование.

Хотя с водой было в порядке, запасов еды было очень мало; и одна богатая семья, которую я знаю, сказала мне, что они были безмерно благодарны соседу, приславшему им четверть бутылки портвейна и половину пакета кукурузной муки в качестве рождественского подарка. В то время они съедали половину своего рациона мяса в конине, и, хотя некоторые люди говорят, что они никогда не могли к ней притронуться, я думаю, что это было совсем неплохо, а одна девушка сказала мне, что маленький ослик был "довольно милым".

Рассказывают хорошую историю об одном полковнике, который тогда служил здесь. Однажды вечером за столовой он сказал: "Джентльмены, с сожалением вынужден сообщить, что сегодня мы смогли съесть только половину нашего рациона говядины; этот кусок, который я разделяю, - говяжий, на другом конце стола - конины: если кто-нибудь захочет попробовать его, возможно, он разделает его сам". Никто не встал, так что полковнику пришлось нарезать (небольшие порции) для всей этой каши. После того, как они закончили, подошел санитар и что-то прошептал ему, и он сказал: "О, джентльмены, мне жаль, что я допустил ошибку; я обнаружил, что это была лошадь, а корова все еще на другом конце стола!"

В городе было так много болезней, что врачам пришлось несладко. В большинстве случаев требовалась подходящая еда, а не лекарства, особенно маленьким детям; и, помимо болезней, постоянно доставлялось очень много раненых из окопов или из перестрелок, и каждое доступное здание было превращено в больницу.

Я только что прочитал книгу доктора Эша "*В осажденных бурами*", и она дает хорошее представление о повседневной жизни здесь, показывая, как мужчины пытались продолжать выполнять свою повседневную работу, несмотря на падающие снаряды, убивающие не только мужчин, но и женщин и детей вокруг них.

Чем больше всего гордятся жители Кимберли, так это большой пушкой "Длинный Сесил", которая была наиболее искусно спроектирована и изготовлена в мастерских "Де Бирс" во время осады, там же отливались снаряды для нее; пока она не была построена, у них не было *никаких* пушек достаточного размера, чтобы противостоять 100-фунтовому оружию, которое буры с таким успехом использовали для обстрела города. Должно быть, для них было огромным сюрпризом, когда Длинный Сесил начал разбрасывать среди них ракушки, на каждой из которых было написано: "С наилучшими пожеланиями от Си Джей Ар!"

Кладбище, к сожалению, полно "осадных" могил, и среди них так много маленьких детских могил. Как ни странно, один из инженеров De Beers (американец), который был главным ответственным за постройку "Длинного Сесила", был убит бурским снарядом всего через несколько дней после того, как оружие было закончено; и просто в качестве примера того, как мы были окружены врагами даже внутри города, я расскажу вам о его похоронах.

В таком жарком климате, как Южная Африка, всегда необходимо, чтобы похороны состоялись примерно через двадцать четыре часа после смерти; так что вполне возможно, что утром, разговаривая с человеком в его магазине или на работе, он внезапно заболит и умрет в тот же вечер, а на следующий день, еще до того, как вы услышите о его болезни, вы встретите его гроб по дороге на кладбище.

Что ж, этот бедный инженер был очень популярным человеком, и комендант подумал, что многие люди захотят присутствовать на его похоронах, поэтому он распорядился, чтобы это было ночью, в целях безопасности от бурских снарядов. Поздно вечером, когда совсем стемнело, похоронная процессия покинула больницу; но не успели они начаться, как в городе взлетела ракета, очевидно, это был заранее подготовленный сигнал, потому что почти сразу же буры начали сбрасывать снаряды вокруг кладбища, но, к счастью, никто не погиб.

Возможно, вы слышали в Англии о маленькой девочке, которая так много знала о военном положении, что однажды в декабре забрела в кабинет начальника и сказала: "Пожалуйста, сэр, разрешите Санта-Клаусу прийти в наш дом!"

Все продукты по-прежнему кажутся ужасно дорогими: нам приходится платить около 8 шиллингов за одну курицу или утку, 4 шиллинга за дюжину яиц и 2 шиллинга 6 пенсов за фунт сливочного масла.

У нас готовит белая женщина, а наш черный мальчик радуется имени "Мозес". Не прошло и нескольких дней, как меня навестил "Джордж" — мальчик, который был у меня десять лет назад. Удивительно, как эти туземцы узнают, когда человек возвращается, даже спустя годы. Конечно, Джордж хотел вернуться, но я обнаружил, что он в хорошем состоянии, поэтому сказал ему, что скоро возвращаюсь в Англию, и не взял его с собой.

Мне здесь предложили две довольно хорошие должности, но я думаю, что в любом случае мне нужно на время уехать домой.

Недалеко от Кимберли находится огромный лагерь беженцев. Боюсь, в этих лагерях было ужасно много случаев кори, и от нее было много смертей; корь была почти неизвестна на разбросанных бурских фермах, и теперь, когда эти люди скучены в тесноте, с их традиционным неприятием свежего воздуха или чистоты, кажется невозможным заставить их принять меры предосторожности против заражения.

Как правило, люди в лагерях беженцев получают такой же, а часто и гораздо лучший паек, чем солдаты, но они не питаются им; тем не менее, оставлять их на фермах было невозможно, поскольку единственным способом помешать бурам пополнить свои запасы было забрать или уничтожить урожай, а после того, как это было сделано, было невозможно оставить женщин и детей на фермах умирать с голоду.

Теперь они посылают сестер работать в эти лагеря, и они делают все возможное, чтобы помочь людям, но я полагаю, что это, должно быть, довольно тяжелая работа, поскольку многие бурские женщины очень подозрительны и ожесточены. Осмелюсь предположить, вы слышали о женщине, которая убеждала своего мужа пойти воевать, говоря: "Я могу найти другого мужа, но я не могу получить другое Свободное государство".

У меня было несколько интересных поездок по стране с дамой, которая была здесь во время осады и смогла показать мне, где шли бои; и однажды несколько офицеров устроили очень веселый пикник в местечке под названием "Излучина", примерно в семнадцати милях отсюда, на реке Ваал.

В то время стояла очень жаркая погода, от 90 ° до 95 ° в тени, поэтому мы отправились в путь в 5.30 утра и позавтракали и пообедали там. Повозка для мулов, груженная провизией — восхитительными персиками и другими фруктами, присланными из Кейптауна, — была отправлена под присмотром четырех санитаров (все вооруженные). Мы катались на веслах по реке и бродили под деревьями, и в целом это был самый приятный пикник, которым я когда-либо наслаждался.

Один из офицеров нашей партии имел честь быть самым молодым полковником в британской армии; он так быстро получил повышение во время войны.

У всех у них были тяжелые времена, но в тот день они хотели повеселиться, и я думаю, что так оно и было; но они держали револьверы наготове, даже когда гребли вверх по реке.

Мне сказали, что я имею право на "Льготный проезд" домой, поскольку я служил во время войны, и это означало бы, что мне придется заплатить всего около 5 фунтов стерлингов за столовую на рядовом, вместо того чтобы платить около 35 фунтов стерлингов за проезд на обычном почтовом судне; поэтому я пошел к офицеру железнодорожного штаба, и он был очень любезен, договорившись об этом для меня, и (после связи с Кейптауном) он сказал мне, что если я увижусь с П.М.О., когда прибуду туда, он, вероятно, будет рад, если я выполню свои обязанности в течение всего рейса. , и тогда я мог бы путешествовать совершенно бесплатно и получать зарплату (вместо того, чтобы оплачивать свой счет за столовую). Он также дал мне бесплатный железнодорожный билет до Кейпа, чего я совсем не ожидал.

Теперь я должен нанести несколько прощальных визитов, а затем, еще раз, я скоро снова отправлюсь в путь.

Теперь действительно кажется, что война скоро закончится. Мы слышали, что часть войск все еще прибывает, но, похоже, сестер более чем достаточно для той работы, которая должна быть выполнена.

L

Эсминец "Ориент" (*на пути домой*),
март 1902 г..

Мне было очень жаль прощаться с Кимберли, но мне также стало очень плохо дома, поэтому однажды рано утром я снова сел в поезд, чтобы прогуляться по Карру до Кейптауна.

Я вооружился большим запасом литературы, любезно предоставленным мне друзьями, а также библиотекарем Публичной библиотеки Кимберли (который подарил мне солидный запас старых номеров), и по дороге раздал ее людям на блокаузах. Бедняги, им приходится нелегко, они должны быть очень бодры и начеку, иначе в любую ночь буры могут пересечь участок железной дороги, за который они несут ответственность, с большой вероятностью оставив немного динамита, чтобы подорвать следующий поезд; и все же в течение недель, а возможно, и месяцев ни один бур не сможет приблизиться к их конкретному участку.

Поезда по-прежнему не должны были ходить ночью, поэтому в первый день мы остановились в Де-Ааре около 6 часов вечера. После обеда я как раз думал, что это очень медленно, никого в этом месте не зная, и решил пойти спать, когда увидел прогуливающегося по платформе генерала, а с ним молодого офицера, в котором я вскоре узнал старого пациента из Пайнтауна, и с которым я был очень рад встретиться снова.

Генерал вскоре отбыл, а затем капитан... повел меня на веселую прогулку при лунном свете по Деару; он все еще немного хромотал из-за своей раны, так что исполнял обязанности адъютанта какого-то тамошнего йомена. Было приятно услышать о многих других старых друзьях, а также немного о ходе войны в этой части страны.

На следующий день, двигаясь вдоль линии фронта, мы миновали несколько эшелонов с солдатами, только что прибывшими из Англии, — кажется, шотландскими гвардейцами, манчестерцами и ланкаширскими фузилерами. Некоторые из них были плотно упакованы в открытые фургоны и, казалось, думали, что им и без того приходится несладко, но, поскольку погода стояла теплая и сухая, положение их было не так уж плохо. Они, казалось, были очень рады тем немногим бумагам, которые я смог им дать, поскольку они не видели ни одной с тех пор, как приземлились. Их главная забота, по-видимому, заключалась в том, будет ли у них шанс израсходовать немного боеприпасов до окончания войны.

Той ночью мы пришвартовались в Матьесфонтейне, и я очень сожалел, что не могу остаться там на день, чтобы осмотреть поле боя; но я не знал, в какой день они хотели, чтобы я вышел на дежурство, поэтому мне пришлось поторопиться.

На следующее утро я прибыл в Кейптаун; и, "умывшись и приведя себя в порядок", я пошел к помощнику капитана, который был очень любезен и сказал, что, если я согласен выполнять легкие обязанности в этом рейсе, мне, конечно, не нужно платить за проезд. Если бы я был готов, он хотел бы, чтобы я поднялся на борт *Orient* 12-го (тогда это было 8-го).

Я провел несколько очень приятных дней с друзьями в Рондебоше; но мне не удалось часто бывать дома, чтобы повидаться с другими людьми, так как я снова сильно заболел дизентерией, и мне пришлось довольно серьезно лечиться, чтобы подготовиться к дежурству 12-го.

Я поднялся на борт в то утро в 10 часов утра, но там дул такой шторм, что мы ушли только в 5 часов вечера следующего дня.

На борту около тридцати офицеров и от 500 до 600 матросов, почти все они вернулись домой инвалидами, и ужасно грустно видеть так много "обломков" войны.

П.М.О. - майор Королевской армии, и он так же строг с санитарями, как майор, с которым я работал в Пайнтауне; так что о людях хорошо заботятся, и мне нравится работать на него.

Я была первой сестрой, прибывшей на корабль, и, обнаружив, что каюты будут очень полны, я спросила, могу ли я выступить в роли ночной сестры, и таким образом закрепила за собой каюту.

Большую часть пути у меня было много дел, так как несколько матросов и один офицер все время были очень больны; но за время плавания у нас не было смертей, и большинство пациентов, похоже, сейчас идут на поправку.

В свою первую ночь дежурства я обошел больницу, а потом решил взглянуть на выздоравливающих на койках-качалках (их было девяносто), и я нашел там бедного сержанта-цветомузыку, который вышел всего несколько месяцев назад и вернулся с безнадежно тяжелым заболеванием сердца из-за перенапряжения; он не мог лежать, был таким запыхавшимся и посиневшим, что я добился перевода его в больницу и смог устроить поудобнее с подушками и т. д. Он был таким хорошим пациентом, и ему немного стало лучше, но я боюсь, что он никогда больше не сможет работать, а он женатый человек.

У двух совсем молодых парней во время путешествия часто случались эпилептические припадки — я полагаю, вызванные пребыванием под южноафриканским солнцем.

Молодой йоркширский фермер из отряда йоменов был отправлен домой инвалидом из-за "чахотки", но на следующий день после нашего отплытия он попал в больницу с температурой 105 °, и всю дорогу его отчаянно тошнило от кишечной инфекции (сильное кровотечение и т.д.). Должно быть, у него некоторое время была лихорадка, прежде чем был поставлен диагноз — температура была связана с состоянием его грудной клетки. Он все еще очень слаб, но я думаю, что он выкарабкается.

Однажды ночью мне сказали, что мужчина на качающейся койке был "довольно странным", поэтому я первым делом спустился к нему и обнаружил, что его койка пуста. Я взлетел на палубу и встретил нескольких стюардов, которые взяли его за шиворот на верхней палубе. Мы укрыли его в безопасном уголке больницы, снабдив "специальным" для той ночи угощением. Кроме того, был один бедняга, потерявший руку, и двое, потерявших по ноге — один из последних, старший сержант, был ранен в то же время, когда полковник Бенсон был убит во Влакфонтейне. Он был уроженцем Кимберли, и жена и двое маленьких детей бедняги были убиты одним бургским снарядом во время осады Кимберли. Он едет домой, чтобы ему вставили пробковую ногу, а затем вернется в Южную Африку.

Пожалуй, самыми печальными случаями из всех были случаи с одиннадцатью сумасшедшими, находившимися у нас на борту. Их нужно было содержать в очень безопасном месте с особой охраной и другими мерами предосторожности; а на случай, если они попытаются выпрыгнуть за борт, у них на палубе было ограждение с высокими перилами в качестве площадки для проветривания. Некоторые из них очень безумны и жестоки, но некоторые казались настолько вменяемыми, что возникал вопрос, не притворились ли они сумасшедшими, чтобы их отправили домой.

Мне не полагалось навещать этих людей ночью, потому что, чтобы добраться до них, мне пришлось бы пройти долгий путь через спальные помещения солдат, но офицер-медик

навещал их во время своего последнего обхода, и каждые два-три часа я обычно оставался в госпитале, пока приходил начальник тюрьмы и сообщал, как у них дела.

Однажды ночью офицер-медик ушел, а когда вернулся, то сказал мне, что обнаружил их дверь незапертой и отсутствие дежурного охранника; к счастью, все они спали. На следующий день эта история была о корабле, и очень скоро ее переделали в следующую версию— "Прошлой ночью мистер... обнаружил, что все сумасшедшие сбежали; они с сестрой решили, что лучше не поднимать шума. Вместо этого они поймали первых одиннадцать человек, которых встретили, и заперли их; они не были *настоящими* сумасшедшими, но их подкупили дополнительным "скоффом", чтобы они играли в игру и ничего не говорили об этом; но настоящие сумасшедшие все еще были на свободе!" После этого, если кто-нибудь подходил к мужчине довольно тихо, тот сильно подпрыгивал и кричал: "Привет! ты один из них?", а затем началась грандиозная погоня по палубе!

Среди офицеров тоже были тяжелые случаи; у двоих из них были переломы бедер бурскими снарядами, но они только начинали снова ходить — у одного, однако, была короткая нога, а у другого затекло колено.

У офицера йоменского полка, тяжело раненного в обе руки, одна рука все еще была совершенно бесполезна; но я надеюсь, что операция улучшит положение. Он провел ужасное время в тряской машине скорой помощи, не в силах ни ухватиться, ни спастись ни одной рукой.

Затем был молодой врач, который однажды, когда наши люди были застигнуты врасплох и многие из них взяты в плен, ходил перевязывать раненых, когда подошли несколько буров и застрелили раненых, пока он перевязывал их, а потом несколько раз выводили его, говоря, что они собираются застрелить его, но в конце концов он благополучно ушел. Там были два офицера, которым прострелили легкие, но я думаю, что со временем они поправятся; и был еще один молодой человек, раненный в область позвоночника и парализованный по всему боку и ноге; и еще один (совсем мальчик), раненный в бедро и парализованный с этой стороны. Ни один из этих двоих не мог передвигаться без посторонней помощи; и, хотя все они были удивительно бодры, я знаю, что часто заставлял их часами лежать без сна вместе, и молодому англичанину тяжело смириться с мыслью, что он, возможно, никогда больше не сможет ходить или ездить верхом, даже если он получил рану, защищая свою страну.

Когда я заканчиваю это письмо, мы как раз бросаем якорь на ночь в Саутгемптонских водах, недалеко от больницы Нетли; и, как ни странно, сегодня 3 марта, в тот самый день, когда я отплыл в Южную Африку два года назад. Завтра мы надеемся приземлиться в Саутгемптоне.

Немного побывав дома, я надеюсь убедить свою сестру навестить вместе со мной другого брата в Соединенных Штатах и кое-кого из родственников в Канаде и Новой Шотландии; затем я должен найти какую-нибудь постоянную работу в Англии.

Я бы ни за что не пропустила уход за больными во время этой войны. У нас часто бывали трудные и тревожные времена, и, конечно, я мало что мог сделать, но я был в состоянии помочь нескольким мужчинам восстановить свое здоровье и силы; и, возможно, также помочь нескольким в их последние часы, людям, чьи собственные родственники многое бы отдали, чтобы оказаться на моем месте, где у них не было возможности быть. И, как бы я ни был занят, я мог, по крайней мере, найти время, чтобы напомнить им об этом ... "Бог отрет все слезы с их глаз; и не будет больше ни смерти, ни скорби, ни плача, и не будет больше боли." ...

И все же никто, кто не видел этого, не может осознать всю скорбь и страдания, которые влечет за собой война; и я *почти* склонен согласиться с человеком, который был в Кимберли во время осады, который помогал там мистеру Сесилу Роудсу в его работе, и который впоследствии, когда его спросили, не рад ли он, что у него был шанс помочь мистеру Роудсу в его великой работе, сказал: "Да, но когда я думаю обо всех страданиях, которые пришлось вынести этим несчастным женщинам и детям, я думаю, что если бы я когда-нибудь снова оказался в стране, где война была неизбежна, я бы сел на корабль и отправился в Кимберли". на другой конец света и оставаться там, пока все не закончится!"

Я боюсь, что вряд ли мы все сможем это сделать; но я верю, что эта война заставит людей задуматься, и что, если в наше время когда-нибудь случится еще одна война, мы сможем лучше подготовиться к ней.

Война всегда означает страдания, но страдания могли бы быть значительно уменьшены, если бы мы были лучше организованы в мирное время.

Напечатано Ballantyne, Hanson & Co.
в Эдинбурге и Лондоне

Путешествия

С 32 страницами иллюстраций и двумя картами.
Маленький королевский 8vo. 10s. 6d. net.

Нигерия: Ее народы и их проблемы.

Э. Д. Морел, автор книги "Великобритания и Конго".

Times. — "Почерк ясен, а мнения смелые. Личные впечатления мистера Морела включают в себя множество сильных мыслей и предложений. Его книга в целом представляет особую ценность для студента и администратора".

Большой пост 8vo. 6s. net.

Пастель под Южным Крестом.

Миссис Маргарет Л. Вудс,

Автор книг "Бродяги", "Отзыв короля" и др.

Шотландец. — "Расскажите о людях и жизни Южной Африки в главах, представляющих неослабевающий интерес, время от времени сопровождая их поразительными описаниями".

Заводная головка 8vo3s6d. net.

Письмо на родину:

Это Письма полковника Джонстона из Индии.

Под редакцией Пауэлла Миллингтона, автора книги "Наконец-то в Лхассу".

Морнинг Пост.— "В его небольшой книге много концентрированной мудрости".

Шотландец.— Полковник никогда не бывает утомительным. Его письма полны содержательных замечаний и веселых анекдотов".

Большой пост 8vo. 6s. net.

Играющие дети и другие зарисовки.

Автор: мисс Брэдли.

Daily Mirror.— "Автор чувствует себя как дома среди самых маленьких жителей Италии. Она сделала своих подданных очень привлекательными и человечными".

С 32 страницами иллюстраций. Маленький деми 8vo. 10s. 6d. net.

Аванпост в Папуа.

Преподобным Артуром Кентом Чигнеллом, священником Новогвинейской миссии.

"Черч Таймс".— "Книга мистера Чигнелла о Папуа - это миссионерская литература освежающего характера. Он до краев полон юмора и человечности".

Большой пост 8vo. 7s. 6d. net.

Два визита в Данию.

Эдмунд Госсет, доктор права, автор книг "История современной литературы", "Генрик Ибсен", "Отец и сын" и др.

Морнинг Пост.— "Книга, которая под видом спокойного и восхитительного повествования дает вам представление об одной из самых восхитительных стран Европы".

"Дейли Миррор".— "Она полна изысканного чувства юмора".

Лондон: Smith, Elder & Co., Ватерлоо Плейс, 15, Южная Каролина

Биография

В двух томах, с портретами и планами. Корона 8во. 12с.

Великий герцог.

Автор: У. Х. Фитчетт, бакалавр права,

Автор книг "Деяния, завоевавшие империю", "Бои за флаг" и др.

Ливерпульская почта.— "Написано ... мастером повествования. История исчерпывающей кампании на полуострове никогда не была написана более живописно и в то же время с таким уважением к правде".

С портретом в фотогравюре и 8 страницами иллюстраций.
2-е издание. Деми 8во. 10s. 6d. net.

Моя военно-морская карьера и путешествия.

Адмиралом флота Достопочтенным. Сэром Эдвардом Х. Сеймуром, Г.К.Б., О.М. и др.

Daily Telegraph.— "Простой, прямолинейный, мужественный и без прикрас, этот литературный отчет является достойной данью карьере, которую он описывает. Адмирал Сеймур сделал такую же блестящую карьеру, как и любой другой офицер британского военно-морского флота."

С 3 фотогравюрами и 20 страницами иллюстраций. В 2-х томах.
Большой средний 8во31s. 6d. нетто.

Семья и наследники сэра Фрэнсиса Дрейка.

Автор: леди Элиотт-Дрейк.

Обозреватель.— "Пластинки Дрейк богаты и так превосходно организованы леди Элиотт-Дрейк, что мы получаем очень близкую и яркую картину жизни в Девоне и Лондоне на протяжении почти двухсот лет".

С 2 портретами в фотогравюре и 2 иллюстрациями.

Большой пост 8во. 7s. 6d. net.

"Силхет" Теккерей.

Автор: Ф. Б. Брэдли Бирт, I.C.S., Автор книги "Чхота Нагпор" и др.

*** Биография Уильяма Мейкписа Теккерей, деда писателя.

Standard.— "Знание мистером Брэдли Биртом Индии не только такой, какая она есть сейчас, но и какой она была во второй половине восемнадцатого века, позволило ему придать этой истории живость, которая не всегда встречается в англо-индийских биографиях".

С 18 портретами (2 в фотогравюре). Малая часть, 8в. 2 тома. 21с. нетто.

Жизнь Эдуарда, графа Кларендона.

Сэр Генри Крейк, К.К.Б., член парламента,

Автор книги "Столетие шотландской истории" и др.

Времена.— "Жизнь, которая по своему величию и разнообразию рельефа, не в меньшей степени, чем по живописному изобилию доступных деталей, уступает лишь пяти или шести во всей великолепной галерее биографий семнадцатого века".

Лондон: Smith, Elder & Co., Ватерлоо Плейс, 15, Южная Каролина

Биография

Большой пост 8vo. 7s. 6d. net.

Листья дерева: Биографические этюды.

Автор: Артур К. Бенсон,

Автор "Писем Аптона", "Из окна колледжа" и др.

СОДЕРЖАНИЕ:—Вступительное.—Епископ Уэсткотт.—Генри Сиджвик.—Дж. К. Стивен.—Епископ Уилкинсон.—Профессор Ньютон.—Фредерик Майерс.—Епископ Лайтфут.—Генри Брэдшоу.—Мэтью Арнольд.—Чарльз Кингсли.—Епископ Линкольнский Вордсворт.—Эпилог.

"Дейли Телеграф".— "Эту книгу можно отнести к числу самых ценных из всех книг мистера Бенсона".

С 9 портретами (1 в фотогравюре). Demy 8vo. 14s. net.

Ханна Мор: Биографическое исследование.

Автор: Аннет М. Б. Микин,

Автор книг "Железная лента", "Что делает Америка" и др.

Абердинский журнал. "Мисс Микин пишет с глубоким знанием своего предмета. Мы прочитали эту книгу с глубоким интересом и признательностью и сердечно рекомендуем ее нашим читателям как сокровищницу хороших вещей, а также как замечательный рассказ о Ханне Мор".

С 6 портретами. Маленькая деми 8vo7s. 6d. net.

Анналы ирландских арфистов.

Автор: Шарлотта Миллиган Фокс.

Standard.— "В этом увлекательном томе миссис Миллиган Фокс превосходно пишет о традициях игры на арфе в Ирландии и, между прочим, проливает свет не только на бардов древней Ирландии, но и на исторические арфы, сохранившиеся до настоящего времени".

С 4 фотогравюрными портретами. Большая фотография 8vo10s. 6d. net.

Мемуары и воспоминания. 2-е впечатление.

Миссис К. У. Эрл,

Автор книги "Попурри из сада Суррея" и др.

Daily News.— "Множество читателей всегда будут рады новой книге автора "Попурри из сада в Суррее" ... В ее последнем томе любители книг найдут много интересного на свой вкус".

Поместье Чотон и его владельцы:

Семейная история.

С портретами в фотогравюре и многочисленными иллюстрациями.

Заводная головка 4 до. 21с. нетто.

Уильям Остин Ли, научный сотрудник Королевского колледжа в Кембридже, и Монтегю Джордж Найт из Чотона.

Таймс.— "Мистер Остин Ли придает своим исследованиям Старого Гэмпширского поместья литературный оттенок, который освещает его выдержки из оригинальных документов. Личный интерес общественности сосредоточен в основном на Джейн Остин, ее доме и ее семье".

Лондон: Smith, Elder & Co., Ватерлоо Плейс, 15, Южная Каролина

Художественная литература

НОВЫЕ ВЕРСИИ 6s. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

3-е впечатление. С 3 иллюстрациями Чарльза Э. Брока.

Дело Ричарда Мейнелла.

Автор: миссис Хамфри Уорд.

Daily Mail.— "Ни одна книга этого или следующего года, вероятно, не будет так широко и горячо обсуждаться".

"Глазго Геральд".— История, которая, несомненно, показывает миссис Уорд с лучшей стороны ... едва ли найдется страница, на которой мы не восхищались бы каким-нибудь по-настоящему человеческим прикосновением".

Придворный наклоняется.

Сэр Джеймсом Йоксаллом, членом парламента,

Автор книг "Годы странствий", "Шато Рояль" и др.

Times.— "Сэр Джеймс Йоксолл рассказывает в форме романа историю любви Гете и Кристианы Вульпиус. И рассказывает он это очень умно."

Пенни-Манипенни.

2 -е Впечатление

Мэри и Джейн Финдлейтер,

Авторы "Рассказанных историй", "Кроссриггса" и др.

***Еще одна история шотландской жизни и характера из умелых рук авторов "Кроссриггса".

Мастер Кристофер.

2 -е Впечатление

Миссис Генри де ла Пастур (леди Клиффорд).

Mup.— "Свежий, нежный и очаровательный роман".

Standard.— "Кристофер Торвертон - лучшая фигура, которую предоставила нам леди Клиффорд. От начала до конца он последователен, человечен и трогателен.... "Эрика" - одно из лучших изображений флирта, которое мы можем вспомнить".

Входит Чармиан: Комедийная идиллия Мурсайда.

Автор: Гарольд Валлингс.

Атенеум. — "Читатель, который за добродушным развлечением ознакомится с этим отчетом о празднике игры в гольф и стрельбы, благоухающем девонскими пустошами и народом, получит удовлетворение своего желания".

Потерянная Ифигения.

Автор: Агнес и замок Эгертон.

Шотландец. — "Мощная история, сильная как по сюжету, так и по характеристикам, исследование доктора Лотнара, возможно, лучшее, что эти очень способные писатели представили публике".

Лондон: Smith, Elder & Co., Ватерлоо Плейс, 15, Южная Каролина

Последние публикации

Большой пост 8vo. 7s. 6d. net.

Старый порядок меняется. Переход власти от Палаты лордов.

Автор: Фрэнк Дилнот.

Standard. — "Мистер Дилнот - парламентский журналист с проницательным взглядом, способный к яркому описанию ... изучающий нашу Конституцию найдет эту книгу бесценной, потому что в ней в интересной форме изложена история великого спора между двумя палатами".

Большой пост 8vo. 7s. 6d. net.

Суждения в отпуске.

Его Честью, судья Эдвард Эббот Пэрри, Автор книги "Алая селедка и другие рассказы" и др.

evening Standard. — "Этот сборник эссе остроумен, полон забавных анекдотов, и, кроме того, написан с литературным чутьем, которое всегда делает честь произведению, посвященному ему".

"Йоркшир пост". — "Юмор - отнюдь не единственное редкое качество в этих суждениях. В чистом смысле слова Лэмб и Стивенсон - это литература".

Крупная крона 8в. 7с. 6д. нетто.

Кредо Половины Японии:

Исторические очерки японского буддизма.

Автор: Артур Ллойд, магистр медицины, преподаватель Императорского университета в Токио, бывший сотрудник Peterhouse.

Glasgow Herald.— "Ни один серьезный исследователь японской жизни не может позволить себе пропустить мимо ушей эту книгу".

Большой пост 8vo. 3s. 6d. net

Религиозные аспекты отстранения от власти.

Справа преподобный епископ Уэллдон, декан Манчестера, автор книги "Проповеди, обращенные к мальчикам из Харроу" и др.

Абердинский журнал.— "Доктор Уэллдон доказывает, что он не только чрезвычайно способный, но и наиболее беспристрастный полемист. Все, что можно сказать в пользу упразднения, он придает полную ценность".

Крупная крона 8в. 3с. 6д. нетто.

Копты и мусульмане под британским контролем.

Под редакцией Кириакоса Михаила.

Шотландец.— "Кириакос Михаил собрал множество мнений и доказательств в пользу большей свободы и привилегий для коптов в Египте".

Дему 4to. позолоченный верх. £ 2,2 шилл. нетто.

Созвучие стихам Уильяма Вордсворта.

Отредактировано для Общества согласия профессором Лейном Купером, доцентом английского языка и литературы Корнельского университета.

"ливерпуль дейли пост".— "Это самое замечательное произведение искусства ... соответствие, которое, безусловно, превосходно по дизайну и которое мы сочли наиболее полным и точным".

Лондон: Smith, Elder & Co., Ватерлоо Плейс, 15, Южная Каролина

Столетнее биографическое издание

из произведений

Уильям Мейкпис Теккерей.

Для этого, Окончательного издания, леди Ричи переделала свои Биографические предисловия к Произведениям, добавив множество новых писем и иллюстраций, а также некоторые произведения великого романиста, до сих пор не публиковавшиеся.

В 26 Об. Деми 8во. Позолоченный верх. по 6 шт. нетто каждый.

Издание напечатано крупным шрифтом на тонкой бумаге. В дополнение к очень многочисленным иллюстрациям в тексте, имеется около 500 отдельных табличек (многие из них нарисованы автором), а другие -

Ф. БАРНАРД.

достопочтенный. ДЖОН КОЛЬЕР.

ДЖОРДЖ КРУКШЕНК.

ФРЭНК ДИКСИ, Р.А.

РИЧАРД ДОЙЛ.

ДЖОРДЖ ДЮ МОРЬЕ.

Сэр ЛЮК ФИЛДС, Р.А.

ГАРРИ ФЕРНИСС.

ЧАРЛЬЗ КИН.

ДЖОН ЛИЧ.

Сэр Дж. Э. МИЛЛЕ, барт., П.Р.А.

Г. А. САЛА.

ЛИНЛИ СЭМБОРН.

ФРЕДЕРИК УОКЕР, А.Р.А.

26 портретов Теккерей, представленных в качестве фронтисписов, некоторые из которых появляются впервые, принадлежат, в частности, следующим художникам:

ДЖОРДЖ ЧИННЕРИ.

ГРАФ Д'Орсе.

ЧАРЛЬЗ Кин.

СЭМЮЭЛ ЛОУРЕНС.

ДЭНИЕЛ МАКЛИЗ, Королевская академия,

Сэр Дж. Э. МИЛЛЕ, Барт., П.Р.А.

ФРЭНК СТОУН, А.Р.А.

ФРЕДЕРИК УОКЕР, А.Р.А.

СЭМЮЭЛ ЛАВЕР.

Последний том включает цветной портрет леди Ричи по акварельному рисунку ее отца и набросок У. М. Теккерей по рисунку леди Ричи, оба до сих пор не публиковались.

Сэр Генри Люси. — "Если вы ищете лучший памятник Теккерей, вы найдете его в этом великолепном издании его произведений".

Сфера. — "Наконец - то у нас есть идеальное издание Теккерей ... красивые книги, хорошо напечатанные на хорошей бумаге с приличными полями.

РЕКЛАМНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ПУБЛИКУЮТСЯ БЕСПЛАТНО При ПОДАЧЕ ЗАЯВКИ.

Лондон: Smith, Elder & Co., Ватерлоо Плейс, 15, Южная Каролина

Финансы

Заводная головка 8vo3s6d.

Ломбард-стрит: Описание Денежного рынка.

Покойного Уолтера Бейджхота.

15-я тысяча. С Новым предисловием Хартли Уизерса.

Financial Times.— "Этот хорошо известный труд представляет собой стандартное руководство по денежному рынку, и новое издание, обновленное до настоящего времени, будет по достоинству оценено теми, кто воспользовался более ранними изданиями".

Финансовые новости.— "Нет такого городского жителя, каким бы зрелым ни был его опыт, который не мог бы пополнить свои знания с ее страниц".

Работы Хартли Уизерса

Большие столбы по 8в. 7с. 6д. нетто каждый.

Значение денег.

9-я тысяча. 3-е издание.

Финансовые новости.— "Не может быть никаких сомнений в том, что книга мистера Уизерса заменит все другие введения в денежную науку... читатели сочтут ее надежным и незаменимым путеводителем по лабиринтам Денежного рынка".

Daily Mail.— "Книга для обычного человека. Были написаны тома за томами, чтобы объяснить и обсудить нашу денежную систему. Теперь у нас есть работа, достойная всего остального, вместе взятого, по ясности изложения и элегантности дикции".

Manchester Guardian (передовая статья).— "Отсутствие общепринятой меры литературного мастерства, ясный, сильный и заостренный стиль и большой запас материала для метких и часто забавных иллюстраций придали изящество и очарование произведению совершенно исключительной полезности".

Акции и паи.

Mir.— "Акции и паи" привлекают большое внимание в Городе. Она полна информации как для спекулянта, так и для инвестора и написана с яркостью и юмором, которые доказывают возможность привлекательного рассмотрения самых сухих тем".

"Морнинг Пост".— "Это хорошая книга, она уверена в своей публике, и если непрофессионалы, которые ее прочитают, только последуют совету мистера Уитерса, не одна "мусорная лавка" будет закрыта до дальнейшего уведомления".

Ежедневные новости.— "Должно представлять наибольшую ценность для инвесторов и всех, кто интересуется городскими делами.... Он в высшей степени удобочитаем, а описание типичной флотации "Гигиенический зубной порошок, ЛТД." является литературной жемчужиной".

Лондон: Smith, Elder & Co., Ватерлоо Плейс, 15, Южная Каролина

У всех Книготорговцев и прилавков с Книгами.

Новые 1-е серии Smith, Elder & Co. от . Net Series.

1. Деяния, принесшие победу империи. Доктор У. Х. Фитчетт.
2. Кругосветный круиз "Кашалота" за кашалотами. Фрэнк Т. Bullen.
3. Сражается за Флаг. Доктор У. Х. Фитчетт.
4. Журнал морского бродяги. Фрэнк Т. Bullen.
5. Егерь дома. Ричард Джеффрис.
6. Судовой журнал лондонца. Достопочтенный Г. В. Э. Рассел.
7. "Сеятели". Х. С. Мерримен.
8. Джесс. Х. Райдер Хаггард.
9. Наоборот. Ф. Энсти.
10. Лес, пустошь и ручей. Дж. А. Оуэн.
11. Повесть о Великом мятеже. Доктор У. Х. Фитчетт.
12. Шестьдесят лет в пустыне. Сэр Генри У. Люси.
13. Видение Индии. Сидни Лоу.
14. Оборона Плевны. Capt. F. W. von Herbert.

Со вступительным словом генерала сэра Джона Френча, К.К.М.Г., К.К.Б. и др.

15. Мемуары Шерлока Холмса. А. Конан Дойл.

16. Нельсон и его капитаны. Доктор У. Х. Фитчетт.

17. Острыми инструментами. Генри Сетон Мерримен.

Лондон: SMITH, ELDER & CO., Ватерлоо Плейс, 15, Южная Каролина